

ISSN 2306-5001

Журнал входит в перечень анализируемых научных изданий ВАК

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

**Том 28. № 11.
Ноябрь 2021 г.**

Издается с 1993 года

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Алексей Ведев — д-р экон. наук, директор Центра структурных исследований РАНХиГС при Президенте РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вячеслав Моргунов — д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Владимир Глинский — д-р экон. наук, профессор кафедры статистики Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»

Сергей Дробышевский — д-р экон. наук, директор по научной работе Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Анна Золотарева — канд. юрид. наук, руководитель Научного направления «Правовые исследования» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Павел Кадочников — канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Научного направления «Реальный сектор» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Александр Погорлецкий — д-р экон. наук, профессор кафедры мировой экономики экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Александр Радыгин — д-р экон. наук, профессор, председатель Ученого совета, руководитель Научного направления «Институциональное развитие, собственность и корпоративное управление» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Сергей Синельников-Мурyleв — д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Ирина Стародубровская — канд. экон. наук, руководитель Научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

© «Экономическое развитие России», 2021

Воспроизведение материалов в любой форме допускается только с письменного разрешения редакции

ISSN 2306-5001

The journal is in the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission

RUSSIAN ECONOMIC DEVELOPMENT

**Volume 28. No. 11.
November 2021**

From 1993

EDITOR-in-CHIEF

Aleksey Vedev — Doctor of Economic Sciences, Head of the Center for Structural Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

DEPUTY EDITOR-in-CHIEF

Vyacheslav Morgunov — Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

EDITORIAL BOARD

Vladimir Glinitskiy — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM-NINH)

Sergey Drobyshevsky — Doctor of Economic Sciences, Scientific Director of the Gaidar Institute for Economic Policy

Anna Zolotareva — Candidate of Legal Sciences, Head of the Center for Legal Sciences, Gaidar Institute for Economic Policy

Pavel Kadochnikov — Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher of the Center for Real Sector, Gaidar Institute for Economic Policy

Alexander Pogorletskiy — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of World Economy, Department of Economics, St. Petersburg State University

Alexander Radygin — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chairman of the Scientific Council, Head of the Center for Institutional Development, Ownership and Corporate Governance, Gaidar Institute for Economic Policy

Sergey Sinelnikov-Murylev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Academic Director of the Gaidar Institute for Economic Policy

Irina Starodubrovskaya — Candidate of Economic Sciences, Head of the Center for Political Economy and Regional Development, Gaidar Institute for Economic Policy

© Russian Economic Development, 2021

Any reproduction, in whatever form and by whatever media, is expressly prohibited without the prior written consent of the journal

---

Содержание

МАКРОЭКОНОМИКА

Проект федерального бюджета на 2022–2024 годы: обеспечение устойчивости государственных финансов. Соколов И. А. 4

Долгосрочные вызовы для российской монетарной политики: климатические изменения, демография и введение цифрового рубля.
Горюнов Е. Л. 9

Международное сотрудничество: страны Восточного партнерства.
Воловик Н. П., Изряднова О. И. 14

Новые ограничения по доступу российских экспортеров на рынок США: причины и возможные последствия.
Пахомов А. А. 27

Пересмотр критериев присвоения статуса развивающейся страны.
Багдасарян К. М. 33

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Динамика промышленного производства в третьем квартале 2021 г.
Каукин А. С., Миллер Е. М. 39

Адаптация различных групп предприятий к кризису 2020 г.
Цухло С. В. 45

Хозяйственное обозрение (август–ноябрь 2021 г.).
Аукуционек С. П., Егоров А. С., Баширова И. А., Беляков С. В. 48

АГРОСЕКТОР

Цена на картофель: факторы роста и способы снижения.
Терновский Д. С., Шагайда Н. И. 56

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

Депозиты населения в январе–августе 2021 г.
Зубов С. А. 62

Прибыльность и эффективность российских банков после глобального кризиса.
Шилов К. Д., Зубарев А. В. 66

РЫНОК ТРУДА

Рынок труда и система обязательного пенсионного страхования: современные тренды и долгосрочные риски. Горлин Ю. М., Ляшок В. Ю. 76

Contents

MACROECONOMICS

Draft Federal Budget for 2022–2024: Ensuring Public Finance Sustainability. Sokolov I. A.	4
Long-term Challenges for the Monetary Policy in Russia: Climate Change, Demographics and Digital Ruble Adoption. Goryunov E. L.	9
International Cooperation: Eastern Partnership Countries. Volovik N. P., Izryadnova O. I.	14
New Restrictions on the Access of Russian Exporters to the US Market: Causes and Possible Consequences. Pakhomov A. A.	27
Revision of Developing Country Status Determination Criteria. Bagdasaryan K. M.	33

INDUSTRY

Industrial Production Dynamics in Q3 2021. Kaukin A. S., Miller E. M.	39
Adaptability of Various Groups of Enterprises to the 2020 Crisis. Tsukhlo S. V.	45
Survey of Current Business (August–November 2021). Aukutsionek S. P., Yegorov A. S., Bachirova I. A., Belyakov S. V.	48

AGROSECTOR

Potato Price: Growth Factors and Ways to Reduce. Ternovskiy D. S., Shagaida N. I.	56
--	----

FINANCIAL SECTOR

Retail Deposits in January–August 2021. Zubov S. A.	62
Profitability and Efficiency of Russian Banks after Global Crisis. Shilov K. D., Zubarev A. V.	66

LABOR MARKET

Labor Market and Mandatory Pension Insurance System: Current Trends and Long-term Risks. Gorlin Yu. M., Lyashok V. Yu.	76
--	----

Макроэкономика

ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА НА 2022–2024 ГОДЫ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ

И. А. СОКОЛОВ

Отличительными чертами проекта федерального бюджета на 2022–2024 годы являются незначительный рост доходной части бюджета, заметное сокращение в долях ВВП бюджетных трат и их перераспределение по сравнению с пандемической структурой государственных расходов, поддержание профицитного сальдо. Основной целью бюджетной политики в пределах трехлетнего горизонта будет оставаться обеспечение устойчивости государственных финансов. Среди инструментов такого обеспечения – бюджетное правило и накопление резервных средств в Фонде национального благосостояния (ФНБ) на случай негативного сценария развития ситуации в мировой экономике.

Ключевые слова: федеральный бюджет на 2022–2024 годы, государственные финансы, бюджетное правило, Фонд национального благосостояния.

JEL: E62, H12, H61.

Правительство России подготовило проект федерального бюджета на 2022–2024 гг. и внесло его в Государственную Думу. Как видно из таблицы, доходы федерального бюджета в ближайшие три года должны будут прирастать в номинальном выражении темпами ниже инфляции (1–2% против 4%), что означает их снижение в реальном выражении. С учетом прогнозируемой опережающей динамики ВВП доходы федерального бюджета сократятся к 2024 г. по сравнению с их оценкой за 2021 г. на 2,1 п.п. ВВП, причем как нефтегазовые (на 1,1 п.п.), так и ненефтегазовые (на 0,9 п.п.).

Согласно проекту нефтегазовые доходы после роста в 2022 г. на 12,7% по сравнению с текущим годом в последующие два года будут снижаться в номинальном выражении, возвращаясь к уровню 2021 г. Ожидается рост ненефтегазовых доходов федерального бюджета на 1,1% в 2022 г. и в среднем на 5,6% в 2023–2024 гг. к предыдущему году при прогнозируемой инфляции в 4%. Несмотря на то что доля нефтегазовых поступлений в структуре доходов за последние пять лет устойчиво снижалась с 43 до 35%, корреляция между

среднегодовой ценой нефти в рублях и доходами бюджета составляет порядка 84%. Это означает, во-первых, сохранение зависимости федерального бюджета от цены на нефть даже несмотря на то, что Минфин России совместно с Центробанком управляют курсом доллара посредством бюджетного правила; во-вторых, по-прежнему значимое влияние стоимости нефти и обменного курса рубля на не связанные с добычей полезных ископаемых отрасли экономики.

Отличительной чертой проекта бюджета является обилие налоговых новаций, которые в основном направлены на обеспечение стабильности налоговых условий, повышение эффективности налогового стимулирования и улучшение качества налогового администрирования. В частности, речь идет о мерах по системному совершенствованию механизма взимания НДС при международной торговле услугами; о введении стандартного налогового вычета по НДФЛ для налогоплательщиков, на иждивении которых находятся дети и подопечные, признанные недееспособными; о реформировании системы льгот по инди-

---

Соколов Илья Александрович, заведующий лабораторией исследований бюджетной политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; директор Института макроэкономических исследований ВАВТ Минэкономразвития России, канд. экон. наук (Москва), e-mail: sokolov-ia@ranepa.ru

видуальным инвестиционным счетам нового типа (для привлечения денежных средств граждан в финансовый сектор на долгосрочной основе); о переходе к налогообложению доходов от трудовой деятельности, получаемых нерезидентами, по ставке, установленной для резидентов; о введении по налогу на прибыль дополнительных преференций для ИТ-компаний (инвестиционный налоговый вычет и повышающий коэффициент к норме амортизации); об отказе от налогообложения прибыли контролируемой иностранной компании (иностранной структуры без образования юридического лица) в случаях, когда возможность определения этой прибыли отсутствует из-за особенностей создания и ведения деятельности, установленных личным законом данных компаний; о дальнейшем развитии налогового законодательства по направлениям международной налоговой кооперации со странами ОЭСР и «Группы двадцати» и реализации политики деофшоризации; об установлении преференциального налогового режима на Курильских островах; о введении бездекларационного режима уплаты едино-

го налога и страховых взносов «УСН.онлайн» для микропредприятий и индивидуальных предпринимателей с численностью работников до 5 человек и выручкой не более 60 млн руб. в год (с объектом налогообложения «Доходы»); о переходе к единому налоговому платежу (счету) для организаций и индивидуальных предпринимателей («налоговый кошелек»), позволяющему бизнесу платить налоги одним платежным поручением, и ряде других.

В то же время проект содержит некоторые инициативы, являющиеся дискуссионными. В частности, предложено введение акциза на «калорийные безалкогольные газированные напитки» с целью «ограничения потребления таких продуктов» и получения «дополнительных доходов». На наш взгляд, эта мера может быть избыточной. Во-первых, негативное воздействие на здоровье данных продуктов наблюдается только в случае их систематического употребления в совокупности с использованием иных сахаросодержащих продуктов (фаст-фуда, сладостей, выпечки) и низкой физической актив-

Основные характеристики федерального бюджета, млрд руб.

	2021 г. (оценка)	Законопроект		
		2022 г.	2023 г.	2024 г.
Доходы – всего	23 782,3	25 021,9	25 540,2	25 831,8
в % ВВП	19,1	18,8	18,0	17,0
в том числе:				
Нефтегазовые	8466,3	9542,6	9194,6	8564,6
в % ВВП	6,8	7,2	6,5	5,7
Ненефтегазовые	15 316,1	15 479,3	16 345,6	17 267,2
в % ВВП	12,3	11,6	11,5	11,4
Расходы – всего	24 058,0*	23 694,2	25 241,1	26 354,4
в % ВВП	19,3	17,8	17,8	17,4
в том числе непроцентные	22 901,2	22 290,9	23 538,8	24 492,7
в % ВВП	18,4	16,7	16,6	16,2
Дефицит (-) / Профицит (+)	-275,7	1327,7	299,1	-522,7
в % ВВП	-0,2	1,0	0,2	-0,3

* – Оценка дана с учетом дополнительных расходов в пределах превышения оценки объема нефтегазовых доходов над прогнозируемым объемом, заложенным при формировании Федерального закона от 08.12.2020 г. № 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов».

Источник: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов».

ностью¹. На сегодняшний день, по данным Euromonitor International, Россия не является активным потребителем сахаросодержащих напитков², которые при этом не служат главным источником сахара для населения (2% от его потребления). Во-вторых, ожидаемый объем поступлений от данного предложения в бюджет оценивается в диапазоне до 20 млрд руб. в год, т.е. речь идет о незначительном суммарном бюджетном эффекте. Вследствие негативного влияния на производство и занятость подобные налоги были отменены в Дании и Словении³.

Изменение схемы налогообложения металлургической и химической отраслей с помощью привязки ставки НДС к биржевым котировкам на соответствующие сырьевые товары следует оценить позитивно, так как оно будет способствовать сокращению нефтегазового дефицита федерального бюджета при росте налоговой нагрузки, в наименьшей степени искажающей стимулы хозяйствующих субъектов. В то же время, по опыту нефтяной отрасли, увеличение НДС ведет к необходимости его постоянной дифференциации для освоения низкорентабельных активов. Для этого необходимо понимание экономической эффективности освоения ресурсной базы страны, тогда как в российской классификации по твердым полезным ископаемым отсутствует понятие рентабельных запасов. Помимо этого, следует учитывать будущие выплаты, связанные, например, с трансграничным углеродным налогом у металлургов, который вступит в действие в 2026 г. (климатическое регулирование ЕС).

Расходы федерального бюджета планируются сократить достаточно существенно — с 19,3% ВВП в 2021 г. до 17,4% ВВП в 2024 г. Объем расходной части федерального бюджета в 2024 г. сократится относительно 2021 г. на 1,9 п.п. ВВП, при этом снижение непроцент-

ных расходов за этот период окажется еще более значимым — на 2,2 п.п. ВВП. Общий объем планируемых расходов федерального бюджета на финансирование национальных проектов в 2022–2024 гг. составит более 8,6 трлн руб., что эквивалентно в среднем 11,9% от общего объема запланированных бюджетных расходов. Таким образом, предполагается увеличение веса финансирования национальных приоритетов в структуре расходов федерального бюджета (в 2019–2020 гг. расходы на них составили 9,1%).

В разрезе функциональной классификации расходов наиболее существенное их сокращение в 2024 г. относительно 2020 г. запланировано по разделам: «Социальная политика» — на 647,9 млрд руб., или на 2,3 п.п. ВВП, «Межбюджетные трансферты общего характера» — на 329,8 млрд руб., или на 0,6 п.п. ВВП, «Здравоохранение» — на 99,6 млрд руб., или на 0,4 п.п. ВВП, что преимущественно объясняется уменьшением финансирования связанных с пандемией мер социальной поддержки и предоставления медицинских услуг. Наибольший прирост расходов в 2024 г. по сравнению с 2020 г. планируется по разделам: «Обслуживание государственного долга» — в 2,3 раза (более чем на 1 трлн руб., или на 0,5 п.п. ВВП), «Охрана окружающей среды» — на 61,2% (на 159,4 млрд руб., или на 0,1 п.п. ВВП), «Образование» — на 37,3% (на 357,2 млрд руб., без изменений в долях ВВП).

Общий объем межбюджетных трансфертов регионам из федерального бюджета, по предварительным оценкам, в 2021 г. составит 2,8% ВВП. В 2022–2024 гг. продолжится снижение общего объема трансфертов (в долях ВВП) до уровня 2019 г. Озабоченность вызывает опережающий рост расходов консолидированных бюджетов регионов, который в значительной степени будет связан с решениями федерального центра без должной компенса-

¹ URL: <https://ac.gov.ru/news/page/eksperty-obsudili-riski-vvedenia-akciza-na-napitki-s-soderzaniem-sahara-26961>

² По состоянию на 2018 г. в России на человека в среднем приходилось 84,42 л безалкогольных напитков в год (для сравнения: в Китае — 410,7 л). URL: <https://www.bbc.com/russian/news-47815673>

³ URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/06/22/875183-aktsizov-sladkie>

ции путем передачи доходов (реализация национальных проектов; дальнейшее повышение оплаты труда работникам бюджетного сектора; увеличение размера МРОТ; индексация на уровень инфляции социальных пособий; рост инвестиционных расходов).

В программном формате расходной части проекта федерального бюджета 2022–2024 гг. отмечаются существенные изменения в результате отказа от структурирования государственных программ на подпрограммы и основные мероприятия, введения нового бюджетного инструмента в виде комплекса процессных мероприятий и отказа от использования таких инструментов, как ведомственные целевые программы и приоритетные проекты. Новая структура позволяет распределить расходы по проектным и процессным инструментам, что, несомненно, улучшает взаимосвязь расходов с результатами.

В 2022 и 2023 гг. прогнозируется профицит исполнения федерального бюджета в объеме 1 и 0,2% ВВП соответственно, в 2024 г. — незначительный дефицит в 0,3% ВВП. Ненефтегазовый дефицит за рассматриваемый трехлетний период составит в среднем 6,1% ВВП, что является довольно низким историческим уровнем.

При сбалансированном бюджете, но из-за имеющихся ограничений, накладываемых бюджетным правилом на разрешаемые к трате нефтегазовые доходы, запланирован устойчивый рост объемов заимствований — с 2 трлн руб. в 2021 г. до 2,9 трлн руб. в 2024 г., т.е. почти в 1,5 раза. Более того, государственные заимствования будут оставаться единственным значимым источником покрытия дефицита федерального бюджета в ближайшие три года.

Как результат, объем государственного долга возрастет с 22,1 трлн руб. (17,8% ВВП) в 2021 г. до 31,9 трлн руб. (21,1% ВВП) к 2024 г. Средства планируется привлекать преимущественно с внутреннего долгового рынка: внутренний долг увеличится с 17,3 трлн руб. в 2021 г. до 26,3 трлн руб. в 2024 г., в то время как объем государственного внешнего долга от-

носительно 2021 г. прирастет лишь на 0,8 трлн руб. — до 5,6 трлн руб.

В то же время прогнозируемый объем остатков средств ФНБ должен вырасти — до 23,3 трлн руб. (15,4% ВВП) на конец 2024 г. против 13,9 трлн руб. (11,2% ВВП) на конец 2021 г. Фактически приросты госдолга и остатков средств ФНБ за рассматриваемый трехлетний период будут эквивалентными.

Политика наращивания государственного долга при одновременном ускоренном накоплении средств в стабилизационном фонде вызывает некоторые вопросы с точки зрения ее обоснованности и целесообразности. Аргументом «за» можно признать риски существенного снижения цен на углеводороды и объема экспорта других товаров, а также вероятность нового финансового кризиса или других негативных событий, которые невозможно предвидеть на текущий момент. Однако в рамках данной стратегии целесообразно соотносить доходы от долгосрочных активов с расходами на обслуживание государственного долга. Наиболее вероятным объяснением федеральной политики управления обязательствами и активами является накопление средств в ФНБ для финансирования так называемых мегапроектов, которые, видимо, и должны стать долгосрочными источниками экономического роста.

В связи с прогнозируемым ростом государственного долга может реализоваться риск долгосрочного роста расходов на его обслуживание, которые с 2008 г. имеют тенденцию к повышению (с 0,35% ВВП в 2008 г. до 1,1% ВВП в 2024 г.).

В целом динамика доходов федерального бюджета на период 2022–2024 гг. согласуется с прогнозируемыми темпами экономического роста, а запланированная нисходящая динамика непроцентных расходов, опережающая темпы сокращения общих расходов федерального бюджета, свидетельствует о возможном значительном снижении их влияния на экономику, что, в свою очередь, предполагается компенсировать за счет направления части средств ФНБ на инвестиционные цели. ■

Draft Federal Budget for 2022–2024: Ensuring Public Finance Sustainability

Илья А. Sokolov – Head of Budget Policy Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Director of the Institute of Macroeconomic Research, Russian Foreign Trade Academy, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: sokolov@iep.ru

The distinctive features of the draft federal budget for 2022–2024 are an uptick in the revenue side of the budget, a noticeable reduction in the share of GDP of budget expenditures and their redistribution compared to the pandemic structure of public spending, maintaining a surplus balance. The main objective of fiscal policy within the three-year horizon will remain to ensure the sustainability of public finances. Among the instruments of such provision are the budget rule and the accumulation of reserve funds in the National Welfare Fund (NWF) in case of a negative scenario of the development of the situation in the world economy.

Key words: federal budget for 2022–2024, public finances, fiscal rule, National Wealth Fund.

JEL-codes: E62, H12, H61.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ МОНЕТАРНОЙ ПОЛИТИКИ: КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ДЕМОГРАФИЯ И ВВЕДЕНИЕ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

Е. Л. ГОРЮНОВ

В Проекте «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов» Банк России впервые указал, что в перспективе при принятии решений о денежно-кредитной политике будет учитывать влияние демографического фактора и глобального изменения климата на внутренние макроэкономические условия. Также регулятором принято решение о введении цифрового рубля. В статье обсуждаются данные инновации.

Обосновывается верность перехода к инфляционному таргетированию в 2014 г., поскольку этот режим позволил обеспечить закоренность инфляционных ожиданий, что создало условия для проведения контрциклической стимулирующей денежно-кредитной политики в период экономического спада 2020 г.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, глобальное изменение климата, демография, таргетирование инфляции.

JEL: E31, E52, E58, J11, Q54.

Традиционно каждый сентябрь ЦБ РФ публикует проект программного документа, в котором излагает свою оценку текущих макроэкономических условий, описывает видение вероятного развития событий в ближайшие годы и формулирует подход к денежно-кредитной политике. В Проекте «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов» от 30 сентября 2021 г.¹ (далее – Проект) есть ряд моментов, которые обращают на себя особое внимание. Во-первых, глобальное изменение климата и демографические изменения обозначены регулятором как два аспекта, которые будут значимо влиять на макроэкономические условия в долгосрочной перспективе, и поэтому их предполагается учитывать при принятии решений о денежно-кредитной политике. Во-вторых, с определенностью заявляется, что принято решение разрабатывать и внедрять цифровой рубль в оборот.

В тексте Проекта в специальной врезке приводится подробное обсуждение того, какие последствия для российской экономики могут иметь как сами климатические изменения,

так и специальные структурные меры, которые предпринимают различные страны для перехода к низкоуглеродной экономике. Сегодня многие центральные банки, включая ЕЦБ [4; 7], все больше внимания уделяют климатическим изменениям и обсуждают соответствующую трансформацию монетарной политики. Эти обсуждения на текущий момент не выходят за пределы общих рассуждений о рисках, связанных с изменением климата, и вероятных каналах воздействия климатических условий на структурные макроэкономические параметры, такие как темпы роста потенциального выпуска и нейтральный уровень процентной ставки.

В том же ключе к данной проблематике подходит и Банк России. Некоторые риски, о которых говорится в Проекте, представляются несколько преувеличенными (к примеру, риск потери устойчивости инфляционных процессов вследствие стихийных бедствий и изменения погодных условий), а некоторые потенциальные риски не упомянуты. В частности, не упомянут риск возникновения эффекта фискального доминирования по причине мас-

Горюнов Евгений Львович, научный сотрудник Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; преподаватель кафедры финансов и валютно-кредитных отношений ВАВТ Минэкономразвития России; старший преподаватель кафедры макроэкономики ЭМИТ РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук. (Москва), e-mail: gorunov@iep.ru

¹ URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/126064/on_project_2022\(2023-2024\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/126064/on_project_2022(2023-2024).pdf)

штабных государственных расходов, направленных на ускоренный переход к низкоуглеродной экономике. Общий вывод, к которому приходят экономисты Банка России, состоит в том, что на сегодняшний момент макроэкономические эффекты изменения климата и последствия «зеленой» политики можно представить только с качественной точки зрения, а численные оценки, ввиду высокого уровня неопределенности, сделать невозможно. С этим выводом можно согласиться, а также поддержать общее стратегическое решение Банка России включить климатический фактор в перечень факторов, релевантных для принятия решений в области денежно-кредитной политики.

Демография влияет на макроэкономические условия по ряду направлений. Старение населения и сокращение доли населения в трудоспособном возрасте отрицательно влияют на темпы роста потенциального ВВП и снижают нейтральный уровень процентной ставки [5]. Именно демографический фактор сегодня рассматривается в качестве одной из основных причин как низких темпов экономического роста в Японии, США и странах Европы, так и низкого (отрицательного) нейтрального уровня реальной ставки в этих странах. Все это оказывает сдерживающее влияние на совокупный спрос и инфляцию, что, в свою очередь, усугубляет проблему нулевой границы номинальной ставки и значительно сужает возможности денежно-кредитной политики [1]. Подобные риски в Проекте не рассматриваются, хотя в нем называются многочисленные каналы воздействия старения населения на потенциальный уровень ВВП. По нашему мнению, следовало бы также проанализировать последствия старения населения для нейтрального уровня реальной ставки.

Еще одно новшество, которое заслуживает отдельного внимания, это планы российского регулятора по введению в оборот цифрового рубля. Доля безналичного оборота в

России росла на протяжении последних десяти лет. С приходом пандемического кризиса спрос на наличные рубли вырос, но данное явление носит временный характер и в долгосрочной перспективе роль наличной валюты продолжит снижаться. Цифровой рубль представляет собой безналичный вариант рубля, который, в отличие от традиционных безналичных средств, не является финансовым обязательством какой-либо кредитной организации, а находится на балансе непосредственно российского центрального банка по аналогии с наличными в обращении.

За прошедший год произошел заметный прогресс во внедрении цифрового рубля. В аналогичном документе прошлого года тема цифрового рубля вообще не была затронута, а в Проекте текущего года присутствует специальное приложение, где описаны контуры новой системы денежного обращения, элементом которой будет цифровой рубль. При этом в Проекте акцент сделан на аспектах влияния введения цифрового рубля на денежно-кредитную политику, но не раскрыта сама цель его введения. В 2020 г. Банк России опубликовал доклад для общественных консультаций², посвященный теме цифрового рубля, но в нем также нет детального обоснования мотивов введения данной инновации. Заметим, что в докладе о цифровом рубле говорилось, что решение о его перспективном внедрении еще не принято, а обсуждение сроков введения преждевременно, поскольку для этого необходима дополнительная теоретическая и эмпирическая работа. В текущем же Проекте вполне определенно утверждается, что ЦБ РФ пойдет на этот шаг. На наш взгляд, необходимость введения цифрового рубля пока недостаточно обоснована. Между тем наличие убедительных оснований для данной инновации необходимо ввиду значимых рисков, связанных с изменением механизма формирования ликвидности банков и трансмиссии денежно-кредитной политики [2].

² URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf

С конца 2014 г. Банк России проводит политику в рамках режима таргетирования инфляции, который предполагает, что приоритетом регулятора является поддержание ценовой стабильности. Помимо задачи удержания инфляции в среднесрочной перспективе около целевого уровня в 4%, Банк России ставит перед собой задачу реализации контрциклической монетарной политики, для которой характерно смягчение условий на денежном рынке в период рецессии и ужесточение в период перегрева.

Преимущества режима таргетирования инфляции хорошо известны. В приложении к Проекту, где приводится сравнение динамики инфляции в странах, в которых монетарные власти таргетируют инфляцию, делается вывод о снижении волатильности инфляции после перехода к режиму таргетирования, что свидетельствует о предпочтительности использования именно данного подхода. Однако в Проекте не упоминается одно важнейшее, на наш взгляд, преимущество режима таргетирования инфляции, которое имеет большое значение именно для стран с формирующимися рынками, к которым относится Россия. Это преимущество состоит в том, что за счет закоривания инфляционных ожиданий центральным банкам удается эффективнее проводить контрциклическую политику. Между тем в странах с формирующимися рынками центральные банки зачастую вынуждены проводить проциклическую политику [6], ужесточая ее во время кризисов и смягчая в период подъема, что неблагоприятно сказывается на экономике, поскольку циклические колебания макропараметров при этом усиливаются, делая спады более болезненными, а перегрев экономики более заметным.

Феномен проциклической монетарной политики в странах с формирующимися рынками также хорошо известен. Ее выбор центральными банками связан с тремя факторами.

Во-первых, доверие к национальной валюте в таких странах недостаточно велико и инфляционные ожидания не закорены, поэтому

даже относительно слабые проинфляционные шоки существенно усиливаются в результате бегства экономических агентов в иностранную валюту в периоды кризиса.

Во-вторых, страны с формирующимися рынками уязвимы к изменению потоков капитала, которые во многом связаны со стадией экономического цикла. Повышение аппетита к риску у инвесторов и мягкая денежная политика в развитых странах приводят к росту спроса на финансовые активы стран с формирующимися рынками, укреплению их валют, снижению инфляции и увеличению выпуска. Ухудшение конъюнктуры мирового рынка капитала, напротив, влечет за собой отток средств с этих рынков, обесценение национальных валют, усиление инфляции и экономический спад.

В-третьих, центральные банки стран с формирующимися рынками проявляют низкую терпимость к колебаниям обменного курса. На приток капитала денежные власти отвечают противодействием повышению курса национальной валюты, т.е. смягчением денежной политики, что ведет к перегреву экономики. В периоды оттока капитала и ослабления курса национальной валюты они повышают ключевую ставку для сдерживания такой динамики ценой усиления рецессии.

Переход к таргетированию инфляции и свободному плаванию обменного курса позволяет уйти от подобной неэффективной политики. Пандемический кризис, начавшийся в 2020 г., показал, что в условиях массированного оттока капитала и ослабления курса национальной валюты страны с формирующимся рынком, где центральные банки перешли к таргетированию инфляции, смогли реализовать стимулирующую денежно-кредитную политику без значительного ускорения инфляции [3]. Закрепление инфляционных ожиданий объясняется повышением доверия к денежным властям, их политике и, как следствие, к национальной валюте. Таким образом, уход от обменного курса как номинального якоря и замена его на показатель инфляции позволяет

экономике легче адаптироваться к макроэкономическим шокам.

По нашему мнению, именно стратегический выбор, сделанный в 2014 г. в пользу перехода на таргетирование инфляции и плавающий курс, позволил Банку России проводить мягкую политику и поддерживать экономический рост, не опасаясь дестабилизации денежного обращения и потери контроля над инфляцией. В июле 2020 г. ключевая ставка достигла исторически минимального значения в 4,25% годовых и находилась на этом уровне вплоть до марта 2021 г. В дополнение к этому закоренные инфляционные ожидания дали возможность удерживать в 2020 г. низкие ставки и тем самым облегчить проведение стимулирующей бюджетной политики.

В заключение отметим, что общий подход к денежно-кредитной политике, изложенный в Проекте, остается вполне разумным. В Про-

екте отражены все основные риски, актуальные в рассматриваемом в этом документе периоде. Ответственная политика денежных властей играет важную стабилизирующую роль как в периоды кризисов, так и в периоды преодоления их последствий. Нынешний кризис беспрецедентен по своим масштабам и степени неопределенности, поэтому он требует предельной концентрации от экономических властей в целом и от центральных банков в частности. Острый кризисный период 2020 г. России удалось пройти с умеренными экономическими потерями, чему способствовала, в том числе, мягкая монетарная политика. Сейчас на повестке российского регулятора стоит задача не допустить дальнейшего роста инфляции и вернуть ее к целевому уровню, минимизировав по возможности негативные последствия кризиса для занятости и экономического роста. ■

Литература

1. Горюнов Е.Л., Дробышевский С.М., Мау В.А., Трунин П.В. Что мы (не) знаем об эффективности инструментов ДКП в современном мире? // Вопросы экономики. 2021. № 2. С. 5–34.
2. Синельникова-Мурылева Е.В. Цифровые валюты центральных банков: потенциальные риски и выгоды // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 147–159.
3. Aguilar A., Cantu C. Monetary policy response in emerging market economies: why was it different this time? / Bank for International Settlements. 2020. No. 32. URL: <https://www.bis.org/publ/bisbull32.pdf>
4. Drudi F., Moench E., Holthausen C., Weber P.-F. Climate change and monetary policy in the euro area / European Central Bank. 2021. No. 271. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecb.op271-36775d43c8.en.pdf>
5. Eggertsson G.B., Lancastre M., Summers L.H. Aging, output per capita and secular stagnation // National Bureau of Economic Research. 2018. No. w24902.
6. McGettigan D., Moriyama K., Steinberg C. Monetary policy in emerging markets: Taming the cycle / International Monetary Fund. 2013. No. 2013/096. URL: https://www.imf.org/-/media/Websites/IMF/imported-full-text-pdf/external/pubs/ft/wp/2013/_wp1396.ashx
7. Schnabel I. Climate Change and Monetary Policy // Finance & Development. 2021. Vol. 58. No. 3. Pp. 53–55.

References

1. Goryunov E.L., Drobyshevsky S.M., Mau V.A., Trunin P.V. What do we (not) know about the effectiveness of the monetary policy tools in the modern world? // Voprosy Ekonomiki. 2021. No. 2. Pp. 5–34.
2. Sinelnikova-Muryleva E.V. Central bank digital currencies: Potential risks and benefits // Voprosy Ekonomiki. 2020. No. 4. Pp. 147–159.
3. Aguilar A., Cantu C. Monetary policy response in emerging market economies: why was it different this time? / Bank for International Settlements. 2020. No. 32. URL: <https://www.bis.org/publ/bisbull32.pdf>
4. Drudi F., Moench E., Holthausen C., Weber P.-F. Climate change and monetary policy in the euro area / European Central Bank. 2021. No. 271. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecb.op271-36775d43c8.en.pdf>
5. Eggertsson G.B., Lancastre M., Summers L.H. Aging, output per capita and secular stagnation // National Bureau of Economic Research. 2018. No. w24902.

6. McGettigan D., Moriyama K., Steinberg C. Monetary policy in emerging markets: Taming the cycle / International Monetary Fund. 2013. No. 2013/096. URL: https://www.imf.org/-/media/Websites/IMF/imported-full-text-pdf/external/pubs/ft/wp/2013/_wp1396.ashx
7. Schnabel I. Climate Change and Monetary Policy // Finance & Development. 2021. Vol. 58. No. 3. Pp. 53–55.

Long-term Challenges for the Monetary Policy in Russia: Climate Change, Demographics and Digital Rouble Adoption

Eugeny L. Goryunov – Senior Researcher of the Gaidar Institute for Economic Policy; Senior Tutor at the Department of Finance and Foreign Exchange and Credit Relations of the Russian Foreign Trade Academy; Tutor at the Department of Macroeconomics of the Institute of Economics, Mathematics and Information Technology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: gorunov@iep.ru

According to the project of the “General lines of unitary governmental monetary policy on the 2022 and the period of 2023–2024”, published by the Bank of Russia, global climate change and demographics should prospectively be considered as a factors of macroeconomics dynamics and therefore taken into account when monetary policy decisions are made. Also Russian monetary authority confirms that it is going to adopt digital currency. These innovations are discussed in the paper.

I support the idea that transition to inflation targeting in 2014 was a key factor ensuring that inflationary expectations were anchored, which created the conditions for a countercyclical stimulating monetary policy during the recent economic downturn.

Key words: monetary policy, global climate change, demographics, inflation targeting.

JEL-codes: E31, E52, E58, J11, Q54.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: СТРАНЫ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА

Н. П. ВОЛОВИК
О. И. ИЗРЯДНОВА

В последние годы наблюдается сокращение доли стран СНГ в общем объеме российской внешней торговли. Расширить свое влияние на их рынки стремятся Европейский союз, Китай, Турция и другие страны. Для России чрезвычайно важно сохранять добрососедские и стратегически взаимовыгодные отношения с постсоветскими государствами. В статье рассматривается экономическое развитие стран Восточного партнерства, заключивших соглашение с Европейским союзом.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Ключевые слова: Европейский союз, страны СНГ, Восточное партнерство.

JEL: D51, E20, F10, F40.

Многосторонняя программа Европейского союза (ЕС) «Восточное партнерство» (запущена 7 мая 2009 г.) направлена на развитие регионального сотрудничества с Азербайджаном, Арменией, Республикой Беларусь, Грузией, Республикой Молдова и Украиной. Программа является инструментом сближения этих стран с ЕС, механизмом перехода на его стандарты.

Евросоюз не открывает странам Восточного партнерства перспективу полноправного членства. С самого начала эта программа предусматривала лишь «политическую ассоциацию» и «экономическую интеграцию» с ЕС, а в качестве инструментов достижения таких целей предлагались соглашения об ассоциации, участие в зоне свободной торговли, а также безвизовый режим. Грузия, Молдова и Украина ими воспользовались, подписав Соглашение об ассоциации с ЕС, в соответствии с которым была создана зона углубленной и всеобъемлющей свободной торговли. Армения подписала Соглашение об углубленном партнерстве с ЕС, тогда как Азербайджан и Республика Беларусь подписать соглашение с ЕС отказались. В результате с каждой из этих стран у

ЕС выстроились отношения с сильной собственной спецификой, в связи с чем говорить о странах Восточного партнерства именно как о единой группе можно только условно.

Сравнительный анализ основных индикаторов экономического развития показывает довольно высокий уровень дифференциации стран Восточного партнерства по характеристикам производства и использования ВВП. Различия в уровне производства ВВП на душу населения связаны с особенностями развития национальных экономик и степенью их вовлеченности в международную торговлю. Практически для всех экономик стран Восточного партнерства, кроме Беларуси, в 2020 г. было характерно превышение доли импорта относительно экспорта в ВВП. Экспортный потенциал зависел как от соотношения промышленного и сельскохозяйственного производства, так и от степени развитости сегмента экспортных услуг, в частности транспортно-логистического, строительного и туристического комплексов. Последствия пандемии COVID-19, особенно жесткое негативное влияние сокращения международной торговли товарами и услугами, а также потоков прямых иностран-

---

Воловик Надежда Петровна, заведующий лабораторией внешнеэкономической деятельности Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: volovik@ier.ru; Изряднова Ольга Ивановна, заведующий лабораторией структурных проблем экономики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: izryad@ier.ru

Основные индикаторы экономик стран Восточного партнерства, Российской Федерации и Европейского союза в 2020 г., в % ВВП

Страна	ВВП на душу населения, долл.	Экспорт товаров и услуг	Импорт товаров и услуг	Промышленность (включая строительство) – добавленная стоимость	Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство – добавленная стоимость	Валовое накопление капитала	Прямые иностранные инвестиции – чистый приток
Армения	4267,5	30,7	39,3	26,4	11,7	17,2	1,8
Азербайджан	4214,3	35,7	36,5	41,4	6,9	24,3	3,1
Беларусь	6411,2	61,9	58,8	31,3	6,9	26,3	2,0
Республика Молдова	4551,1	27,3	49,7	23,3	9,5	24,2	4,2
Грузия	4278,9	37,4	55,9	21,6	7,4	26,2	7,7
Украина	3726,9	39,0	40,1	20,9	9,3	7,5	3,8
Россия	10 126,7	25,5	20,6	30,0	3,7	24,0	1,9
Евросоюз	33 927,7	43,9	40,6	21,9	1,7	21,3	2,1

Источник: официальный сайт Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>

ных инвестиций, крайне болезненно сказались на состоянии экономик практически всех стран. Ситуация осложнялась низкой трансформацией ресурсов накопления в инвестиции в основной капитал и неустойчивостью функционирования индустриального и аграрно-промышленного секторов. (В таблице приведены основные индикаторы экономик стран Восточного партнерства, Российской Федерации и Европейского союза в 2020 г.)

Армения

В Армении при содействии международных доноров правительство реализует программу реформ, направленных на интенсификацию торговли с другими странами и привлечение иностранных инвестиций путем улучшения бизнес-среды, налогового и таможенного администрирования. Налоговые реформы имеют целью снижение ставок, расширение базы и улучшение администрирования. Одновременно правительство взяло на себя обязательства увеличить социальные расходы и капитальные затраты, которые могут обеспечить основу для дальнейшего экономического роста.

Продолжив период быстрого роста, начавшегося в 2017 г., армянская экономика в 2019 г. увеличилась на 7,6%. Основным драйвером роста стал сектор услуг, который расширился более чем на 10% благодаря значительному вкладу розничной торговли, гостиничного бизнеса, финансовых услуг, туризма и ряда других видов деятельности. Структурные особенности роста определялись расширением промышленности на 8% за счет резкого роста горнодобывающей отрасли и строительства при падении аграрного сектора.

До вспышки пандемии COVID-19 большинство прогнозов предполагали в среднесрочной перспективе ежегодный рост экономики Армении примерно на 5%. Однако в результате военного противостояния в зоне нагорно-карабахского конфликта и второй волны распространения COVID-19, по оценке МВФ, в 2020 г. национальный ВВП сократился на

7,25%. Тем не менее власти оперативно отреагировали на вспышку пандемии, приняв меры в области здравоохранения и антикризисные меры по ограничению воздействия COVID-19, одновременно защищая уязвимые группы населения и обеспечивая социальную устойчивость, а также макроэкономическую и финансовую стабильность.

Помимо нынешних кризисов, экономические перспективы в стране в целом позитивны – дальнейшее развитие будет зависеть от ожидаемого глобального восстановления и осуществления внутренних реформ. По прогнозу МВФ рост ВВП Армении в 2021 г. останется сдержанным, инфляция будет низкой и постепенно приблизится к нижнему целевому уровню.

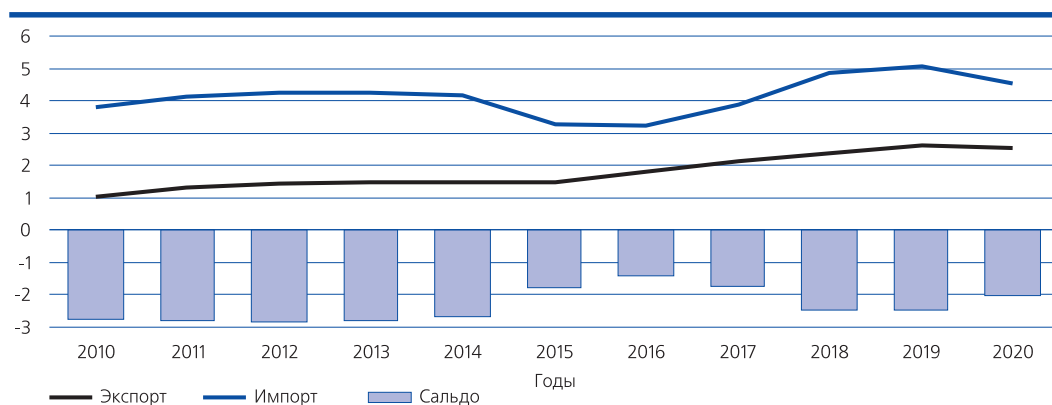
Относительно небольшой размер рынка Армении и закрытые границы с двумя из четырех ее соседей ограничивают возможности для торговли товарами и экономического роста в целом. Транспортные расходы через Грузию, главный торговый путь Армении, высоки, и часто задержки на единственном пункте пересечения ее границы между Грузией и Россией создают препятствия для торговли. Торговля с Ираном ограничена международными санкциями, плохой транспортной инфраструктурой и высокой защитой иранского рынка.

Сложные геополитические обстоятельства усугубляются проблемами таможенного администрирования и управления, которые увеличивают издержки, препятствуют трансграничной торговле и сдерживают рост инвестиций. Торговля товарами и услугами достигла в 2019 г. 95% ВВП. В период с 2010 по 2019 гг. экспорт товаров более чем удвоился, составив более 2,6 млрд долл. (максимальный уровень за весь период наблюдений). Импорт товаров также увеличился, но более неустойчивым образом и в 2019 г. составил 5,1 млрд долл., что на 34% больше, чем в 2010 г. Основная проблема внешней торговли Армении – дефицит торгового баланса. (См. рис. 1.)

После сильного притока частного капитала и накопления резервов в 2019 г. в следующем году пандемия ослабила национальный экспорт, поступления от туризма, денежные переводы, ПИИ и приток частного капитала. В 2019 г. Армения экспортировала товары на сумму 2,62 млрд долл. Основными товарами, поставляемыми на внешний рынок, были руды и медные концентраты, сигары, сигариллы и сигареты из табака или его заменителей, алкогольные напитки, золото, ферросплавы, фольга алюминиевая, отходы и лом драгоценных металлов.

Существенных изменений в структуре товарного импорта в стране за последние годы не

Рис. 1. Основные показатели внешней торговли Армении, млрд долл.

Источник: Trade Map – List of products exported by Armenia, Trade Map – List of products imported by Armenia.

произошло. Крупнейшими категориями ввозимой продукции по-прежнему остаются машины, оборудование и транспортные средства (25% армянского импорта), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (17%), минеральные продукты (15,7%). В 2019 г. за рубежом закупились в основном такие товары, как газ природный в газообразном или сжиженном состоянии, нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных пород, кроме сырых, лекарственные средства, аппараты телефонные, алмазы обработанные или необработанные, автомобили легковые, многослойные изолирующие изделия из стекла.

Российская Федерация заменила ЕС в качестве крупнейшего торгового партнера Армении: в 2020 г. на РФ приходилось 29,9% армянского внешнеторгового оборота, на страны ЕС — 18,3%. В географической структуре внешней торговли Армении растет доля Китая: если в 2010 г. на нее приходилось 9%, то в 2020 г. — 13,5%. (См. рис. 2.)

Наиболее значимыми торговыми партнерами Армении из числа «прочих стран» по удельному весу внешнеторгового оборота являются: Швейцария (6,7%), Иран (5,3%), Ирак (2,4%), Грузия (1,9%), Канада (1%).

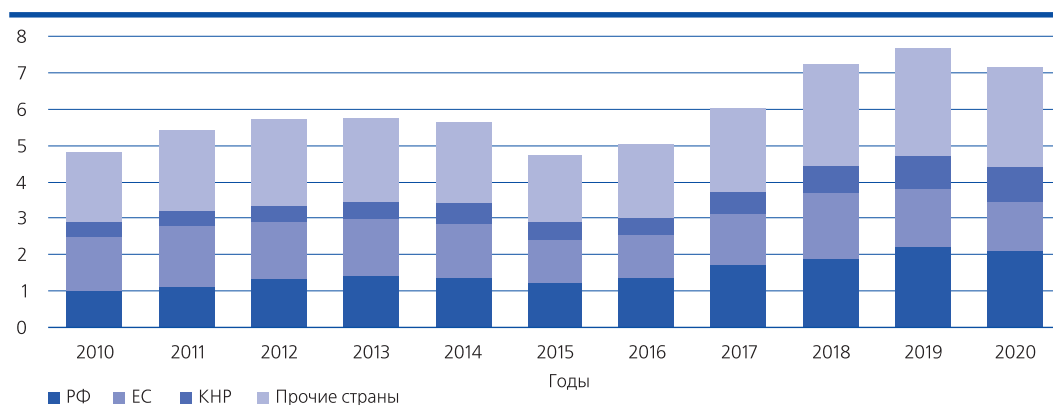
В 2020 г. внешнеторговый оборот Армении составил 7,1 млрд долл., сократившись по

сравнению с 2019 г. на 13,2%. Несмотря на снижение взаимной торговли на 3,5%, крупнейшим торговым партнером Армении осталась Российская Федерация — 2,155 млрд долл. Далее идет Китай с объемом товарооборота 964,5 млн долл., что по сравнению с 2019 г. больше на 2%. На третьем месте — Швейцария, оборот торговли с которой составил 485,55 млн долл. — на 5,1% меньше по сравнению с 2019 г.

Внешнеторговый оборот Армении со странами ЕС в 2020 г. составил 1,276 млрд долл., сократившись по сравнению с предыдущим годом на 22,9%. Отношения страны с Европейским союзом основаны на Соглашении о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Арменией (1999 г.), продолжением которого стало Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве, подписанное в феврале 2017 г. [4]. Соглашение нотифицировано в рамках ВТО как соглашение об экономической интеграции в части торговли услугами и не предусматривает создания зоны свободной торговли.

После армянской «бархатной революции» 2018 года ЕС усилил свою поддержку стране и в 2019 г. увеличил ежегодное выделение ей грантов до 65 млн евро. Эта значительная сумма включает поддержку программы реформ

Рис. 2. Географическая структура внешнеторгового оборота Армении, млрд долл.

Источник: Trade Map — List of products exported by Armenia, Trade Map — List of products imported by Armenia.

нового правительства, развитие частного сектора, образования и ключевых регионов. Кроме того, с 2014 г. в энергетический, сельскохозяйственный и транспортный сектора было инвестировано более 1 млрд евро в виде смешанных кредитов и грантов.

Армения является активным пользователем Всеобщей и дополненной системы преференций ЕС (GSP+), что открывает национальному экспорту выгодный доступ на рынок Евросоюза, позволяя полностью приостановить пошлины примерно на 66% всех линий таможенного тарифа ЕС. В 2017 г. более 96% импортных товаров из Армении, имеющих право на преференции GSP+, поступило на территорию ЕС с нулевыми пошлинами. Общая стоимость льготного импорта из Армении в ЕС в рамках GSP+ увеличилась с 42 млн евро в 2014 г. до 135 млн евро в 2017 г.

С 1 января 2018 г. в рамках режима GSP+ в Армении была внедрена электронная система сертификации происхождения продуктов – Система зарегистрированных экспортеров REX (*Registered Exporter System*), которая облегчает процесс экспорта в ЕС, позволяет экспортеру сокращать расходы и экономить время.

ЕС предоставляет армянским компаниям финансирование, обучение и поддержку экспорта при выходе на новые рынки, в том числе в рамках инициативы EU4Business. С 2009 г. им было выделено более 473 млн евро, оказана поддержка 25 тыс. малых и средних предприятий и создано 900 новых рабочих мест [4].

ЕС поддерживает проекты развития туристической индустрии в нескольких регионах Армении, где создано более 100 новых рабочих мест для местного населения и оказана поддержка более чем 300 местным МСП.

В рамках финансируемой ЕС пилотной программы EU4Regions (поддержка регионального развития) в Армении предполагаются создание 550 новых рабочих мест и повышение конкурентоспособности более чем 400 компаний. Кроме того, адресная поддержка 2800 лицам для улучшения их возможностей

трудоустройства, а также более чем 700 предприятиям позволит создать 460 новых устойчивых рабочих мест.

Грузия

Стратегическое расположение Грузии делает ее естественным логистическим и транзитным узлом на «Новом шелковом пути», связывающем Азию и Европу через Кавказ. Реформы, начавшиеся в Грузии в 2004 г., улучшили деловой климат в стране, резко снизили коррупцию и открыли экономику для инвесторов.

В течение последнего десятилетия правительство продолжало проводить реформы в целях поддержки развития частного сектора и устойчивого экономического роста: парламент одобрил законы о конкурентной политике, антидемпинговых мерах в торговле, собственности на сельскохозяйственные земли, государственно-частном партнерстве, государственных закупках, новый таможенный кодекс и поправки к трудовому кодексу страны, а также новые законы о несостоятельности и защите прав потребителей.

Следует отметить, что рост ВВП Грузии за последние десять лет был обусловлен внутренним потреблением и инвестициями. Но небольшой внутренний рынок и сокращающееся население делают эту формулу нестабильной. Ключом к долгосрочному экономическому росту может стать увеличение экспорта. Хотя с 2003 г. объем национального экспорта увеличился более чем в 8 раз, импорт рос быстрее. Максимального значения внешне-торговый оборот Грузии достиг в 2014 г. – 11,5 млрд долл., что произошло за счет роста импорта.

Внешняя торговля Грузии характеризуется отрицательным торговым балансом – импорт в несколько раз превышает экспорт. С 2010 г. в Грузии средний дефицит счета текущих операций составлял 9% ВВП. Хотя в последние годы этот показатель улучшился, достигнув исторического минимума в 2019 г. – 5% ВВП, в 2020 г. дефицит вновь удвоился из-за резкого падения экспорта товаров, вызванного панде-

мией COVID-19. Воздействие внешнего пандемического шока было широкомасштабным — он ударил по экспорту товаров, туризму и денежным переводам, которые являются столпами экономики Грузии. Пандемия негативно повлияла на экономические перспективы страны, и, по оценке МВФ, в 2020 г. падение ВВП Грузии составило 5,1%.

В 2020 г. экспорт грузинских товаров составил 2,55 млрд долл., сократившись по сравнению с предыдущим годом на 5,4%. Импорт снизился до минимального с 2010 г. уровня — 6,14 млрд долл., что ниже показателя 2019 г. на 17%. (См. рис. 3.)

Для развития внешней торговли были упрощены таможенные процедуры, сокращено количество таможенных тарифов, снижены их ставки. Недавние реформы были сосредоточены на приведении торгового законодательства и процедур в соответствие со стандартами ЕС. В сентябре 2019 г. вступил в силу новый таможенный кодекс, основанный на трех основных принципах: современной таможенной инфраструктуре, простых и справедливых процедурах и цифровой таможне, т.е. предоставлении всех таможенных услуг предприятия в электронном виде.

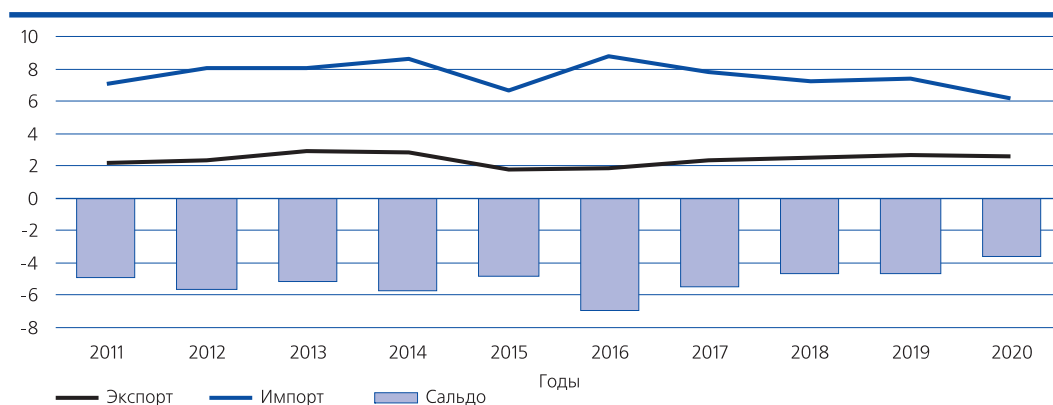
Либеральная внешнеторговая деятельность является одним из основных принципов эко-

номической политики Грузии. Страна не имеет количественных ограничений (квот) в торговле (за исключением озоноразрушающих веществ). Лицензированию экспорта/импорта подлежат только медицинские изделия, огнестрельное оружие, взрывчатые вещества, радиоактивные вещества, товары двойного назначения, промышленные отходы и несколько видов сельскохозяйственной химической продукции. В 2005 г. количество разрешений, необходимых для проведения экспортно-импортных операций, было сокращено с 14 до 8. Акцизы и НДС применяются в равной степени как на импортную, так и на отечественную продукцию.

НДС в размере 18% распространяется на большинство импортируемых товаров. Фиксированные ставки акцизного налога применяются к определенным товарам, таким как алкогольные напитки, этиловый спирт, этиловый бензин для автомобилей и сигареты. Таможенная стоимость товаров для таможенного оформления определяется на основании таможенной декларации. Экспорт, транзит и реэкспорт товаров освобождаются от таможенных пошлин и сборов.

Тем не менее анализ структуры и динамики грузинской экспортной корзины выявляет существенные ее недостатки:

Рис. 3. Основные показатели внешней торговли Грузии, млрд долл.

Источник: Trade Map — List of products exported by Georgia, Trade Map — List of products imported by Georgia.

- потерю доли на ключевых рынках;
- стагнацию и низкий уровень сложности и качества продукции;
- слабую диверсификацию продукции с преобладанием в экспорте медной руды и ферросплавов, реэкспорта поддержанных автомобилей, вина и переработанных продуктов питания, воды;
- товары, произведенные в Грузии, имеют низкую добавленную стоимость, при этом в настоящее время относительно развита только перерабатывающая промышленность, которая связана с местным сельскохозяйственным производством.

Основные статьи импорта Грузии – нефтепродукты и природный газ, автомобили, медная руда, лекарства, табачные изделия и пшеница. После нескольких лет спада внутреннего производства большинство потребительских товаров импортируется.

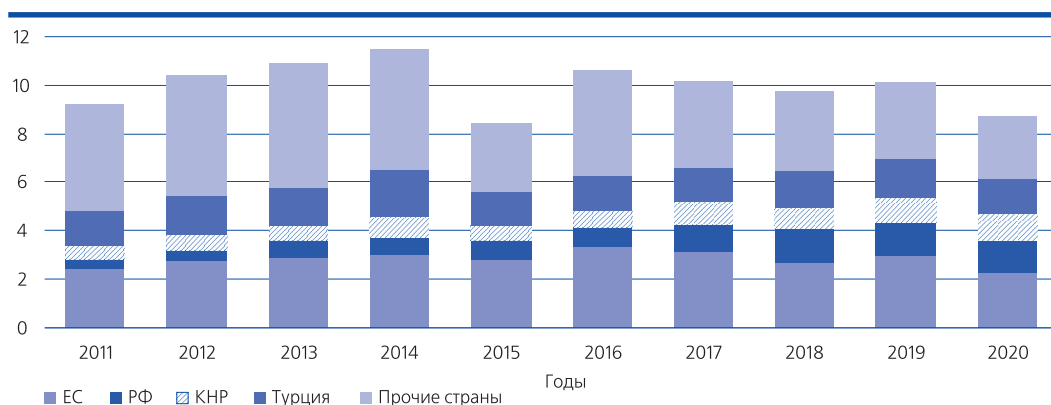
В 2020 г. основными экспортными рынками Грузии были Китай (18,7%), Россия (16,1%), Болгария (12,2%), Турция (7%), Украина (5,1%) и страны ЕС, на которые приходилось 26,5% от общего экспорта. Поставки товаров на территорию Грузии осуществлялись в основном из Турции (20,5%), России (14,3%), Китая (10,9%), Азербайджана (5,5%) и Германии (4,8%). Доля ЕС в общем объеме им-

порта Грузии в 2019 г. составила 26,1%. (См. рис. 4.)

В июне 2014 г. Грузия подписала Соглашение об ассоциации с Европейским союзом [5], неотъемлемой частью которого является Соглашение о создании Углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли (*The Deep and Comprehensive Free Trade Area – DCFTA*). Целью документа являлось обеспечение лучшего доступа грузинских товаров и услуг на рынок ЕС путем создания в стране современного, прозрачного и предсказуемого торгового и инвестиционного режима, а также путем укрепления институционального потенциала через принятие европейских стандартов.

Открытие европейского рынка должно было стать важным стимулом для увеличения экспорта грузинских товаров. Следует отметить, что и до подписания Соглашения об ассоциации и DCFTA в рамках Всеобщей системы преференций (GSP+) Грузия уже пользовалась низкими или нулевыми тарифами на две трети своего экспорта в ЕС. Анализ же грузинского экспорта в ЕС после вступления этих документов в силу показывает стремительное увеличение поставок на территорию Евросоюза некоторых грузинских продуктов и появление новых позиций. В стра-

Рис. 4. Географическая структура внешнеторгового оборота Грузии, млрд долл.

Источник: Trade Map – List of products imported by Georgia, Trade Map – List of products exported by Georgia.

не выросло количество компаний-экспортеров: если в 2014 г. 578 грузинских компаний экспортировали продукцию в Европу, то в 2018 г. — уже 789. Грузинский экспорт в ЕС остался высококонцентрированным — на 10 основных товаров (на уровне 6 знаков) в 2019 г. приходилось 81,7% всего экспорта Грузии в ЕС.

В 2019 г. объем торговли между Грузией и ЕС составил 2,96 млрд долл., что на 9,2% больше, чем в 2018 г. Ввоз грузинских товаров на территорию ЕС вырос на 12,1%, вывоз товаров из ЕС на территорию Грузии — на 8,2%. В 2020 г. пандемия COVID-19 оказала отрицательное влияние на всю мировую торговлю — соответственно, товарооборот между Грузией с Евросоюзом сократился на 23%, экспорт Грузии в ЕС — на 13,3%, импорт Грузии из ЕС — на 25,5%.

ЕС импортирует из Грузии в основном орехи (40,2% сельскохозяйственного импорта), продукты переработки, включая вино (29%), и напитки (26,2%).

В торговле с Евросоюзом Грузия имеет устойчивое отрицательное сальдо торгового баланса. Что касается торговли сельскохозяйственными товарами, то здесь следует отметить рост положительного торгового баланса в пользу ЕС (+15,2%).

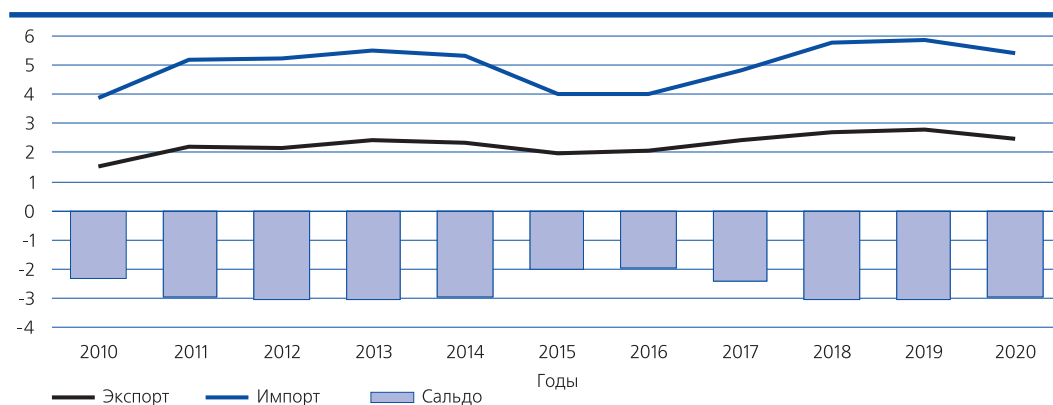
Республика Молдова

В течение последних 20 лет экономика Молдовы росла в среднем на 4,6% в год. Страна не обладает значительными природными ресурсами, за исключением плодородных земель, благоприятного климата для сельского хозяйства и некоторых сырьевых ресурсов для строительной индустрии. В ее экономике доминируют сельскохозяйственный сектор и пищевая промышленность: на сельское хозяйство приходится 14% ВВП. Доминирующая часть ВВП (67% в 2010 г.) приходилась на сферу услуг. Наиболее значимыми услугами являются торговля и ремонт, транспорт, недвижимость, аренда и бизнес-услуги, к которым относятся и информационные технологии.

Доля обрабатывающей промышленности в экономике Молдовы составляет менее 13%, при этом почти половина от общего объема производства данного сектора приходится на производство продуктов питания, напитков и табака. Производство неметаллических минеральных продуктов (стекло и строительные материалы) является вторым по величине видом деятельности, за которым следуют текстиль, одежда и кожа.

Макроэкономическая ситуация в стране относительно стабильна. В частности, соотношение долга и ВВП низкое. Однако инфляция,

Рис. 5. Основные внешнеторговые показатели Республики Молдова, млрд долл.

Источник: Trade Map — List of products exported by Republic of Moldova, Trade Map — List of products imported by Republic of Moldova.

подпитываемая денежными переводами и потреблением, сохраняется на высоком уровне. Реальные процентные ставки также высоки, а коэффициент сбережений очень низок, что сдерживает внутренние инвестиции.

Экономика Молдовы носит открытый характер, импорт товаров и услуг составляет высокую долю в ее ВВП и превышает экспорт в соотношении 2:1. Общий объем торговли товарами в 2020 г. ненамного превысил 7,88 млрд долл. По сравнению с 2010 г. импорт вырос в 1,4 раза, экспорт — в 1,6 раза. (См. рис. 5.)

В товарной структуре экспорта преобладает продукция агробизнеса. Основные продукты включают вино и другие напитки, съедобные и переработанные фрукты, овощи и орехи, масличные семена и масличные фрукты, крупы, сахар и мед, а также табак. Однако доля сельскохозяйственных и других пищевых продуктов в экспорте за последнее десятилетие снизилась с 47,5 до 43,6%. В экспорте промышленных товаров традиционную продукцию текстильной промышленности, доля которой в 2019 г. составляла 13%, дополнили электрические машины и оборудование, доля которых выросла с 7,3% в 2010 г. до 20,8% в 2019 г.

Товарная структура импорта более диверсифицирована. Основными импортными то-

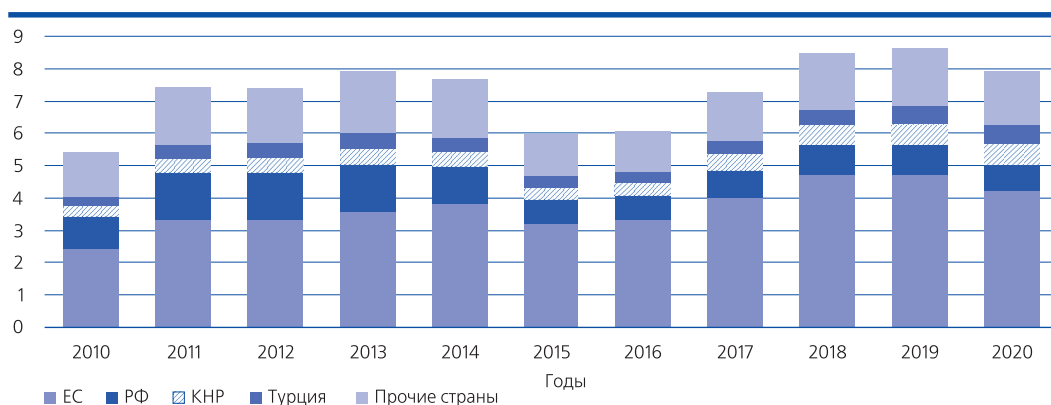
варами Молдовы являются энергоносители, природный газ, нефтепродукты, машины, транспортные средства и химикаты. Большая часть потребительских товаров и ресурсов также импортируется из-за рубежа.

Молдова извлекает выгоду из своей близости к двум крупным рынкам: Европейскому союзу, на который приходится более 50% ее внешнеторгового оборота (в 2019 г. — 54,8%), и странам СНГ, доля которых в молдавской внешней торговле составляет более 20% (в 2019 г. — 21,8%). (См. рис. 6.)

В 2016 г. вступило в силу Соглашение об ассоциации между ЕС и Молдовой, в соответствии с которым была создана Углубленная и всеобъемлющая зона свободной торговли (DCFTA) [2] и принят безвизовый въезд в ЕС для граждан Молдовы. Создание DCFTA предусматривало устранение тарифных и нетарифных барьеров, стоящих в торговле между Молдовой и ЕС, и было нацелено на укрепление торговых связей и двусторонних экономических отношений. Эта система преференциальной торговли позволила Молдове извлечь выгоду от снижения или отмены тарифов на свои товары, расширения рынка услуг и улучшения условий для инвестиций.

В 2015 г. (первый год после вступления DCFTA в силу) внешнеторговый оборот между

Рис. 6. Географическая структура внешнеторгового оборота Республики Молдова, млн долл.

Источник: Trade Map — List of products exported by Republic of Moldova, Trade Map — List of products imported by Republic of Moldova.

Республикой Молдова и Европейским союзом сократился на 16,9%, что было обусловлено многочисленными внутренними и мировыми проблемами (политический кризис в стране, взаимные санкции и ограничения, наложенные ЕС и Российской Федерацией, неблагоприятные климатические условия и снижение мировых цен на некоторые ключевые товары молдавского экспорта). В 2019 г. внешнеторговый оборот между двумя сторонами достиг максимума, превысив уровень в 4,72 млрд долл., а в 2020 г., под воздействием пандемии COVID-19, он снизился на 10,6%.

Экспорт молдавских товаров в ЕС достиг максимума в 2018 г. — 1,86 млрд долл., превысив аналогичный показатель 2014 г. на 49,5%. На территорию ЕС из Молдовы ввозятся электрические машины и оборудование (в частности, изолированные провода и кабели), швейные изделия и одежда, а также масличные семена (особенно семена подсолнечника). Ввоз товаров из ЕС на территорию Молдовы достиг максимального значения в 2019 г. — 2,89 млрд долл., превысив уровень 2014 г. на 12,5%. Основными товарами ЕС, поставляемыми в Молдову, являются минеральное топливо, электрооборудование и транспортные средства. Сальдо торгового баланса в торговле Молдовы с ЕС остается стабильно отрицательным.

Европейский союз является крупнейшим торговым партнером Молдовы, на долю которого приходится 54% от общего объема ее торговли; за ним следуют Россия (10%) и Китай (7%). Около 64% молдавского экспорта направляется на рынок ЕС.

Число молдавских компаний, участвующих в торговле с ЕС, продолжает расти: примерно 1837 из них поставляли свою продукцию в ЕС в 2019 г. по сравнению с 1734 фирмами, занимавшимися экспортом в ЕС в 2018 г.

Украина

После глубокого экономического кризиса 2014–2015 гг. рост экономики Украины возобновился и постепенно ускорился с чуть более 2% в 2016 г. до 3,23% в 2019 г., что было вызва-

но рекордным урожаем сельскохозяйственной продукции и сильным внутренним потреблением. Украина входит в число ведущих мировых производителей зерновых культур, включая пшеницу, кукурузу и ячмень. В 2019 г. в стране было собрано 70 млн т и экспортировано 50,4 млн т зерна, что стало национальным рекордом.

Действующая в стране налогово-бюджетная и денежно-кредитная политика определяет сохранение внешних и внутренних дисбалансов Украины. Несмотря на некоторые первоначальные успехи в рамках программ, поддерживаемых МВФ, усилия по созданию более динамичной и конкурентоспособной экономики пока не оправдывают ожиданий, реформы все чаще сталкиваются с сопротивлением, оказываемым заинтересованными сторонами, неправомерными решениями судов, особенно в борьбе с коррупцией и реформами финансового сектора. В результате инвестиции, и особенно прямые иностранные, по-прежнему сдерживаются сложной деловой средой и разрыв в доходах с показателями стран, близких по развитию к Украине, не сокращается.

Вспышка пандемии COVID-19 значительно ухудшила экономические перспективы в стране и переориентировала государственную политику на сдерживание распространения вируса. Жесткие меры сдерживания — и в Украине, и во всем мире — привели к значительному падению внутреннего и внешнего спроса. В результате в 2020 г. экономика Украины сократилась на 7,2%.

Восстановление экономики Украины и макроэкономическая стабилизация поддерживаются Международным валютным фондом. По данным МВФ, ВВП на душу населения в стране все еще очень низок — 3424,77 долл., что составляет всего 20% от среднего показателя по ЕС и является самым низким уровнем среди всех стран Центральной и Восточной Европы. Для восстановления утраченных позиций и повышения уровня жизни необходим более быстрый, устойчивый и инклюзивный рост.

Украина является членом Всемирной торговой организации с широкими обязательствами по доступу на рынок для товаров и услуг, предусматривающими несколько переходных периодов. Все тарифные позиции Украины связаны. Простая средняя связанная ставка составляет 6,1%; 10,8% — на сельскохозяйственную продукцию и 4,9% — на промышленные товары. Применявшиеся в стране в 2020 г. ставки РНБ были немного ниже связанных уровней: 9,1% (сельское хозяйство) и 3,7% (промышленные товары). За исключением пива, вин и некоторых табачных изделий, импортные пошлины взимаются по адвалорным ставкам.

После достижения в 2016 г. минимального за десять лет уровня — 75,61 млрд долл. — внешнеторговый оборот Украины начал расти: в 2017 г. — на 22,8%, в 2018 г. — на 12,5%, в 2019 г. — на 58%. Из-за того, что рост импорта товаров значительно опережал рост их экспорта, увеличился торговый дефицит Украины. В 2020 г. украинский товарооборот сократился относительно предыдущего года на 6,5% в результате падения импорта на 11,1% при сокращении экспорта всего на 0,9%. (См. рис. 7.)

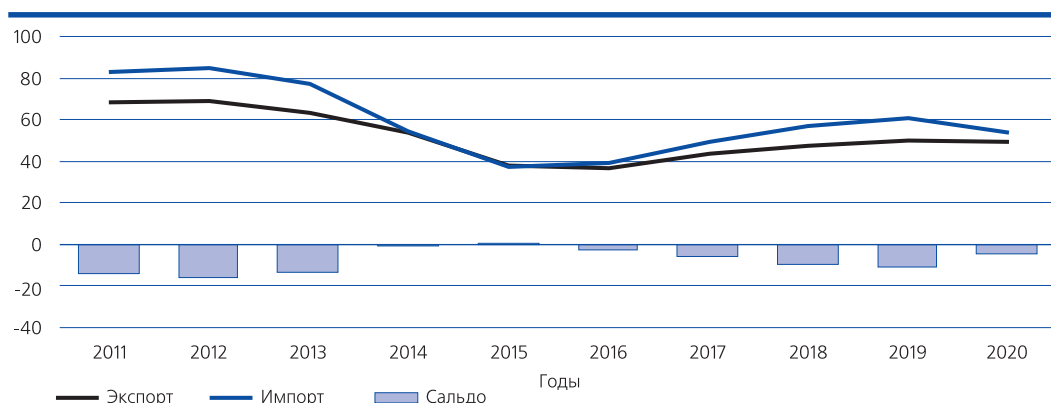
В последние годы произошли серьезные изменения в географической структуре украинской внешней торговли. Значительно сократился внешнеторговый оборот с Российской

Федерацией: в общем обороте внешней торговли Украины до 2013 г. он составлял около 30% (в 2011 г. — 32,4%), в 2014 г. упал до 20,8%, в 2020 г. — до 7%. Заметно укрепились торгово-экономические отношения Украины с Китайской Народной Республикой: если в 2011 г. доля КНР в украинском внешнеторговом обороте составляла 5,6%, то в 2020 г. — 15%. (См. рис. 8.)

С 2013 г. крупнейшим торговым партнером Украины стал Европейский союз, на долю которого в настоящее время приходится более 40% ее товарооборота. Страна занимает 18-е место в рейтинге основных торговых партнеров ЕС — на ее долю приходится около 1,1% от общего объема торговли Евросоюза. Общий объем товарооборота между ЕС и Украиной в 2019 г. достиг максимального за последние десять лет уровня — 45,7 млрд долл., который в 2020 г. снизился до 42,2 млрд долл.

Для ЕС Украина определена как приоритетный партнер в рамках Европейской политики соседства и Восточного партнерства. Двусторонние отношения между Украиной и ЕС регулируются Соглашением о партнерстве и сотрудничестве (1998 г.), в 2014 г. подписано Соглашение об ассоциации, в рамках которого заключено Соглашение о создании Углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли [1].

Рис. 7. Основные внешнеторговые показатели Украины, млрд долл.

Источник: Trade Map — List of products exported by Ukraine, Trade Map — List of products imported by Ukraine.

Отчасти благодаря положительному эффекту углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли ЕС сохраняет свои позиции в качестве основного торгового партнера Украины. Ситуация осложняется фрагментарностью продвижения в стране реформ в области бюджетного законодательства, таможенного регулирования, дерегулирования рынка и государственных закупок, статистики и прав интеллектуальной собственности. Объем прямых иностранных инвестиций остается низким, что подчеркивает необходимость дальнейшего улучшения делового климата в стране и поощрения инвестиций, в частности путем обеспечения верховенства закона и усиления борьбы с коррупцией.

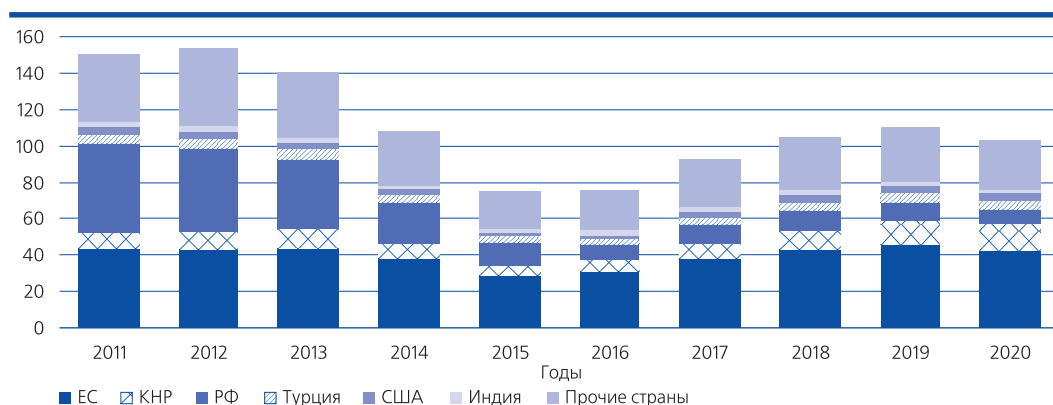
Экспорт товаров из Украины в ЕС в 2019 г. составил 20,8 млрд долл., в 2020 г. — сократился до 18,9 млрд долл. Основными статьями украинского экспорта в ЕС являются сырье (железо, сталь, продукция горнодобывающей промышленности, сельскохозяйственная продукция), химическая продукция и оборудование. Импорт европейских товаров на территорию Украины в 2019 г. составил 25 млрд долл., в 2020 г. — 23,4 млрд долл. Основными товарами, поставляемыми ЕС на территорию Украины, являются машины и транспортное оборудование, химикаты и промышленные товары.

Количество украинских компаний, экспортирующих товары в ЕС, увеличилось с 11 700 в 2015 г. до более чем 14 500 в 2019 г.

ЕС усилил свою поддержку Украине в контексте ее борьбы с пандемией COVID-19 и продолжает оказывать финансовую помощь в рамках поддержки процесса стабилизации и реформ в стране, мобилизовав с 2014 г. на эти цели вместе с финансовыми учреждениями более 16,5 млрд евро в виде грантов и кредитов.

Таким образом, для ЕС «восточное направление» является одним из приоритетных в политическом и экономическом отношениях. Наибольшими достижениями программы Восточного партнерства являются три соглашения об ассоциации, предусматривающие создание зоны свободной торговли: торговля Молдовы, Грузии и Украины с Европейским союзом существенно выросла за последние годы, при том что торговля этих стран с Российской Федерацией значительно сократилась. ЕС быстро отреагировал на неотложные потребности стран Восточного партнерства во время пандемии COVID-19. В рамках программы Team Europe ЕС мобилизовал амбициозный пакет поддержки шести стран партнерства на общую сумму более 980 млн евро, чтобы по-

Рис. 8. Географическая структура внешнеторгового оборота Украины, млрд долл.

Источник: Trade Map – List of products exported by Ukraine, Trade Map – List of products imported by Ukraine.

мочь им решить насущные задачи, такие как поддержка сектора здравоохранения и уязвимых общин, а также реализовать краткосрочные потребности в социально-экономическом восстановлении.

Для России чрезвычайно важно сохранять добрососедские и стратегически взаимовыгодные отношения с постсоветскими государ-

ствами. Следует отметить, что рост товарооборота Грузии и Украины с Евросоюзом не компенсировал потерь этих стран, связанных с сокращением их торговли с Россией. Для возобновления взаимовыгодного сотрудничества необходимо руководствоваться не политическими соображениями, а экономической целесообразностью. ■

Литература / References

1. Association Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other part // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2014:161:FULL&from=EN>
2. Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Moldova, of the other part // Official Journal of the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2014.260.01.0004.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2014%3A260%3ATOC
3. Comprehensive and enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:22018A0126\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:22018A0126(01))
4. Facts and figures about EU-Armenia relations / Официальный сайт Еврокомиссии. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/44397/685-annex-5-a-armenia-factsheet.pdf>
5. Free trade with the EU / The DCFTA website. URL: <http://www.dcfta.gov.ge>

International Cooperation: Eastern Partnership Countries

Nadezhda P. Volovik — Head of Foreign Trade Department of the Gaidar Institute for Economic Policy; Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: volovik@iep.ru

Olga I. Izryadnova — Head of Structural Policy Department of the Gaidar Institute for Economic Policy; Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: izryad@iep.ru

In recent years, there has been a decline in the share of CIS countries in the total volume of Russian foreign trade. The European Union, China, Turkey and other countries are seeking to expand their influence on their markets. It is extremely important for Russia to maintain good-neighborly and strategic mutually beneficial relations with post-Soviet states. The article examines the economic development of the Eastern Partnership countries that have concluded an agreement with the European Union.

The article was prepared as part of the research work of the RANEPА's state task.

Key words: European Union, CIS countries, Eastern Partnership.

JEL-codes: D51, E20, F10, F40.

НОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПО ДОСТУПУ РОССИЙСКИХ ЭКСПОРТЕРОВ НА РЫНОК США: ПРИЧИНЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

А. А. ПАХОМОВ

В 2021 г. американские власти усилили ограничения в отношении российских экспортеров как по количеству барьеров, так и по применению новых инструментов – в частности, на основании критериев искажения «рыночных практик» и «субсидирования экспорта» в России. Указанные меры могут не только серьезно осложнить доступ на рынок США отечественных компаний, но и увеличить их финансовые потери.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Ключевые слова: компенсационные и антидемпинговые пошлины, США, рыночный статус российской экономики, ВТО, субсидии, доступ на рынки.

JEL: E65, F13, F53.

Несмотря на геополитическое противостояние, Соединенные Штаты Америки по-прежнему являются одним из ведущих торговых контрагентов Российской Федерации. В 2020 г. США занимали (по данным ФТС) пятое место среди торговых партнеров России по объему товарооборота (с долей в 4,5%), девятую позицию по экспорту товаров и третью – по импорту, в том числе как важный поставщик высокотехнологичной продукции. Хотя двусторонние отношения носят асимметричный характер: согласно американской статистике Россия традиционно занимает место в конце третьего десятка торговых партнеров США с долей на уровне 0,5%.

До недавнего времени американские власти достаточно сдержанно применяли ограничения в отношении российских экспортеров на своем рынке, не подавали иски в ВТО и даже приостанавливали действие уже введенных мер против России. Вместе с тем в последние годы США неоднократно высказывали на дву- и многостороннем уровнях претензии в отношении спорных практик, используемых отечественными экспортерами, а также в части доступа американских компаний на российский рынок [5].

Согласно Реестру ограничительных мер Минэкономразвития России по количеству та-

рифных и нетарифных барьеров против РФ в 2020 г. США занимали только седьмое место среди торговых партнеров нашей страны. Показательно, что взаимные санкции не оказали существенного влияния на расширение данных ограничений: за 2014–2020 гг. число торговых барьеров со стороны США практически не увеличилось, хотя стали использоваться специальные защитные меры.

По состоянию на октябрь 2021 г. США применяли 10 тарифных ограничений в отношении отечественной продукции, а общий ущерб для России от данных мер достигает (здесь и далее – оценки Минэкономразвития) 1,5 млрд долл. в год (второе место после ЕС) [4]. Для сравнения: экспорт товаров России в США в 2020 г. составил 10,8 млрд долл., т.е. прямые потери достигали примерно 15% стоимости ввоза.

В данном случае речь идет о триаде инструментов защиты внутреннего рынка – антидемпинговых, компенсационных и специальных защитных мерах. Это легальные инструменты, применение которых базируется на нормах соответствующих соглашений ВТО. Как правило, указанные меры вводятся на пять лет с последующим пересмотром.

В настоящее время в отношении российских товаров Соединенными Штатами введе-

Пахомов Александр Александрович, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д-р экон. наук (Москва), e-mail: pakhomov-aa@ranepa.ru

но семь антидемпинговых (АД) мер: на горячекатаную плоскую стальную продукцию, металлический кремний, стальные прутки, стальные бесшовные трубы, алюминиевую фольгу, горячекатаную толстолистовую сталь и урановую продукцию¹, а также две компенсационные меры – в отношении фосфорных удобрений и стальных бесшовных труб.

Кроме того, в США действуют три специальных защитных меры (против возросшего импорта): в отношении фотогальванических элементов и модулей (пошлины 18–39%), а также стали и алюминия (25 и 10% соответственно). Ущерб от двух последних мер для России составляет более 1 млрд долл. ежегодно. Следует отметить, что они были введены в 2018 г. властями США одновременно в отношении более 20 государств – ведущих производителей этих товаров.

Помимо этого, продолжаются два АД-расследования в отношении карбамидно-аммиачной смеси и гранулированного политетрафторэтилена, а также два компенсационных – на эту же продукцию. Ущерб от возможного введения пошлин по результатам расследований оценивается в 100 млн долл.

В Реестре ограничительных мер Минэкономразвития, оказывающих негативное влияние на доступ российских товаров на внешние рынки, отражены также следующие барьеры:

- запрет на закупки импортной стальной продукции из средств федерального бюджета для федеральных инфраструктурных проектов, реализуемой департаментами Министерства транспорта США;
- ограничения по номенклатуре поставок из России спортивного и охотничьего стрелкового оружия (СОО) и боеприпасов к нему [4].

Решения о применении защитных мер после проведения соответствующих расследова-

ний принимают два государственных учреждения США. В функционал Управления международной торговли (ИТА) Министерства торговли США (US Department of Commerce), в частности, входит обеспечение соблюдения торговых законов и соглашений. Комиссия по международной торговле США (US International Trade Commission) является квазисудебным федеральным агентством, в рамках компетенции которого – расследования и решения в ходе разбирательств, связанных с недобросовестной торговой практикой зарубежных государств, и определение ущерба, наносимого импортом экономике США и ее отдельным отраслям [7].

В начале 2021 г. ситуация на американском рынке для российских компаний-экспортеров значительно осложнилась. Только за первые девять месяцев текущего года в США были введены две компенсационные и две АД-меры. Также был инициирован пересмотр специальной защитной меры (на фотогальванические элементы) для определения необходимости ее дальнейшего действия. Продолжаются два компенсационных и два АД-расследования, а также пересмотр рыночного статуса экономики России.

Необходимо подчеркнуть, что компенсационные меры и пересмотр рыночного статуса экономики применяются США впервые в истории двусторонних отношений, что вызывает особую озабоченность, так как выводит на качественно новый уровень механизм ограничений для отечественного бизнеса на американском рынке.

В марте 2021 г. США в первый раз ввели компенсационные пошлины (направленные против субсидированного экспорта) в отношении российской и марокканской продукции – фосфорных удобрений (в размере 9–47% для различных отечественных компаний)². При

¹ Ввиду действия соглашений о приостановлении антидемпинговых расследований (СПАР) в отношении импорта отечественной горячекатаной толстолистовой стали (2003 г., продлено в 2021 г.) и урановой продукции (1992 г., продлено в 2020 г.) АД-меры США в их отношении не действуют.

² До этого только Украина вводила в 2016–2021 гг. компенсационные пошлины в отношении легковых автомобилей из России на основании субсидирования их экспорта государством.

этом основную долю субсидий российским предприятиям американская сторона усмотрела в продаже им госструктурами природного газа «по цене ниже адекватной стоимости» (т.е. ниже рыночной).

Из-за введения этой компенсационной пошлины ежегодный ущерб на американском рынке отечественных поставщиков может достигать 92 млн долл. По данным Минторга США, в 2019 г. Россия занимала почти треть рынка фосфорных удобрений в стране, поставив их в объеме около 740 тыс. т на сумму 299 млн долл.

После начала в 2020 г. расследования, инициированного американской компанией Mosaic, поставки фосфорных удобрений в США из России и Марокко, как и ожидалось, практически прекратились. Российская компания «Фосагро» перенаправила поставки с американского на канадский рынок. В свою очередь, «Еврохим» заявила, что также готова переориентировать объемы экспорта из США в Бразилию либо начать отгрузки на американский рынок со своего завода в Литве [4]. Но эти новые бизнес-планы потребуют изменения традиционных транспортно-логистических схем и повлекут дополнительные издержки, что в итоге не компенсирует потерю привлекательного рынка США.

23 августа 2021 г. Минторг США ввел компенсационные пошлины в отношении стальных бесшовных труб российских и южнокорейских компаний (48,4 и 1,8% соответственно). Данная мера обусловлена тем, что «трубы продавались по цене ниже справедливой, а их импорт из России и Южной Кореи субсидировался властями» [6].

Кроме того, уже 25 августа текущего года Минторг США ввел АД-пошлины в отношении импорта из России, Южной Кореи и Украины по номенклатуре стальных бесшовных труб. По итогам расследования антидемпинговые пошлины составили 210% на ввоз этой продукции отечественными ТМК и Волжским трубным заводом. По данным Комиссии по международной торговле США, импорт этой продукции

«наносит значительный материальный ущерб американской промышленности». В 2020 г. ввоз из России в США труб из стали и ее сплавов (часть которых попала под АД-расследование) составил около 41 млн долл., а за первое полугодие 2021 г. — более 21 млн долл.

Показательно, что это уже вторая компенсационная мера против России, которая была введена всего за полгода, но это не предел. При неблагоприятном развитии событий третий прецедент применения компенсационной пошлины на карбамидо-аммиачную смесь (КАС) из России может произойти уже в январе следующего года, а четвертый (гранулированный политетрафторэтилен) — в апреле 2022 г.

Так, с июля 2021 г. продолжают компенсационное и АД-расследования в отношении КАС из России, а также Тринидада и Тобаго. В данном кейсе фигурируют 11 предполагаемых программ субсидирования в России, которые включают «налоговые схемы, льготную продажу природного газа, а также преференциальное получение прав на добычу природного газа и прав на добычу фосфатов "за менее чем адекватное вознаграждение"» [8].

АД-расследование по КАС инициировано по петиции (жалобе) местной компании CF Industries Nitrogen и ее дочерних фирм. Заявитель утверждал, что импорт данной продукции из России «продается или, вероятно, будет продаваться в Соединенных Штатах по цене ниже справедливой стоимости в толковании статьи 731 Закона США о тарифе и что такой импорт наносит существенный ущерб или угрожает нанести ущерб отрасли промышленности в США» (эта трактовка соответствует нормам ВТО) [6].

В первом полугодии 2021 г. поставки КАС в США из России составили более 1,2 млн т на сумму свыше 223 млн долл., в том числе группой «Акрон» (200 млн долл.), которая реализует на американском рынке более 60% объема продаж своей продукции, а также компанией «Еврохим» (23 млн долл.) [2].

Если в ходе данного расследования Минторг США выявит не только демпинг, но и

ущерб для американских компаний, то введение дополнительно АД-пошлин приведет к потере отечественными компаниями престижного и платежеспособного американского рынка. Скорее всего, им придется прекратить поставки туда и переориентировать экспорт на другие страны, в частности на Бразилию и Индию. Однако, возможно, российские поставщики будут вынуждены пойти на снижение экспортных цен, так как конкуренция на указанных рынках весьма жесткая, а транспортно-логистические расходы в данном случае могут возрасти.

В феврале 2021 г. Минторг США начал АД-расследование, касающееся импорта гранулированного политетрафторэтилена из России и Индии. Введены предварительные пошлины в размере 18% для российских поставщиков (АО «ГалоПолимер»), а для индийских компаний – в размере 13,1%. В случае, если Комиссия по международной торговле США обнаружит наличие льготного государственного субсидирования производства по этому кейсу, то будет продолжено компенсационное расследование.

Кроме того, 17 сентября 2021 г. Минторг США утвердил АД-пошлину на импортную алюминиевую фольгу из пяти стран (Армении, Бразилии, Омана, России и Турции). Для основного российского поставщика этой продукции – UC Rusal – пошлина составила 62,2%. Более того, эта же корпорация является крупнейшим экспортером в США фольги из Армении (29,1%). Поставки данной продукции из России на американский рынок в 2019 г. составили 60,3 млн долл. и в 2020 г. – 47,7 млн долл., а из Армении – примерно в два раза меньше [6]. Окончательное решение по этому вопросу ожидается в конце текущего года. Возможно, что UC Rusal продолжит поставки в США из Армении или попытается пе-

реориентироваться на рынки развивающихся стран.

Следует отметить, что в 2021 г. три АД-расследования в США против российских экспортеров сопровождаются параллельным проведением компенсационных кейсов (при положительном решении Комиссии по международной торговле), что ставит отечественные компании в очень сложное положение, так как они могут получить «сдвоенные» пошлины. Однако наиболее серьезную угрозу для российских экспортеров представляет пересмотр рыночного статуса российской экономики, который Минторг США начал в июле 2021 г. В случае лишения данного статуса отечественные компании на американском рынке будут подвержены дискриминации при проведении антидемпинговых и компенсационных расследований, а также другим ограничениям³ [5].

Таким образом, за последний год позиция США изменилась в сторону расширения ограничений российского экспорта, но пока они применяют в целом недискриминационные и легитимные инструменты защиты внутреннего рынка в соответствии с правилами ВТО, которые нельзя рассматривать как меры произвольного и санкционного характера.

Этот тренд роста ограничений против российского экспорта, как представляется, отражает сложную конъюнктуру отдельных местных товарных рынков, возросшую конкуренцию со стороны Китая и других динамично развивающихся государств, а также применение отечественными компаниями спорных практик при экспорте в США⁴ [3].

На фоне возможного пересмотра рыночного статуса российской экономики компенсационные меры в отношении отечественных товаров уже не носят единичного характера, а вводятся на системной основе. Уже очевидно, что США де-факто начинают применять к Рос-

³ В конце октября текущего года по итогам расследования Минторг США принял решение не изменять статус российской экономики. Но американские власти создали прецедент пересмотра и они могут вернуться к этому вопросу в будущем.

⁴ Например, Великобритания после Brexit отменила шесть антидемпинговых мер из девяти в отношении российской продукции, которые ранее применяли в ЕС. Эти действия были обусловлены ситуацией, сложившейся в конкретных секторах национальной экономики.

Структура российского экспорта в США в 2018–2020 гг.

Наименование товарной позиции (код ТН ВЭД)	2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	млн долл.	доля, в %	млн долл.	доля, в %	млн долл.	доля, в %
Общий экспорт из России в США	12 505,6	100,0	13 049,0	100,0	10 840,6	100
Минеральные продукты (25-27)	4898,7	39,2	6836,9	52,4	5401,4	49,8
Жемчуг, драгоценные камни, металлы (71)	1188,0	9,5	1457,3	11,2	2130,8	19,7
Металлы и изделия из них (72-83)	3028,6	24,2	2013,6	15,4	1196,1	11,0
Продукция химической промышленности, каучук (28-40)	2064,9	16,5	1666,2	12,8	1183,8	10,9
Машины, оборудование, транспортные средства (84-90)	916,6	7,3	694,2	5,3	412,6	3,8
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия (44-49)	245,2	2,0	205,7	1,6	211,6	2,0

Источник: ФТС России.

сии и ее экспортерам изъятия из нормального «рыночного режима». Более того, возможно, что такой подход американской стороны станет сигналом для проведения аналогичной политики в отношении России и для других торговых партнеров нашей страны, прежде всего Евросоюза и ряда членов G20.

В итоге наиболее пострадавшими отраслями в России могут стать черная металлургия и химическая промышленность, включая производство минеральных удобрений, а также изделия из пластмасс и резины. Это достаточно конкурентоспособная продукция более

высоких переделов (по сравнению с сырьевыми товарами), формирующая примерно четверть экспорта России в США в последние годы. (См. таблицу.)

Эти негативные тенденции требуют адекватной реакции со стороны органов государственной власти России и бизнеса в части пересмотра инструментов поддержки экспортной деятельности. Только скоординированные действия могут дать необходимый эффект по минимизации потенциального ущерба от новых ограничений для отечественной продукции на рынках США и других стран мира. ■

Литература

- Бурмистрова С. США решили ввести пошлины на поставку удобрений из России // РБК. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/business/25/11/2020/5fbc181a9a794701419229e0>
- Милюкин В. США могут признать экономику России нерыночной // Ведомости. 2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2021/08/16/882327-ssha-ekonomiku>
- Пахомов А. Рыночный статус российской экономики: вопросы теории и практики // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 6. С. 12–17.
- Реестр ограничительных мер / Минэкономразвития России, 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/dostup_na_vneshnie_rynki_i_zashchitnye_mery/reestr_ogranich_mer/
- Report on the Implementation and Enforcement of Russia's WTO Commitments / United States Trade Representative. 2020. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2020/Russia2020WTOReport.pdf>
- Seamless Carbon and Alloy Steel Standard, Line, and Pressure Pipe from the Republic of Korea and the Russian Federation: Countervailing Duty Orders // U.S. Federal Register. Wash. 2021. Vol. 86. No. 160. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/08/23/2021-18188/seamless-carbon-and-alloy-steel-standard-line-and-pressure-pipe-from-the-republic-of-korea-and-the#footnote-1-p47060>
- Trade Remedies: Countervailing Duties, Congressional Research Service. Wash. August 23, 2021. P. 6. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46882>
- U.S. Antidumping & Countervailing Duties / International Trade Administration (U.S. Department of Commerce). 2021. URL: <http://www.trade.gov/ec-adcvd-caseannouncement>

References

1. Burmistrova S. USA decided to impose duties on fertilizers from Russia // RBC. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/business/25/11/2020/5fbe181a9a794701419229e0>
2. Milkin V. The US can recognize the Russian economy as non-market // Vedomosti. 2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2021/08/16/882327-ssha-ekonomiku>
3. Pakhomov A. Market Status of Russian Economy: Some Aspects of Theory and Practice // Russian Economic Development. 2021. Vol. 28. No. 6. Pp. 12–17.
4. Register of restrictive measures / Ministry of Economic Development of Russia, 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/dostup_na_vneshnie_rynki_i_zashchitnye_mery/reestr_ogranich_mer/
5. Report on the Implementation and Enforcement of Russia's WTO Commitments / United States Trade Representative. 2020. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2020/Russia2020WTOReport.pdf>
6. Seamless Carbon and Alloy Steel Standard, Line, and Pressure Pipe from the Republic of Korea and the Russian Federation: Countervailing Duty Orders // U.S. Federal Register. Wash. 2021. Vol. 86. No. 160. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/08/23/2021-18188/seamless-carbon-and-alloy-steel-standard-line-and-pressure-pipe-from-the-republic-of-korea-and-the#footnote-1-p47060>
7. Trade Remedies: Countervailing Duties, Congressional Research Service. Wash. August 23, 2021. P. 6. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46882>
8. U.S. Antidumping & Countervailing Duties / International Trade Administration (U.S. Department of commerce). 2021. URL: <http://www.trade.gov/ec-adcvd-caseannouncement>

New Restrictions on the Access of Russian Exporters to the US Market: Causes and Possible Consequences

Alexander A. Pakhomov – Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: pakhomov-aa@ranepa.ru

In 2021, the US authorities increased restrictions on Russian exporters both in terms of the number of barriers and the use of new tools, in particular, based on the criteria of distortion of «market practices» and «export subsidies» in Russia. These measures may not only seriously complicate the access of domestic companies to the US market, but also increase their financial losses.

The article was written based on the RANEPA state assignment research programme.

Key words: countervailing and anti-dumping duties, market status of the Russian economy, WTO, USA, subsidies, market access.

JEL-codes: E65, F13, F53.

ПЕРЕСМОТР КРИТЕРИЕВ ПРИСВОЕНИЯ СТАТУСА РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ СТРАНЫ

К. М. БАГДАСАРЯН

В статье рассматривается участвовавшая в последнее время практика пересмотра ведущими развитыми странами, в первую очередь США, критериев определения статуса развивающихся стран. Возможность подобной практики объясняется отсутствием на уровне международных организаций, в том числе ВТО, общепризнанных критериев по данному вопросу. В логике современных торговых войн, США используют этот пробел как инструмент торговой политики, создавая при этом новую форму борьбы за международную конкурентоспособность.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Ключевые слова: статус развивающейся страны, тарифные преференции, ВТО, пересмотр критериев, новые правила торговли, всеобщая система преференций.

JEL: F10, F13, F19.

В октябре 2021 г. вступили в силу новые правила предоставления тарифных преференций для развивающихся стран в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в соответствии с Решением [2] Совета Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) от 5 марта 2021 г. № 17 «О внесении изменений в Решение Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 г. № 130». Решение предусматривает исключение из списка получателей тарифных преференций 75 из 103 развивающихся государств и двух из 50 наименее развитых стран (НРС), одна из которых перешла в развивающиеся из соответствующей категории пользователей Единой системы тарифных преференций (ЕСТП) ЕАЭС.

Согласно «Положению об условиях и порядке применения ЕСТП ЕАЭС» от 2016 г. тарифные преференции принимаются в отношении установленной группы товаров, происходящих из развивающихся и НРС. В перечень «развивающихся» включаются страны, не классифицируемые Всемирным банком как страны с доходом выше среднего, а также с высоким уровнем дохода, т.е. это страны с валовым национальным доходом (ВНД) на душу

населения менее 4045 долл. США по состоянию на 2019-й календарный год.

Вместе с тем пересмотр ЕСТП ЕАЭС, включая внесение изменений в перечень развивающихся стран, перечень НРС и перечень преференциальных товаров, осуществляется ЕЭК не реже чем один раз в три года, хотя за шесть лет функционирования Союза такая работа была выполнена впервые. Отчасти это связано с системной неконсолидированностью и нескоординированностью позиций государств-членов ЕАЭС, которые являются следствием их экономической неоднородности и пассивной роли России [1].

Пересмотр ЕАЭС в 2021 г. стран — пользователей тарифных преференций для третьих стран в рамках всеобщей системы преференций (далее — ГСП)¹ хотя и носит достаточно радикальный характер, но отражает общемировую тенденцию по уточнению статуса развивающейся страны в контексте новых критериев. Этому событию предшествовал пересмотр в 2020 г. правил США о присвоении статуса развивающейся страны в соответствии с Законом о компенсационных пошлинах.

Багдасарян Княз Мнацаканович, научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, e-mail: bagdasaryan-
km@ranepa.ru

¹ Всеобщая система преференций (ВСП) (*Generalized Scheme of Preferences — GSP*) в российской научной литературе также упоминается как «общая система преференций» (ОСП) или «генеральная система преференций» (ГСП). Автор предпочитает использование аббревиатуры ГСП, исходя из ее созвучности с английской версией GSP, а также для удобства восприятия.

ГСП была принята в 1968 г. на Второй конференции ЮНКТАД для оказания помощи освободившимся от колониальной зависимости странам. Она требовала от промышленно развитых стран предоставления преференций развивающимся странам с целью создания для их продукции экспортных рынков и постепенного устранения трудностей, препятствующих ее проникновению в развитые страны.

С другой стороны, пересмотр ведущими развитыми странами мира тех или иных критериев по определению экономического статуса других стран, как было отмечено выше, становится международным трендом. Например, ведущие развитые страны в последние годы активно критикуют статус Китая и ряда других динамично развивающихся государств как развивающихся экономик. Это обусловлено растущей конкуренцией со стороны группы динамично развивающихся стран и использованием ими так называемых недобросовестных, или спорных, практик ведения международной торговли.

Например, администрация 45-го президента США Д. Трампа многократно оказывала политическое давление на руководство Китая с целью принуждения его к отказу от статуса развивающейся страны, который автоматически дает стране торговые преференции — «особый и дифференциальный режим ВТО для развивающихся стран» (*S&D provisions*) [10]. Аналогичной критике и политическому давлению подвергалась Ю. Корея, которая с 1996 г. является членом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в результате чего в 2020 г. она провозгласила себя «развитой страной» (*developed country*) [8].

Особый и дифференциальный режим ВТО дает развивающимся странам больше свободы в выполнении обязательств и применении программных инструментов, а также возможность получать более благоприятные условия от внешнеторговых партнеров. Он, как правило, предоставляется на согласованный участвующими в переговорном процессе сторонами период. По итогам полученной от до-

норов технической помощи и достигнутого прогресса предоставление такого режима прекращается.

Примечательно, что в рамках ВТО отсутствуют критерии классификации на группы «развитых» и «развивающихся» государств, из-за чего последние выигрывают в международной торговле [9]. Определение статуса полностью зависит от конкретных членов Организации, которые сами относят себя к той или иной группе (*self-declaration*). Поэтому данный вопрос включен США, при поддержке группы развитых государств, в повестку необходимых реформ ВТО, в связи с чем в 2019 г. американской делегацией был представлен подробный доклад (WT/GC/W/757) с говорящим названием «Безразличие ВТО к самопровозглашению статуса развитости страны делает ее институционально несостоятельной» [2].

Вместе с тем разнообразие категорий развивающихся стран с 4-х, представленных Всемирным банком в начале 1980-х годов, увеличилось до 17 взаимоисключающих и противоречивых групп [9]. Такое расширение связывают с отсутствием четкого обоснования и определения характеристик стран, а также с непривлечением развивающихся стран к разработке этих категорий. По мнению ряда зарубежных исследователей, причиной такого широкого подразделения стран на различные группы могут быть две — геополитическая и бюрократическая [5].

Поскольку «самоопределение» статуса оказывает непосредственное влияние на конкурентоспособность экономик, некоторые развитые страны стали вводить собственные критерии его определения. В частности, 10 февраля 2020 г. Торговое представительство США (USTR) опубликовало два уведомления — «Об отмене действующих правил о назначении развивающихся и НРС в соответствии с Законом о компенсационных пошлинах» и «Присвоение статуса развивающихся и НРС в соответствии с Законом о компенсационных пошлинах». Подобное решение в том числе мотивируется тем, что в ст. 10 Соглашения ВТО

по субсидиям и компенсационным мерам установлены более высокие нормы «de minimis» и пороговые значения для незначительного субсидированного импорта (*negligible import*) из развивающихся и НРС, с чем власти США не согласны.

В первом уведомлении Торговое представительство США отменяет правила, установленные в Своде федеральных нормативных актов (раздел 15, глава XX, часть 2013). Во втором документе определяются новые критерии и перечень государств-членов ВТО, к которым могут быть применены новые критерии «de minimis» по субсидированному импорту и незначительному объему импорта для целей антидемпинговых расследований.

Вместе с тем для получения права на 2%-ный порог «de minimis» и незначительный объем импорта ведомство установило новые критерии по определению страны в качестве «развивающейся», которые основаны на:

- а) показателе ВВП на душу населения согласно методологии Всемирного банка;
- б) доле в мировой торговле (показатель снижен с 2 до 0,5%);
- в) членстве в ОЭСР (или заявке на членство);
- г) членстве в ЕС;
- д) членстве в Большой двадцатке (G20).

Пересмотр привел к исключению из списка ГСП США 24 государств, относящихся к группам развивающихся и НРС. (См. таблицу.)

При этом из старого перечня государств – получателей тарифных преференций от 2013 г. статус пяти государств – Боливии, Камеруна, Египта, Мальдив и Шри-Ланки – был повышен из НРС в категорию «развивающиеся», а статус одного государства – Гондураса – был пересмотрен в сторону понижения.

В настоящее время национальные схемы тарифных преференций в том или ином виде действуют в девяти странах мира (Австралии, Великобритании, Исландии, Канаде, Новой Зеландии, Норвегии, Турции, Швейцарии, Японии) и двух интеграционных группировках (Евросоюзе и ЕАЭС). Например, европейская система ГСП включает три различных механизма преференций:

- а) стандартную ГСП для развивающихся государств – подразумевает снижение тарифных пошлин по 2/3 тарифных позиций ЕС для стран с низким или средним уровнем дохода;
- б) стандартную ГСП для НРС – подразумевает полный беспошлинный и неквотируемый доступ ко всем товарам, кроме оружия и боеприпасов;
- в) расширенную ГСП (GSP+) – подразумевает беспошлинный доступ к 2/3 тарифных позиций ЕС для тех стран, которые признаны особенно уязвимыми с точки зрения диверсификации экономики и объемов импорта. Взамен эти страны должны ра-

Пересмотр перечня государств – получателей тарифных преференций в рамках ГСП США в 2020 г.

Государства, исключенные из утвержденного в 2013 г. списка	Новые государства, ранее не являвшиеся получателями ГСП США (список от 2020 г.)
Наименее развитые страны	
1. Конго; 2. Гайана; 3. Индия; 4. Индонезия	1. Афганистан; 2. Камбоджа; 3. Лаос; 4. Либерия; 5. Непал; 6. Вануату; 7. Йемен
Развивающиеся страны	
1. Антигуа и Барбуда; 2. Аргентина; 3. Бахрейн; 4. Барбадос; 5. Белиз; 6. Ботсвана; 7. Бразилия; 8. Чили; 9. Колумбия; 10. Коста-Рика; 11. Ямайка; 12. Малайзия; 13. Мальта; 14. Панама; 15. ЮАР; 16. Сент-Китс и Невис; 17. Словения; 18. Таиланд; 19. Тринидад и Тобаго; 20. Уругвай	1. Ботсвана; 2. Кабо-Верде; 3. Куба; 4. Иордания; 5. Монголия; 6. Самоа; 7. Таджикистан; 8. Тонга
<p><i>Примечание.</i> Индия и Индонезия являлись получателями тарифных преференций США, предоставляемых НРС в соответствии с Законом о компенсационных пошлинах, хотя в список НРС, определяемых ООН, они не входили. <i>Источник:</i> составлено по данным United States Trade Representative [7].</p>	

тифицировать и эффективно выполнять 27 основных международных конвенций, касающихся прав человека, трудовых прав, охраны окружающей среды, качества государственного управления в рамках Программы устойчивого развития (*Sustainable Development and Good Governance*).

Одним из получателей GSP+ с 2009 г. является Армения, несмотря на то что с 2019 г., по данным Всемирного банка, она относится к странам с доходом выше среднего (*upper middle income*)².

Канада предоставляет доступ к своей системе тарифных преференций по двум критериям, а именно: низкому уровню ВНД на душу населения (*lower middle income*) и доле в мировом экспорте менее 1%. При изменении показателей, соответствующих этим критериям, такая страна перестает рассматриваться в качестве развивающейся и, соответственно, быть бенефициаром канадской системы ГСП. Канада пересматривает список бенефициаров каждые десять лет. В 2012 г. доступа к ГСП были лишены 72 страны и было заявлено, что с 2024 г. пересмотр будет осуществляться с периодичностью два раза в год.

Япония, так же как и Канада, ориентируется на уровень ВНД на душу населения. При росте доходов до уровня выше среднего такая страна частично лишается доступа к ГСП, а при их устойчивом сохранении на протяжении трех лет — полностью лишается доступа к этой системе преференций. Кроме того, из утвержденного перечня подпадающих под тарифные преференции могут быть исключены любые товары, если объемы их поставок за три года превышают 1,5 млрд иен или 50% их экспорта в Японию. Отдельные изъятия могут быть введены по отношению к рыбной продукции, если Управление рыболовством Японии выступит за сохранение определенных видов рыб.

Еще до полного выхода из Евросоюза в рамках Brexit Великобритания уже в 2020 г.

представила свой собственный механизм ГСП, что свидетельствует о понимании ее правительством экономической значимости данного механизма в международной торговле, а также политической в экономических отношениях со странами Содружества наций [3].

ГСП Великобритании практически полностью повторяет механизм ЕС и также разделена на три группы. Однако, кроме критериев соответствия принадлежности к той или иной группе государств, в ней представлены дополнительные условия, которые в случае их нарушения позволяют приостановить или изменить преференции в отношении любой страны-бенефициара, в том числе из перечня НРС. Расчет преференциальных тарифных ставок в рамках ГСП Великобритании для товаров из развивающихся стран осуществляется в индивидуальном порядке, с учетом особенностей каждой товарной позиции (группы) и не имеет единой формулы.

В то же время Китай, обладающий значительным финансово-экономическим потенциалом, не имеет национальной ГСП, предпочитая использовать другие инструменты влияния и взаимодействия с развивающимся миром. Более того, на международном уровне страна отстаивает неизменность правил ВТО, включая специальный и дифференцированный режим для развивающихся стран, и формирует коалицию своих союзников.

С учетом вышеизложенного можно предположить, что практика пересмотра ведущими развитыми странами мира тех или иных критериев по определению экономического статуса других стран является частью современных торговых войн.

В данном контексте стоит также отметить, что Министерство торговли США в августе 2021 г. запустило процедуру пересмотра рыночного статуса экономики России (*market economy status*). В случае лишения РФ статуса рыночной экономики к российскому экспорту на

² С целью сохранения тарифных преференций ЕС в рамках GSP+ между Арменией и ЕС в 2017 г. было подписано Соглашение о всеобъемлющем и глубоком партнерстве (*Comprehensive and enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part*).

систематической основе начнут применяться антидемпинговые и компенсационные пошлины, что, несомненно, отразится на конкурентоспособности экспортируемой страной продукции на международных рынках.

Общий взгляд на данную проблему выявляет формирующийся тренд на пересмотр правил международной торговли на национальном уровне, вне рамок международных организаций, что, в свою очередь, порождает

негативные тенденции и требует адекватной реакции со стороны российских органов государственной власти, координирующих органов ЕАЭС и заинтересованных крупных экономических агентов. В результате этих изменений отчасти меняется архитектура международной торговли, а сама проблема приобретает совершенно новый системный характер и открывает возможности для будущих исследований. ■

Литература

1. Багдасарян К.М., Пахомов А.А. Проблемы участия государств ЕАЭС в деятельности ВТО // *Экономическое развитие России*. 2016. Т. 23. № 11. С. 56–63.
2. Решение Совета ЕЭК от 5 марта 2021 г. № 17 «О внесении изменений в Решение Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 г. № 130» / ЕЭК, 2021. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428900/err_12042021_17
3. Akinmade B., Khorana S., Adedoyin F.F. An Assessment of UK's Trade with Developing Countries under the Generalised System of Preferences // *Journal of Public Affairs*. 2020. Issue e2308 (e-journal). DOI: 10.1002/pa.2308.
4. An undifferentiated WTO: self-declared development status risks institutional irrelevance. Communication from the United States / WTO. 2019. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/W757.pdf&Open=True>
5. Deborah B. L. Farias. Outlook for the «developing country» category: a paradox of demise and continuity // *Third World Quarterly*. 2019. Vol. 40. Issue 4. Pp. 668–687.
6. Fialho D., Van Bergeijk P. The Proliferation of Developing Country Classifications // *The Journal of Development Studies*. 2017. Vol. 53. Issue 1. Pp. 99–115.
7. Removal of Rule Designating Developing and Least-Developed Country Designations under the Countervailing Duty Law / United States Trade Representative. 2020. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/Final_Rule_2020-02445.pdf
8. Sohn Y. South Korea under the United States–China rivalry: dynamics of the economic-security nexus in trade policymaking // *The Pacific Review*. 2019. Vol. 3. Issue 6. Pp. 1019–1040.
9. Weinhardt C. Emerging Powers in the World Trading System: Contestation of the Developing Country Status and the Reproduction of Inequalities // *Global Society*. 2020. Vol. 34. Issue 3. Pp. 388–408.
10. Wolf R. Donald Trump's Status-Driven Foreign Policy // *Survival*. 2017. Vol. 59. Issue 5. Pp. 99–116.

References

1. Bagdasaryan K.M., Pakhomov A.A. Issues Regarding EAEU Members Participation in the WTO Activity // *Russian Economic Development*. 2016. Vol. 23. No. 11. Pp. 31–37.
2. Decision of the EEC dated March 5, 2021 No. 17 «On Amendments into the Decision of the Customs Union Committee dated November 27, 2009 No. 130» / EEC, 2021. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428900/err_12042021_17
3. Akinmade B., Khorana S., Adedoyin F.F. An Assessment of UK's Trade with Developing Countries under the Generalised System of Preferences // *Journal of Public Affairs*. 2020. Issue e2308 (e-journal). DOI: 10.1002/pa.2308.
4. An undifferentiated WTO: self-declared development status risks institutional irrelevance. Communication from the United States / WTO. 2019. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/W757.pdf&Open=True>
5. Deborah B. L. Farias. Outlook for the «developing country» category: a paradox of demise and continuity // *Third World Quarterly*. 2019. Vol. 40. Issue 4. Pp. 668–687.
6. Fialho D., Van Bergeijk P. The Proliferation of Developing Country Classifications // *The Journal of Development Studies*. 2017. Vol. 53. Issue 1. Pp. 99–115.

7. Removal of Rule Designating Developing and Least-Developed Country Designations under the Countervailing Duty Law / United States Trade Representative. 2020. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/Final_Rule_2020-02445.pdf
8. Sohn Y. South Korea under the United States–China rivalry: dynamics of the economic-security nexus in trade policymaking // *The Pacific Review*. 2019. Vol. 3. Issue 6. Pp. 1019–1040.
9. Weinhardt C. Emerging Powers in the World Trading System: Contestation of the Developing Country Status and the Reproduction of Inequalities // *Global Society*. 2020. Vol. 34. Issue 3. Pp. 388–408.
10. Wolf R. Donald Trump’s Status-Driven Foreign Policy // *Survival*. 2017. Vol. 59. Issue 5. Pp. 99–116.

Revision of Developing Country Status Determination Criterias

Kniaz M. Bagdasaryan – Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: bagdasaryan-km@ranepa.ru

The article examines the recent practice of revision by leading developed countries, primarily the United States, of criteria for determining the status of developing countries. The possibility of such a practice is explained by the lack of generally recognized criteria on this issue at the level of international organizations, including the WTO. In the logic of modern trade wars, the United States uses this gap as a tool of trade policy, while creating a new form of struggle for international competitiveness.

The article was written based on the RANEPА state assignment research programme.

Key words: economic status, developing countries, tariff preferences, WTO, revision of usual criterias, new trade rules.

JEL-codes: F10, F13, F19.

Промышленность

ДИНАМИКА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ТРЕТЬЕМ КВАРТАЛЕ 2021 г.¹

А. С. КАУКИН
Е. М. МИЛЛЕР

Основной вклад в рост промышленного производства в третьем квартале 2021 г. внесли добывающие отрасли за счет роста спроса на энергетический уголь и природный газ и ослабления влияния ограничений, связанных с соглашением ОПЕК+. Негативное влияние на динамику отраслей российской промышленности продолжали оказывать: очередные меры, ограничивающие распространение коронавирусной инфекции как внутри страны, так и в странах, с которыми Россию связывают значительные торговые потоки (особенно в Китае); рост цен на сырьевые товары на мировых биржах (для химической и металлургической промышленности); прекращение государственных программ и мер, стимулирующих потребительский спрос (для легкой промышленности и машиностроения).

Работа выполнена в рамках государственного задания РАНХиГС (тема «Подходы к изучению влияния потребительского спроса на формирование стимулов к технологическому развитию фирм»).

Ключевые слова: промышленность, сектора экономики, добывающая промышленность, обрабатывающие производства, Росстат, соглашение ОПЕК+.

JEL: L16, L6, L7, L8, L9.

Для корректной интерпретации тенденций, действующих в отдельных отраслях российской промышленности, необходима декомпозиция их выпуска на составляющие: календарную, сезонную, нерегулярную и трендовую². Экспертами Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара и РАНХиГС была осуществлена очистка рядов индексов всех отраслей промышленного производства за 2003–2021 гг. от сезонной и календарной компонент и выделена трендовая составляющая³ на основе актуальной статистики, публикуемой Рос-

статом по индексам производства в промышленных секторах экономики.

Результаты обработки ряда для индекса промышленного производства в целом представлены на рис. 1. На рис. 2 отображен результат для агрегированных индексов добывающего и обрабатывающего секторов, производства и распределения электроэнергии, газа и воды. Для остальных рядов результаты декомпозиции представлены в таблице.

Ранее нами было отмечено⁴, что в мае-июле 2021 г. в добывающем секторе наблюдался рост

Каукин Андрей Сергеевич, заведующий лабораторией системного анализа отраслевых рынков РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; заведующий лабораторией отраслевых рынков и инфраструктуры Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук (Москва), e-mail: kaukin@ranepa.ru; Миллер Евгения Михайловна, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: miller-em@ranepa.ru

¹ Авторы выражают признательность М. Турунцевой и Т. Горшковой за помощь в проведении статистического анализа.

² «Трендовая составляющая» — используемый в литературе устоявшийся термин, однако следует отметить, что данная компонента не является «трендом» в строгом смысле, используемом в эконометрике при анализе временных рядов: в данном случае это именно остаток от выделения из ряда календарной, сезонной и нерегулярной составляющих. «Трендовую составляющую» некорректно использовать для прогнозирования временных рядов: для большинства индексов промпроизводства она нестационарна в уровнях (и стационарна в разностях), однако может быть использована для интерпретации краткосрочной динамики и ее сопоставления с имевшими место событиями.

³ Выделение трендовой составляющей было осуществлено при помощи пакета Demetra с использованием процедуры X12-ARIMA.

⁴ См.: Каукин А.С., Миллер Е.М. Динамика промышленного производства в мае-июле 2021 г. // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 9. С. 27–32. / Kaukin A.S., Miller E.M. Industrial Production Dynamics in May-July 2021 // Russian Economic Development. 2021. Vol. 28. No. 9. Pp. 27–32.

за счет сохранения влияния факторов, характерных для начала 2021 г.: увеличения спроса на энергетический уголь и природный газ со стороны европейских и азиатских стран; ослабления ограничений, связанных с соглашением ОПЕК+ из-за повышения квот на суточные объемы добычи нефти в странах-участниках. Обрабатывающий сектор промышленности также показал рост в конце первого полугодия 2021 г., который был достигнут за счет высоких цен и увеличения внешнего спроса на продукцию отраслей, занимающих существенную долю в структуре промышленного производства (металлургия, химия, нефтепереработка).

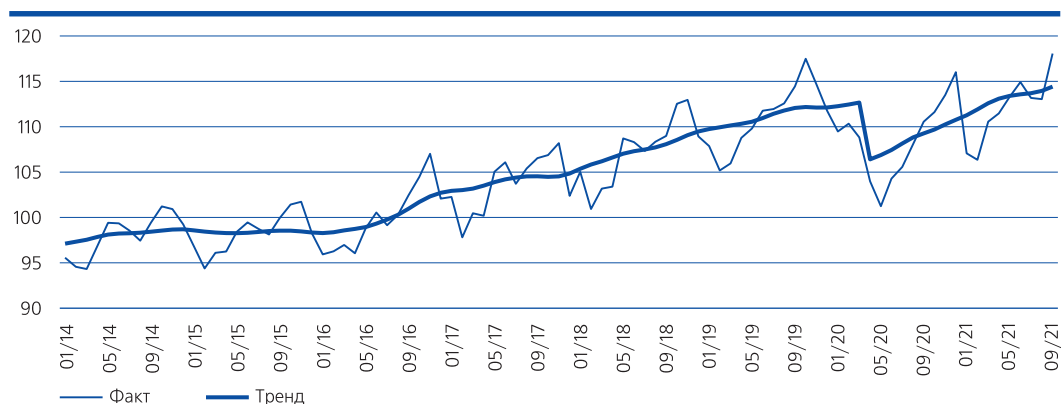
В третьем квартале 2021 г. трендовая составляющая добывающего сектора выросла. Рост добычи нефти был обеспечен продолжающимся восстановлением спроса на нефть и ответными действиями ОПЕК+ на этот рост: увеличением общего уровня добычи нефти начиная с августа 2021 г. ежемесячно на 400 тыс. барр./сут. (для России увеличение составило около 100 тыс. барр./сут.⁵). Факторы, влияющие на рост добычи природного газа и

угля, остались прежними. Для добычи газа – сохранившийся низкий уровень заполненности подземных хранилищ газа (ПХГ) в Европе⁶ в совокупности с повышением спроса на газ на внутреннем рынке и в Китае (увеличение поставок газа на экспорт по трубопроводу «Сила Сибири»). Для добычи угля – рост спроса в азиатских и европейских странах, которому способствовало повышение цен на природный газ, сделавшее конкурентоспособной угольную генерацию.

Трендовая составляющая обрабатывающего сектора по итогам третьего квартала 2021 г. показала околонулевые темпы роста. Основной положительный вклад в динамику сектора продолжали вносить:

- отрасли легкой промышленности (производство пищевой, текстильной и кожевенной продукции) – за счет смещения спроса потребителей в более низкий ценовой сегмент из-за снижения доходов населения, а также в результате ограничений на минимальную долю товаров российского производства при осуществлении госзакупок (для большинства позиций товаров,

Рис. 1. Динамика индекса промышленного производства в 2014–2021 гг. (фактические данные и трендовая составляющая, на начало месяца), в % к среднегодовому значению 2016 г.

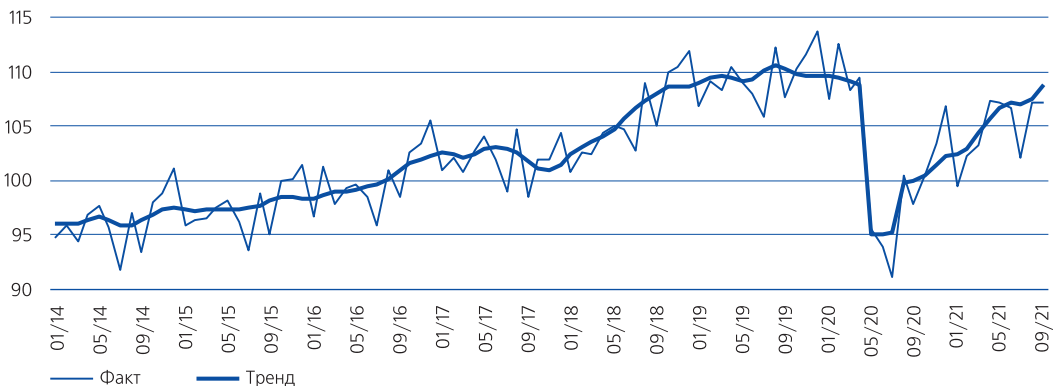
Источник: Росстат, расчеты авторов.

⁵ Данное увеличение продлено до 4 ноября 2021 г. – см.: 21st OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting concludes / OPEC. 04.10.2021. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6647.htm

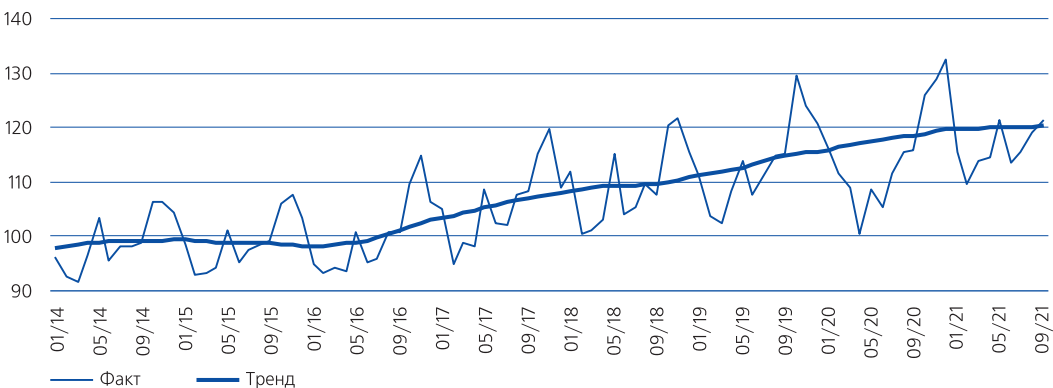
⁶ 52,2% в июле 2021 г. против 83,3% в июле 2020 г.; 62,5% в августе 2021 г. против 88,9% в августе 2020 г.; 74,1% в сентябре 2021 г. против 93,3 в сентябре 2020 г.

Рис. 2. Динамика индексов производства по отраслям в 2014–2021 гг. (фактические данные и трендовая составляющая, на начало месяца), в % к среднегодовому значению 2016 г.

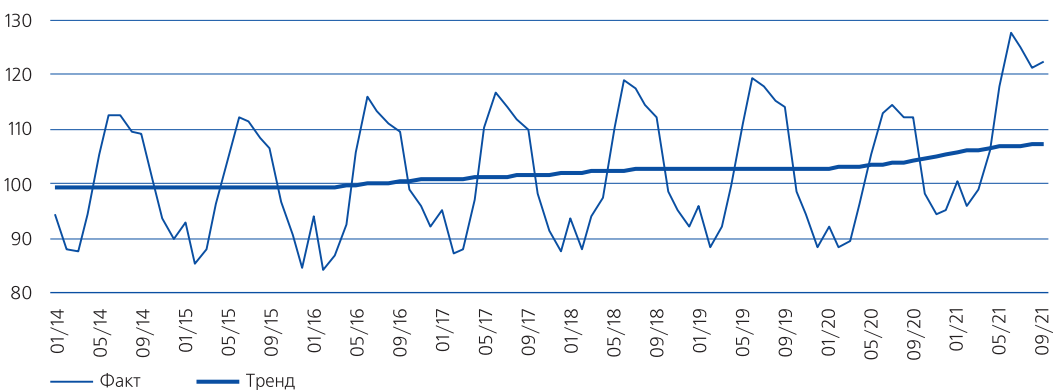
Добыча полезных ископаемых

Обработывающая промышленность

Производство и распределение электроэнергии, газа и воды

Источник: Росстат, расчеты авторов.

вошедших в перечень, квоты установлены на уровне 50–90% от годового объема закупок)⁷;

- химическая промышленность — в основном за счет роста внутреннего и внешнего спроса на лекарственные средства и медицинские материалы, а также благодаря

внешнему спросу на азотные удобрения, которые требуют при производстве большого объема природного газа. Значительный рост цен на природный газ сделал нерентабельным их производство в Европе, что увеличило спрос на экспортную продукцию из России;

Изменение индекса выпуска по отраслям экономики в 2021 г., в %

Отрасли	Доля в индексе промышленного производства	Сентябрь 2021 г. к декабрю 2020 г.	Сентябрь 2021 г. к июню 2021 г.	Изменения последних месяцев
Индекс промышленного производства		103,30	100,75	Медленный рост
<i>Добыча полезных ископаемых</i>	34,54	106,41	101,59	Рост
<i>Обрабатывающие производства</i>	54,91	100,66	100,36	Стагнация
в том числе:				
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	16,34	109,52	103,06	Рост
Текстильное и швейное производство	1,14	101,74	100,66	Медленный рост
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	0,27	101,27	101,35	Медленный рост
Обработка древесины и производство изделий из дерева	2,02	102,10	100,02	Стагнация
Целлюлозно-бумажное производство	3,35	90,61	95,62	Спад
Производство кокса, нефтепродуктов	17,25	104,21	101,01	Медленный рост
Химическое производство	7,56	109,60	103,51	Рост
Производство резиновых и пластмассовых изделий	2,14	96,59	100,86	Медленный рост
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	4,02	107,06	103,16	Рост
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	17,42	114,62	104,79	Рост
Производство машин и оборудования	6,97	109,41	103,34	Рост
Производство электрооборудования, электрического и оптического оборудования	6,27	97,40	98,99	Медленный спад
Производство транспортных средств и оборудования	6,75	104,55	101,80	Рост
Прочие производства	2,42	97,60	100,87	Медленный рост
<i>Производство и распределение электроэнергии, газа и воды</i>	13,51	101,74	100,29	Стагнация
<i>Оптовая торговля</i>		102,51	101,21	Медленный рост
<i>Розничная торговля</i>		101,48	101,22	Медленный рост
<i>Грузооборот</i>		104,89	99,31	Медленный спад
<i>Строительство</i>		103,44	100,36	Стагнация
<i>Объемы платных услуг населению</i>		103,07	100,87	Медленный спад

Источник: Росстат, расчеты авторов.

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 03.12.2020 г. № 2013 «О минимальной доле закупок товаров российского происхождения».

- металлургическая промышленность — за счет расширения экспортных и внутренних поставок в результате повышения мировых цен на металлургическую продукцию, а также отмены в Китае возврата НДС при экспорте и импортных пошлин на некоторый перечень товаров черной металлургии. Помимо этого в начале третьего квартала 2021 г. на увеличение экспорта повлиял ввод в России с конца июля новых повышенных таможенных пошлин на широкий перечень товаров, выпускаемых отраслью;
- машиностроение. Нехватка полупроводников и рост стоимости сырья не сказались на объемах производства транспортных средств и машин и оборудования в России, которые в третьем квартале 2021 г. продолжали увеличиваться. Возможной причиной этого является все еще сохраняющийся дефицит⁸ продукции на рынке в результате неполной загрузки мощностей в карантинный период 2020 г. Свою роль сыграли и ожидания роста цен вследствие вполне вероятного повышения утилизационного сбора и курсовых колебаний в конце первого полугодия 2021 г., а также государственные меры стимулирования спроса на отдельные виды машиностроительной продукции.

Отрицательная динамика сохранилась в трендовой составляющей платных услуг населению. Ее вероятной причиной являются сохраняющиеся ограничения, вызванные пан-

демией, действующие в различных регионах России. Динамика трендовой составляющей грузооборота показала в рассматриваемый период медленное падение из-за сокращения объемов экспорта топливно-энергетических полезных ископаемых, вызванного инфраструктурными ограничениями⁹, связанными с транспортировкой угля на Дальнем Востоке на экспорт в Китай, и с расширением внутреннего спроса на природный газ. Оптовая и розничная торговля демонстрировали медленный рост: оптовая — в основном за счет увеличения продаж лекарственных средств и медицинских материалов, химических удобренных, транспортных средств, машин и оборудования; розничная — благодаря расширению продаж продукции пищевой и текстильной промышленности, а также выплатам (призванным поддержать потребительский спрос) на детей школьного возраста в августе и сентябрьской выплате пенсионерам и военнослужащим.

Основные факторы риска замедления роста промышленности остались прежними: ухудшение эпидемиологической ситуации внутри страны и в странах, с которыми Россию связывают значительные торговые потоки (например, экспорт продукции металлургической и химической промышленности в Китай); рост цен на сырьевые товары на мировых биржах; прекращение государственных программ и мер, стимулирующих потребительский спрос. ■

⁸ По данным Ассоциации «Российские автомобильные дилеры» (РОАД), спрос на автомобили не покрывается, а их оснащение ухудшается — некоторые модели производятся с отсутствием функций мультимедиа, навигации и т.п. из-за отсутствия чипов.

⁹ Пропускная способность железнодорожных путей в восточном направлении не позволяет увеличить экспорт российского угля в Китай.

Industrial Production Dynamics in Q3 2021

Andrey S. Kaukin – Head of Department for System Analysis of Sectorial Markets of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of Department of Sectorial Markets and Infrastructure of the Gaidar Institute for Economic Policy, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: kaukin@ranepa.ru

Eugenia M. Miller – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: miller-em@ranepa.ru

In Q3 2021, industrial output growth was mainly driven by extractive industries owing to a pickup in demand for power-generating coal and natural gas and ebbing restrictions related to the OPEC+ agreement. The following factors kept affecting dynamics of different sectors of the Russian industry: further anti-COVID restrictive measures introduced both in Russia and its main trade partner countries (particularly, China); soaring prices for primary commodities (for the chemical industry and metallurgy) on the world's commodity exchanges; termination of government support programs and consumer demand stimulating measures (for the light industry and the engineering industry).

The article was prepared in the framework of execution of state order by RANEPА («Approaches to studying the impact of consumer demand on the formation of incentives for technological development of firms»).

Key words: industrial sector, sectors of economy, mining industry, manufacturing, Rosstat, OPEC+ deal.

JEL-codes: L16, L6, L7, L8, L9.

АДАПТАЦИЯ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП ПРЕДПРИЯТИЙ К КРИЗИСУ 2020 г.

С. В. ЦУХЛО

Российские промышленные предприятия по-разному адаптировались к условиям пандемии в зависимости от своего размера. Наиболее высокий уровень адаптивности был характерен для очень крупных предприятий, наименьший – для малых и средних. По мере снижения остроты кризиса оценки предприятиями всех значений показателей своей деятельности вернулись к допандемийному уровню.

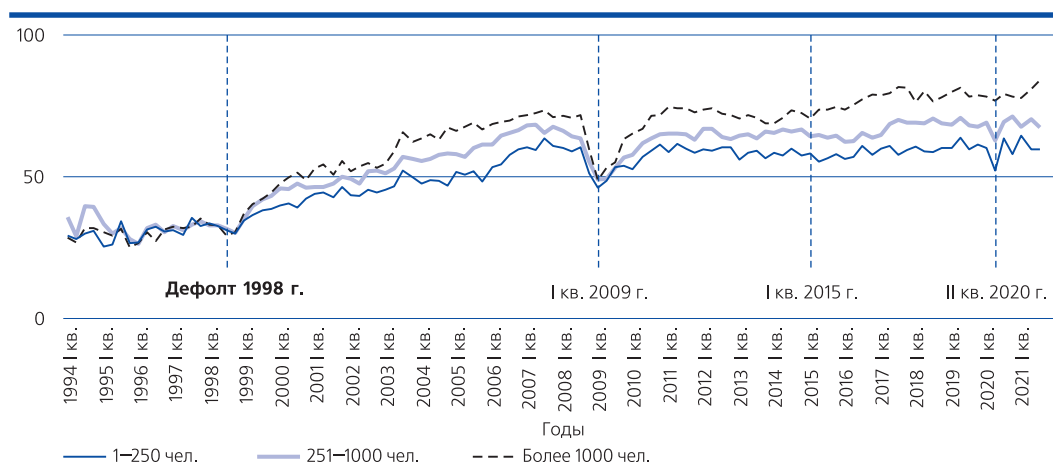
Ключевые слова: российская промышленность, индекс адаптации российской промышленности по размерам предприятий, спрос, запасы готовой продукции, запасы сырья и материалов, выпуск, обеспеченность кадрами, финансово-экономическое положение.

JEL: L16, L53, L60.

В предыдущей статье¹ был приведен расчет индекса адаптации (нормальности) в целом для всей российской промышленности. Как показали наши оценки, российская промышленность в очередной раз – в ходе необычного пандемического кризиса 2020 г. – продемонстрировала высокую способность адаптироваться к новым условиям хозяйствования. Однако расчет индекса в зависимости от размеров предприятий показал разные траектории адаптации производителей к условиям пандемии. (См. рисунок.)

Так, во втором квартале 2020 г. индекс адаптации (нормальности) продемонстрировал самое сильное падение в группе малых и средних предприятий – с 60 до 52%. В основном – за счет снижения удовлетворенности текущим объемом спроса (на 17 пунктов) и оценок своего финансово-экономического положения (на 16 пунктов). Доля «нормальных» оценок запасов готовой продукции потеряла 8 пунктов, «нормальных» (достаточных) оценок наличных производственных мощностей – 6 пунктов. При этом оценки за-

Индексы адаптации (нормальности) по размерам предприятий (доля предприятий, оценивающих свои показатели как «нормальные») в 1994–2021 гг., в %

Цухло Сергей Владимирович, заведующий лабораторией конъюнктурных опросов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук (Москва), e-mail: tsukhlo@iep.ru

¹ См.: Цухло С.В. Адаптация российской промышленности к кризису 2021 г. // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 10. С. 16–18. / Tsukhlo S.V. Adaptation of the Russian Industrial Sector to the 2020 Crisis // Russian Economic Development. 2021. Vol. 28. No. 10. Pp. 16–18.

нятости снизились только на 2 пункта, а запасов сырья и материалов — улучшились.

Уровень адаптации к новым условиям хозяйствования крупных предприятий (251–1000 человек занятых) снизился в начале кризиса с 69 до 63% за счет всех показателей. Больше всего «пострадали» в начале кризиса оценки финансового положения предприятий (снижение составило 10 пунктов) и оценки как «нормальных» запасов сырья (-9 пунктов), причем последние — в результате увеличения доли оценок «ниже нормы». Минимальное снижение «нормальных» оценок было получено в этой группе предприятий применительно к объемам продаж, которые потеряли за кризисный квартал только 4 пункта. Впрочем, падение удовлетворенности продажами в этой группе началось еще в конце 2019 г.

Очень крупные предприятия (свыше 1000 человек занятых) продемонстрировали самую высокую степень адаптации к кризису 2020 г.: средняя доля «нормальных» оценок шести основных показателей деятельности (состояния) предприятий этой группы по итогам второго квартала текущего года уменьшилась на 1 п.п. и составила 77%. (Исторический максимум показателя был зарегистрирован в 2017 г. и был равен 82%.) Таким образом, кризисные потери относительно максимального значения здесь также оказались небольшими. Однако за этой усредненной устойчивостью скрывалась разнонаправленная динамика оценок своего состояния.

Так, оценки спроса снизились на 16 пунктов и рухнули до 47% — такой низкой удовлетворенности спросом в этой группе предприятий не было с 2010 г. Вместе с тем падение других показателей оказалось крайне незначительным и коснулось только двух индикаторов. Уровень достаточной обеспеченности кадрами снизился на 3 пункта при росте избыточной занятости до 12% и снижении недостатка кадров до 6%, что привело к оценке кадровой ситуации в этой группе как профицитной. Доля оценок сырья сократилась на 2 пункта при нулевом балансе других ответов.

Три других исходных показателя продемонстрировали увеличение доли «нормальных» оценок. Достаточная обеспеченность мощностями выросла на 8 пунктов и составила в первом кризисном квартале прошлого года среди очень крупных предприятий 74%. Этот рост произошел за счет уменьшения доли оценок мощностей как избыточных, рост которых был зарегистрирован в январе 2020 г., когда российская промышленность, вероятно, готовилась к наступлению классического кризиса перепроизводства: тогда баланс оценок мощностей вырос до +21 п.п. и достиг значений, зарегистрировавшихся в 2016 г. — на пике предыдущего кризиса. Доля «нормальных» оценок запасов готовой продукции в начале кризиса 2020 г. увеличилась на 2 пункта, а баланс других оценок остался на уровне двух предыдущих кварталов, т.е. никакого кризисного взлета избыточности запасов этого типа зарегистрировано не было. (Впрочем, аналогичная ситуация с оценками запасов готовой продукции имела место и в начале предыдущего кризиса 2015–2016 гг.) Несмотря на резкое снижение оценок спроса, «нормальные» оценки финансово-экономического положения очень крупных предприятий в начале кризиса повысились на 2 пункта — в результате 95% предприятий этой группы считали свое положение или «хорошим» или «удовлетворительным». В группе малых и средних предприятий таких оценок было получено только 57%.

Но уже в третьем квартале 2020 г. уровень адаптации предприятий всех размеров вернулся к докризисным временам. И в первую очередь — за счет восстановления оценок текущих объемов спроса. Этот показатель продемонстрировал самый существенный рост уже в июле-сентябре 2020 г. и с небольшими паузами сохранил положительную динамику до третьего квартала 2021 г. включительно, достигнув в результате либо исторических максимумов, либо близких к ним значений.

Оценки запасов готовой продукции, сырья и материалов в процессе быстрого выхода промышленности из пандемического кризиса

имели скорее негативную динамику: доли «нормальных» оценок во всех группах чаще снижались, чем росли, а балансы других оценок свидетельствовали об увеличении дефицита запасов всех типов. Оценки занятости, сразу вернувшись к докризисным значениям, в дальнейшем начали показывать обострение хронических кадровых проблем предприятий: в третьем-четвертом кварталах 2021 г. дефи-

цит работников сформировался во всех группах предприятий при снижении «нормальной» обеспеченности кадрами. «Нормальная» обеспеченность промышленности мощностями также вышла на докризисный уровень еще в 2020 г. — при сохранении традиционного на веса избыточных мощностей, но к концу 2021 г. навес сменился дефицитом мощностей, чего не регистрировалось с 2008 г. ■

Adaptability of Various Groups of Enterprises to the 2020 Crisis

Sergey V. Tsukhlo — Head of Business Surveys Department of the Gaidar Institute for Economic Policy, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: tsukhlo@iep.ru

Depending on their size, Russian industrial enterprises adapted in different ways to the pandemic. The highest adaptability was typical of very large enterprises, while the lowest one, of small and mid-sized companies. As the crisis was subsiding, enterprises' estimates of their performance indicators returned to the pre-pandemic level.

Key words: Russian industry, Russian Industry Adaptability Index regarding enterprises' size, demand, stock of finished products, stock of materials, output, stuffing, financial and economic situation.

JEL-codes: L16, L53, L60.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБОЗРЕНИЕ (август-ноябрь 2021 г.)¹

С. П. АУКУЦИОНЕК
А. С. ЕГОРОВ
И. А. БАШИРОВА
С. В. БЕЛЯКОВ

В августе 2021 г. вновь стала очень большой (81%) доля предприятий, сообщивших о повышении цен на покупаемую продукцию, что спровоцировало рост соответствующего диффузного индекса, который уже четвертый раз за год достиг 90% — максимального значения за последние шесть лет. По остальным показателям наблюдалась относительная стабильность, так как не удалось выявить каких-либо серьезных отклонений от значений предыдущего месяца либо выходящих за рамки нескольких последних месяцев.

Ключевые слова: Россия, промышленность, промышленные предприятия, уровень цен, заработная плата, занятость, производство, инвестиции, банковская задолженность, объем заказов, объем запасов готовой продукции, загрузка производственных мощностей, банкротство, экономическая политика, продолжительность кризиса.

JEL: D22, D24, G31, L23, P23.

АВГУСТ 2021 г.

Цены

Падение цен на свою продукцию отметили 7% предприятий — участников опроса, о неизменности сообщили 72%, о повышении — 21%.

Цены на приобретаемую продукцию росли у 81%, не менялись — у 19% и ни у кого не снижались.

Соотношение цен и издержек

Неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций отметили около 48% респондентов, благоприятный — 2%. По мнению остальных 50%, соотношение «своих» и «чужих» цен практически не изменилось.

Чаще всего на неблагоприятный сдвиг ценовых пропорций указывали на предприятиях химической (100%) и легкой (80%) промышленности, в пищевой отрасли и в лесопромышленном комплексе (по 60%).

Заработная плата

О ее повышении сообщили 32% предприятий, о сохранении на прежнем уровне — около 59%, о снижении — 9%.

В среднем по всем предприятиям выборки заработная плата за месяц выросла на 1% (в предыдущем месяце тоже увеличилась на 1%). Для промышленных предприятий-респондентов ее средний уровень составил 42 000 руб., а для сельскохозяйственных — 29 000 руб.

Средние доходы высшего управленческого персонала предприятий составили в промышленности 91 000 руб., а в сельском хозяйстве — около 40 000 руб.

Занятость и производство

Около 71% респондентов сообщили о сохранении прежней занятости на своих предприятиях, 21% отметили ее сокращение и 7% — увеличение.

Аукуционек Сергей Павлович, руководитель Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: reb@imemo.ru; *Егоров Андрей Станиславович*, старший научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: andrese@mail.ru; *Баширова Инесса Анатольевна*, старший научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), e-mail: bachirova@imemo.ru; *Беляков Станислав Валерьевич*, научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), e-mail: belyakov_St@mail.ru

¹ Материал подготовлен сотрудниками Центра по изучению переходной экономики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН специально для журнала «Экономическое развитие России» по результатам опроса 200 предприятий всех отраслей и регионов РФ.

Об увеличении объемов производства по сравнению с предыдущим месяцем сообщили 29% руководителей, 37% отметили сохранение прежних объемов выпуска и 34% — уменьшение.

Инвестиции

Около 7% респондентов отметили рост закупок оборудования, 64% указали на неизменность данного показателя и 10% — на его сокращение. Остальные — 19% предприятий — не закупили оборудование в течение двух и более месяцев подряд (в июле 2021 г. — 25%).

Задолженность банкам

Задолженность банкам (у имеющих ее предприятий) составила 87% от уровня, который респонденты считают нормальным для этого месяца (месяц назад — 91%).

Портфель заказов

Портфель заказов у 69% предприятий остался неизменным, у 14% он пополнился и у 17% «похудел». Рост заказов отмечали в основном производители строительных материалов (33%), в машиностроении (21%) и представители лесопромышленного комплекса (20%).

В среднем по выборке объем заказов составил 89% от нормального месячного уровня (в июле — 85%). Самым высоким уровень заказов в августе 2021 г. оказался в пищевой промышленности (100%), в лесопромышленном комплексе (97%), у производителей строительных материалов и у представителей химической промышленности (по 95%), а самым низким он был в легкой промышленности (75%).

Запасы готовой продукции

Около 13% респондентов сообщили об увеличении таких запасов, 21% отметили их уменьшение и около 66% не заметили перемен.

В среднем по выборке запасы готовой продукции составили 79% от нормального для этого месяца уровня (месяц назад — 77%). Самыми большими (в относительном выраже-

нии) были запасы у металлургов (90%), у поставителей пищевой отрасли (86%) и в машиностроении (84%), а самыми незначительными — у производителей строительных материалов (56%).

Загрузка производственных мощностей

В среднем она составила 84% от нормального уровня (в предыдущем опросе — 82%). Около 7% промышленных предприятий работали менее чем на 1/2 своей мощности, и 50% — более чем на 9/10.

Лидируют по загрузке мощностей предприятия химической промышленности (95%), пищевой отрасли (94%), производители строительных материалов и металлурги (по 92%), а самой низкой она была в машиностроении (77%).

Загрузка рабочей силы

Она составила 92% от нормального уровня (в предыдущем месяце — 90%). На 5% предприятий выборки рабочая сила была занята менее чем на 1/2, а у 74% участников опроса ее загрузка составила более 9/10.

Финансовое положение

Около 10% респондентов оценили финансовое положение своих предприятий как «хорошее», 76% посчитали его «нормальным» и 15% оценили его как «плохое». (См. табл. 1.)

Факторы, ограничивающие капиталовложения (за 6 месяцев)

На высокие цены на оборудование и строительство, как на одну из главных причин, сдерживающих капвложения, указали 59% участников опроса, на нехватку финансовых средств у предприятий — 45%, на неясность общей обстановки — 43% руководителей. Меньшее значение имели высокий банковский процент — 18% и низкая прибыльность инвестиционных проектов — 16%. Меньше всего ограничивали капвложения большая задолженность и избыток производственных мощностей — по 5%.

Высокие цены на оборудование и строительство чаще других беспокоили представителей лесопромышленного комплекса и пищевой отрасли (по 80%), производителей строительных материалов и металлургии (по 67%). Чаще всего на нехватку финансовых средств для капитальных вложений указывали представители химической (100%) и легкой (60%) промышленности, машиностроения и производители строительных материалов (по 50%). Неясность общей обстановки чаще всего отмечали представители пищевой (80%), легкой (60%) и химической (50%) промышленности. Дороговизна кредитов наиболее остро ощущалась в химической (50%) и легкой (40%) промышленности, а также в металлургии (33%). Малая прибыльность инвестиционных проектов сдерживала капвложения сильнее всего в металлургии (33%), лесопромышленном комплексе и в пищевой отрасли (по 20%).

ПРОГНОЗЫ НА НОЯБРЬ 2021 г.

Цены

Подорожание своей продукции к ноябрю 2021 г. (по сравнению с августом 2021 г.) пред-

сказывают 39% респондентов, 57% не ждут изменений, а у 5% цены снизятся.

Соответствующие оценки для приобретаемых товаров: 77, 18 и 5%.

Средний по выборке ожидаемый к ноябрю 2021 г. прирост цен составит 4,5%, в том числе 2% для производимой и 7% для покупаемой продукции.

Больше всего неблагоприятных ценовых сдвигов опасаются представители химической промышленности: их оценки трехмесячного роста «входящих» цен на 16 п.п. превышают оценки роста «выходящих» цен. Для остальных отраслей этот разрыв ожидается в промежутке от 1 до 9 пунктов.

Заработная плата

Ее повышения ожидают 32%, понижения – 11% и сохранения на прежнем уровне – около 57% предприятий, охваченных опросом.

Общий трехмесячный прогноз по выборке: заработная плата увеличится на 1%.

Занятость и производство

Сокращения занятости на своих предприятиях ожидают около 19% участников опроса, у 67% она не изменится, а у оставшихся 14% – возрастет.

Таблица 1

Отраслевые показатели за август 2021 г., в % (нормальный месячный уровень=100%)

	Загрузка производственных мощностей	Загрузка рабочей силы	Запасы готовой продукции	Портфель заказов	Задолженность банкам	Финансовое положение*
Черная и цветная металлургия	92	96	90	84	37	100
Машиностроение и металлообработка	77	91	84	86	111	84
Химия и нефтехимия	95	98	83	95	35	50
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	86	92	79	97	58	100
Производство стройматериалов	92	95	56	95	60	100
Легкая промышленность	81	85	76	75	113	60
Пищевая промышленность	94	94	86	100	103	100
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	84	92	79	89	87	86
АГРОСЕКТОР	84	95	71	76	35	63

* – Доля предприятий с «хорошим» или «нормальным» финансовым положением, в %.

Источник: опросы РЭБ.

Падение производства на своих предприятиях предполагают 36% респондентов, рост – 34%, остальные 30% не предвидят особых изменений.

Портфель заказов

Ожидается, что он пополнится примерно у 23%, не изменится – у 60% и «похудеет» – у 16% предприятий. Чаще всего роста заказов ожидали представители пищевой (60%) и легкой (40%) промышленности.

Инвестиции

По сообщению 23% респондентов, оборудование на их предприятиях не закупалось и в ближайшие три месяца закупаться не будет. По остальной части выборки закупки сократятся на 3%.

Задолженность банкам

Ожидается, что через три месяца задолженность возрастет у 19% предприятий выборки, не изменится – у 24% и у 16% – уменьшится. Остальные – 41% производителей – не пользуются банковским кредитом. Средняя став-

ка, по которой предвидится получение рублевых кредитов, – 9% годовых.

Финансовое положение

Через три месяца его улучшения ожидают 17% предприятий, 12% предполагают его ухудшение и примерно у 71% оно не изменится. (См. табл. 2.)

СЕКТОРА ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(Производство потребительских товаров – сектор 1, производство инвестиционных товаров – сектор 2)

Цены

В августе 2021 г. по сравнению с предыдущим месяцем ухудшение соотношения «своих» и «чужих» цен отметили 69% производителей потребительских товаров и 43% – инвестиционных. Ощутивших улучшение в первом секторе было 8%, а во втором таковых не оказалось.

Предполагается, что к ноябрю 2021 г. цены увеличатся на 2% в секторе потребительских товаров и на 2% – в секторе инвестиционных.

Таблица 2
Отраслевые прогнозы на ноябрь 2021 г., в % (август 2021 г.=100%)

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования	Банковский процент*	Финансовое положение**	Портфель заказов**
Черная и цветная металлургия	103	104	102	100	100	11	66	40
Машиностроение и металлообработка	101	105	99	100	102	8	53	53
Химия и нефтехимия	102	118	113	99	85	5	25	25
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	103	108	102	100	100	7	50	60
Производство стройматериалов	101	102	100	99	88	11	25	41
Легкая промышленность	102	111	101	91	100	10	50	60
Пищевая промышленность	104	108	102	102	95	13	60	80
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	102	107	101	99	97	9	53	53
АГРОСЕКТОР	-	-	-	-	82	5	35	33

* – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении.

** – Диффузный индекс: доля предприятий (в %), чей показатель к ноябрю 2021 г. улучшится (увеличится).

Источник: опросы РЭБ.

Цены на покупаемую продукцию, по прогнозам руководителей предприятий, возрастут на 7% в первом и на 8% — во втором секторе.

Загрузка производственных мощностей

В августе 2021 г. она составила 85% в потребительском и 82% — в инвестиционном секторе.

Портфель заказов

Этот показатель составил 87% от нормального месячного уровня в первом и 87% — во втором секторе.

Роста заказов через три месяца ожидают 38% предприятий потребительского и 19% инвестиционного сектора, а уменьшения — 23% в первом и 19% во втором секторе.

Финансовое положение

Как «плохое» в августе 2021 г. его оценили 17% производителей потребительского и 16% инвестиционного сектора, как «нормальное» — 67% предприятий в первом и 79% во втором секторе. В потребительском секторе 17% руководителей оценили финансовое состояние своего предприятия как «хорошее»; в инвестиционном секторе таких предприятий оказалось 5%.

К ноябрю 2021 г. ожидают улучшения своего финансового состояния 25% производителей потребительского сектора и 15% предприятий инвестиционного. Опасаются ухудшения ситуации 8% в первом и 15% во втором секторе.

СРАВНЕНИЕ АВГУСТА 2021 г. С АВГУСТОМ 2020 г.

Соотношение цен и издержек

Баланс оценок динамики «входящих» и «выходящих» цен заметно ухудшился: неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций год назад отметили 35% респондентов, а благоприятный не отметил никто; в августе 2021 г. таковых было 48 и 2% соответственно.

Заработная плата

Год назад о ее повышении сообщали 14%, о снижении — 23% предприятий; ныне — 32 и 9% соответственно.

Занятость и производство

Пропорция между предприятиями, где численность персонала сократилась и увеличилась, в августе 2020 г. составила 11:23, а в августе 2021 г. — 21:7.

Аналогичные соотношения по выпуску составили: в 2020 г. — 35:29, а в 2021 г. — 34:29.

Инвестиции

Значительно уменьшилась доля предприятий, не покупающих оборудование в течение двух и более месяцев подряд: с 29% в августе 2020 г. до 19% ныне.

Кредит

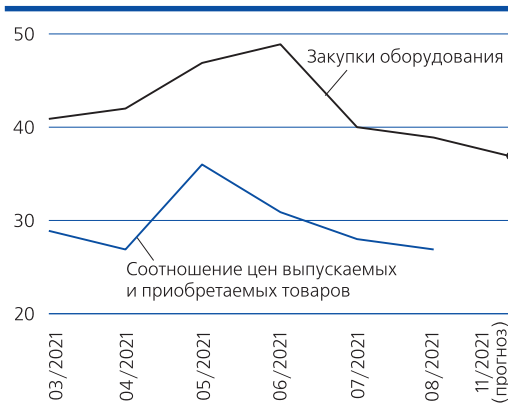
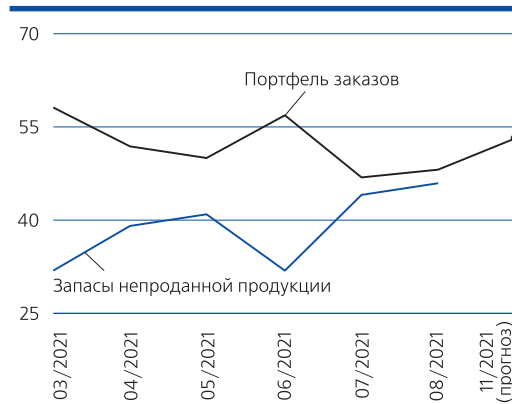
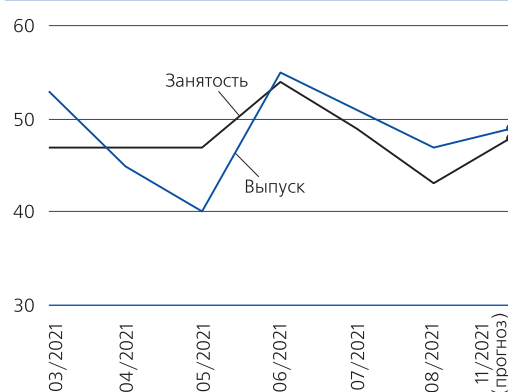
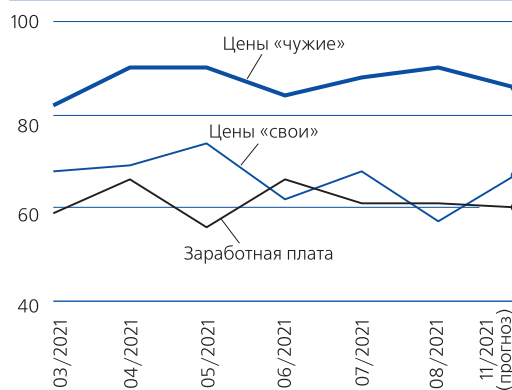
Относительная задолженность банкам предприятий-должников за год возросла на 12 п.п.: с 75% (от нормального месячного уровня) в августе 2020 г. до 87% в августе 2021 г. При этом доля предприятий, регулярно пользующихся банковским кредитом, за это время снизилась на 2 п.п.: с 61% в 2020 г. до 59% ныне.

Портфель заказов

Не изменился баланс предприятий по динамике портфеля заказов: год назад пропорция между числом предприятий с пополнившимся портфелем и «похудевшим» составляла 21:24, а ныне — 14:17. Его относительная наполненность за это время увеличилась на 1 п.п.: с 88% в 2020 г. до 89% в 2021 г. (считая от нормального месячного уровня, соответствующего 100%).

Запасы готовой продукции

В худшую сторону изменилось соотношение числа предприятий, где происходило накопление и сокращение таких запасов: в августе 2020 оно равнялось 16:32, а в августе 2021 г. — 13:21. При этом относительный объем запасов

Диффузные индексы, в %

Таблица 3
Диффузные индексы: предприятия с растущими показателями (по сравнению с предыдущим месяцем), в %*

	03/21	04/21	05/21	06/21	07/21	08/21	11/21 (прогноз)**
Цены «свои»	68	69	74	62	68	57	67
Цены «чужие»	82	90	90	84	88	90	86
Заработная плата	59	66	56	66	61	61	60
Занятость	47	47	47	54	49	43	48
Выпуск	53	45	40	55	51	47	49
Портфель заказов	58	52	50	57	47	48	53
Запасы непроданной продукции	32	39	41	32	44	46	-
Соотношение цен выпускаемых и приобретаемых товаров	29	27	36	31	28	27	-
Закупки оборудования	41	42	47	49	40	39	37

* – Диффузный индекс (D) определяется по формуле $D = (A + 0.5 \cdot B) \cdot 100\% / N$, где А – число предприятий, сообщивших об увеличении/улучшении показателя; В – число предприятий, у которых он остался примерно на том же уровне; N – общее число ответивших.

** – Ноябрь 2021 г. по сравнению с августом 2021 г.

Источник: опросы РЭБ.

за год уменьшился на 14 п.п.: с 93% в 2020 г. до 79% в 2021 г.

Загрузка производственных мощностей

По сравнению с прошлым годом она увеличилась: с 81% (относительно нормального месячного уровня) в августе 2020 г. до 84% в августе 2021 г. При этом число предприятий, работающих менее чем на 1/2 своей мощности, сократилось на 4 п.п.: с 11% в 2020 г. до 7% в 2021 г.; а доля предприятий, загруженных более чем на 9/10 своих мощностей, возросла на 7 п.п.: с 43% в 2020 г. до 50% в 2021 г.

Загрузка рабочей силы

За год она увеличилась на 6 п.п.: с 86% (от нормального уровня) в августе 2020 г. до 92% в августе 2021 г. В 2020 г. на 17% предприятий выборки рабочая сила была занята менее чем на 1/2; ныне таких предприятий оказалось 5%.

Финансовое положение

Выросла доля финансово благополучных предприятий: с 82% в 2020 г. до 86% в 2021 г.

Трехмесячные прогнозы

Ожидаемый ежемесячный темп прироста цен немного повысился: с +1,3% в августе 2020 г. до +1,5% в августе 2021 г.

Улучшился прогноз по балансу портфеля заказов: год назад его пополнения ожидали 29% и 24% предполагали его сокращение; ныне – соответственно 23 и 16%.

В лучшую сторону изменились показатели инвестиционной активности предприятий: год назад около 27% предприятий не закупили и не собирались (в течение трех месяцев) закупать оборудование; ныне их доля составила 23%.

Что касается банковской задолженности, то год назад 12% предприятий ожидали ее роста, а 12% – сокращения; в августе 2021 г. эти показатели составили 19 и 16% соответственно.

И наконец, прогнозы финансового состояния: год назад его улучшения в течение трех месяцев ожидали 9%, а ухудшения – 13% предприятий; ныне эти показатели составили 17 и 12% соответственно. (См. табл. 4.) ■

Таблица 4
Изменение трехмесячных прогнозов за 12 месяцев, в %*

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования**	Банковский процент***
Черная и цветная металлургия	2	3	2	0	0	-
Машиностроение и металлообработка	0	2	-1	1	0	0
Химия и нефтехимия	1	15	13	2	-15	-1
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	2	3	6	0	0	-3
Производство стройматериалов	0	0	-1	19	-12	4
Пищевая промышленность	-5	-11	-4	0	1	3
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	0	1	1	3	-3	1
АГРОСЕКТОР	-	-	-	-	-6	0

* – Приведены разности между оценками трехмесячных изменений, предсказанных респондентами в августе 2021 г. и в августе 2020 г.

** – Реальный объем закупок оборудования.

*** – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении: изменения абсолютного уровня за 12 месяцев (процентные пункты).

Источник: опросы РЭБ.

Survey of Current Business (August-November 2021)

Sergey P. Aukutsionek – Head of Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: reb@imemo.ru

Andrey S. Yegorov – Senior Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: andrese@mail.ru

Inessa A. Bachirova – Senior Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: bachirova@imemo.ru

Stanislav V. Belyakov – Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: belyakov_St@mail.ru

In August 2021, the share of enterprises that reported that prices for purchased products rose again became very large (81%). This provoked an increase in the corresponding diffusion index, which for the fourth time per year reached 90% – the maximum value for the past 6 years. For the rest of the indicators we observe relative stability, since it was not possible to identify any serious deviations from the values of the previous month or even last few months.

Key words: Russia, industry, industrial enterprises, price level, wages, employment, output, investment, indebtedness to banks, order-book level, stocks of finished products, capacity utilization rate, financial situation, production restrictive factors.

JEL-codes: D22, D24, G31, L23, P23.

Агросектор

ЦЕНА НА КАРТОФЕЛЬ: ФАКТОРЫ РОСТА И СПОСОБЫ СНИЖЕНИЯ

Д. С. ТЕРНОВСКИЙ
Н. И. ШАГАЙДА

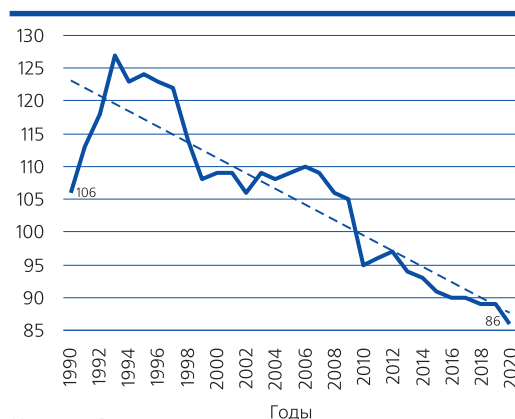
С конца 2020 г. в России резко выросла цена на картофель. Рост связан со структурными изменениями в производстве и с высоким уровнем мировых цен на продукты растениеводства, конкурирующие с картофелем за посевные площади. Увеличение стоимости в конце зимы – начале лета объяснялось завозом молодого картофеля, цена которого всегда отличается от цен прошлого урожая и зависит, в том числе, от курса рубля.

Ключевые слова: картофель, цена на картофель, урожайность картофеля, посевные площади под картофелем, рентабельность производства картофеля.

JEL: Q18, Q11, D12, D13.

Потребление картофеля в России начиная с 1990-х годов имело тенденцию к снижению, а в 2020 г. – год начала пандемии – оно было особенно заметным. (См. рис. 1.) Бюджетные обследования домохозяйств в 2020 г. выявили средний уровень его потребления – 59,9 кг на человека (на 30% меньше балансовых расчетных показателей).

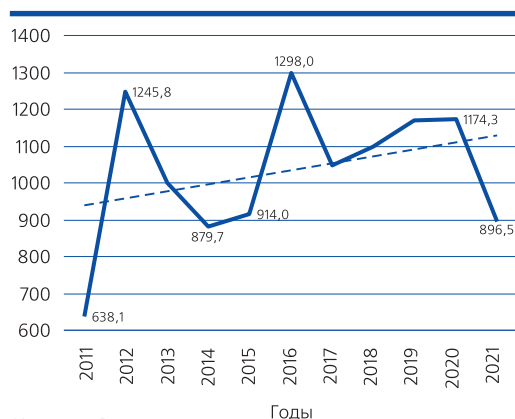
Рис. 1. Годовое потребление картофеля на душу населения в РФ в 1990–2020 гг., кг

Источник: Росстат.

Покупательная способность по картофелю – количество килограммов, которое можно купить на среднедушевые доходы, – в 2020 г. была выше показателя 2019 г., а в 2021 г. – уже существенно ниже, чем в 2019 г. (См. рис. 2.) Отметим, что еще более низкие значения были зафиксированы в 2011 и 2014 гг.

Рис. 2. Покупательная способность среднедушевых денежных доходов в 2011–2021 гг., кг картофеля на среднедушевые доходы в месяц (в среднем за 9 месяцев)

Источник: Росстат.

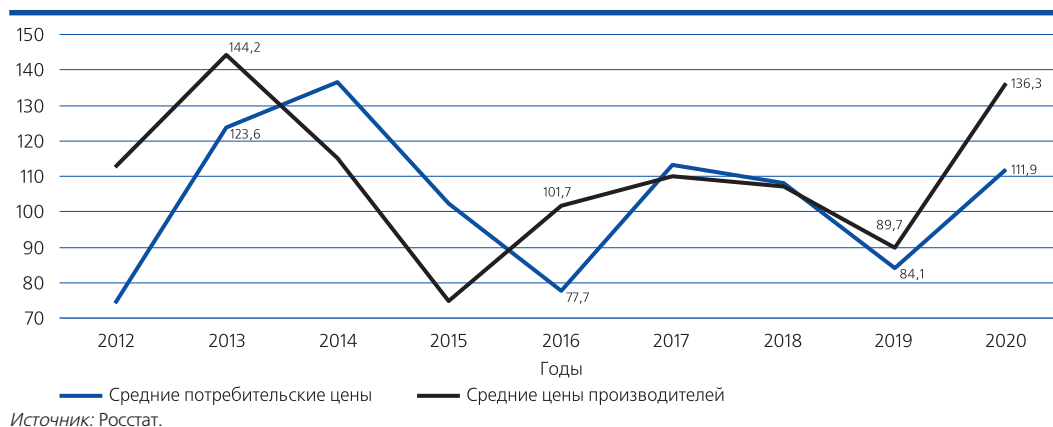
Терновский Денис Сергеевич, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д-р экон. наук, доцент (Москва), e-mail: ternovskiy-ds@ganepa.ru; Шагайда Наталья Ивановна, заведующий лабораторией аграрной политики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; директор Центра агропродовольственной политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д-р экон. наук, доцент (Москва), e-mail: shagaida@iep.ru

К концу 2020 г. средняя розничная цена на картофель была на 36% выше, чем годом ранее. (См. рис. 3.) Причем разрыв между ростом цен, по которым производитель продавал картофель и по которым его продавали потребителю, оказался максимальным с 2017 г. Этот рост (в отличие от увеличения цен на пшеницу и подсолнечное масло в тот же период) нельзя связать с продовольственной инфляцией на внешнем рынке. Период с июля 2020 г. по январь 2021 г. – «низкий сезон» импорта, когда в основном потребляется российский картофель. Цены и небольшие объемы

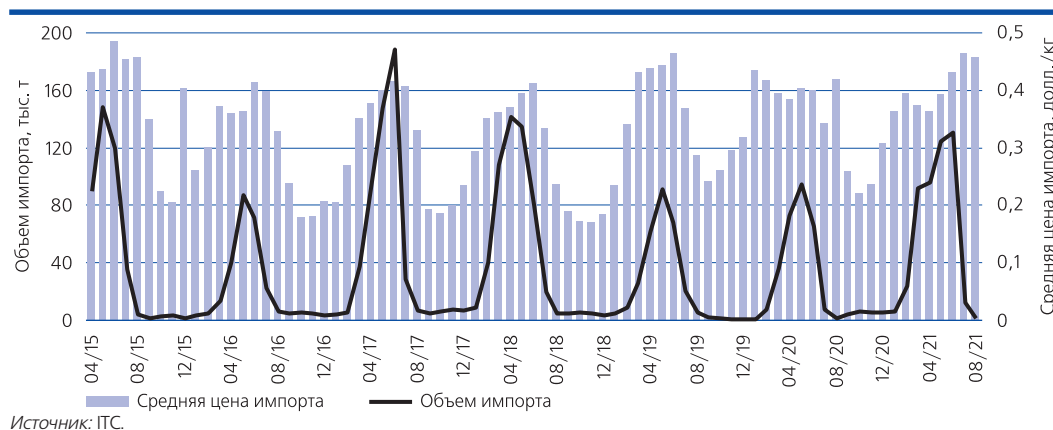
импорта не выходили за пределы многолетних средних значений (см. рис. 4) и не могли столь существенно повлиять на цены. Объемы и цены экспорта картофеля в четвертом квартале 2020 г. были меньше средних значений за предыдущие годы и тоже не могли серьезно влиять на динамику цен.

В 2021 г. ситуация с потребительскими ценами на картофель ухудшилась: к концу октября годовая прирост цены составил 79,6%, что является вторым по значению показателем среди овощей после цен на капусту (96,8%).

Рис. 3. Индексы цен на картофель в РФ в 2012–2020 гг., в % к предыдущему году

Рис. 4. Объемы и цены импорта картофеля в РФ в 2015–2021 гг.

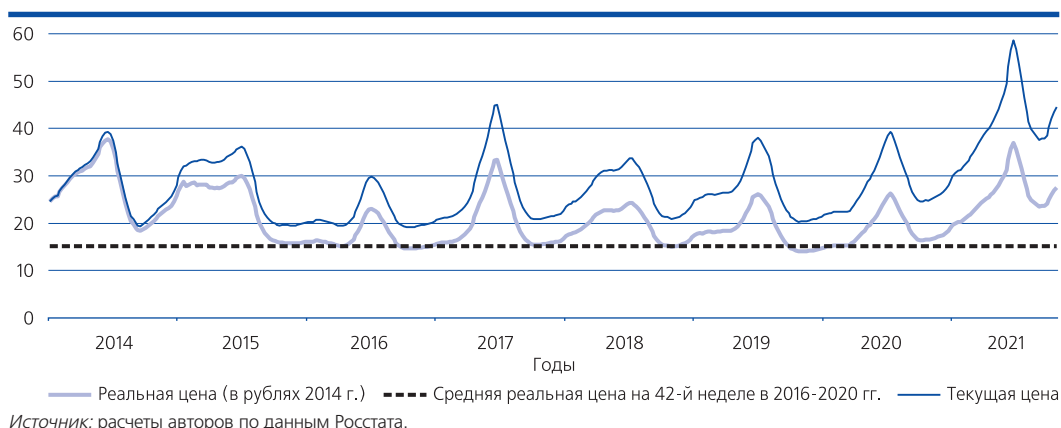
Текущий рост цен значим и при многолетних сопоставлениях. Отклонение цены на картофель в октябре 2021 г. от средней за последние пять лет (в сопоставимых ценах) составляет 82,1%. (См. рис. 5.) Кроме того, картофель является лидером среди овощей по реальной переплате населением за товар — в течение последнего года переплата составила 31,6% по сравнению с пятилетней средней ценой.

Очевидно, что основным источником роста цен на картофель являются внутренние фак-

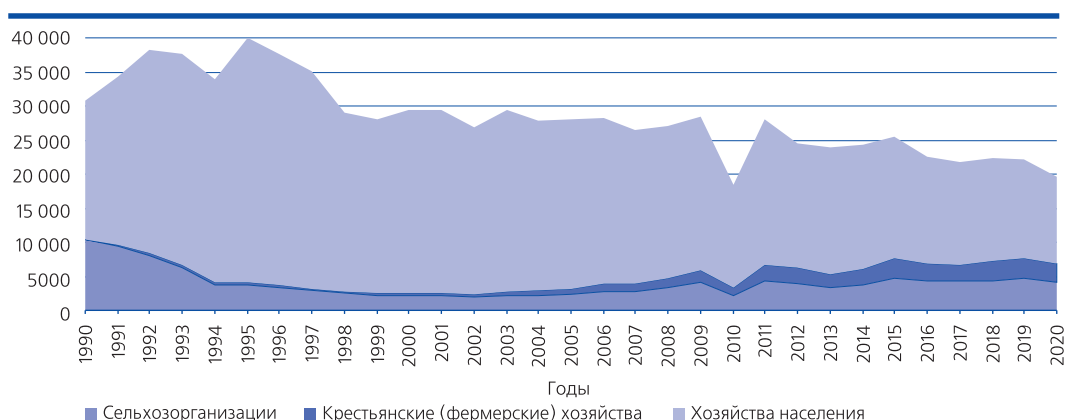
торы, если не учитывать удорожание импортных составляющих (семена, техника), которое не могло так быстро перейти в цену продукта.

За последние два десятилетия (в 2020 г. по сравнению с 2000 г.) производство картофеля в хозяйствах всех категорий сократилось на треть. (См. рис. 6.) Однако это не привело к росту импортозависимости: отношение импорта к внутреннему потреблению в 2020 г. составило 3,6%, а к производству — 3,8%. Тем не менее процесс падения производства про-

Рис. 5. Номинальная и реальная потребительская цена на картофель в РФ в 2014–2021 гг., руб./кг

Рис. 6. Динамика валового сбора картофеля в хозяйствах всех категорий и по категориям хозяйств в 1990–2020 гг., тыс. т

должается, а его скорость возрастает: если за весь указанный период среднегодовой темп прироста производства составил -2,0%, то за последние пять лет отрицательная динамика ускорила до -2,7%.

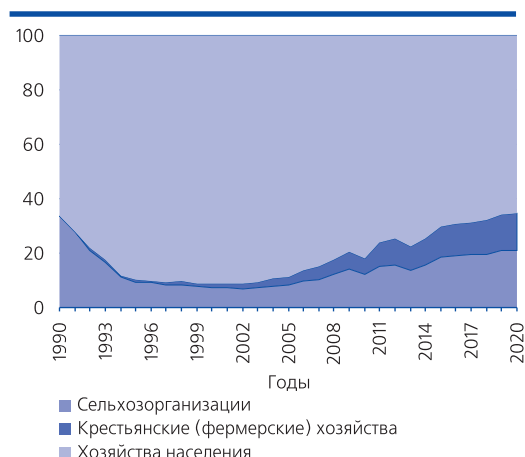
Следует отметить структурные сдвиги в данном сегменте сельхозпроизводства: сокращение доли производства в хозяйствах населения и смещение его в сферу товарного производства – сельхозорганизаций и фермерских хозяйств. Этот процесс как будто экономически обоснован – производство в хозяйствах населения ведется архаичными методами: занимая 76,2% посевных площадей, хозяйства населения обеспечивают лишь 65,2% общего объема производства картофеля, а урожайность в них составляет только 53,3% от урожайности в сельскохозяйственных организациях.

Однако наблюдается определенный парадокс: урожайность картофеля в крестьянских (фермерских) хозяйствах не достигает уровня сельскохозяйственных организаций (80,2%), но их доля как в посевных площадях, так и в валовом сборе картофеля возрастает. Между тем в сельхозорганизациях, где урожайность

самая высокая, объем производства в последние пять лет почти не растет, а в 2020 г. он был минимальным за этот период. (См. рис. 7 и 8.) В результате сокращение производства картофеля в низкотоварном секторе (хозяйствах населения) не компенсируется ростом производства в товарных хозяйствах. Если фермерским хозяйствам сложно встраиваться в торговые сети из-за неспособности обеспечить ритмичные и массовые поставки стандартизированной продукции, то именно сельхозорганизации являются основными поставщиками супермаркетов. На основе их поставок картофеля и формируются розничные цены.

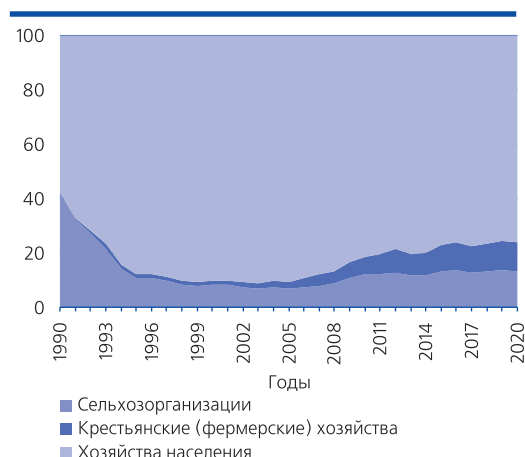
По информации Росстата, в целом в 1995 г. на один купленный килограмм для питания семьи приходилось 4,53 кг картофеля, выращенного в хозяйствах населения, в 2006 г. – 1,39 кг, в 2013 г. – 1,05 кг, в 2015 г. – 0,94 кг, а в 2018 г. (последнем, за который есть данные) – 0,9 кг. Если учитывать общий тренд сокращения производства в хозяйствах населения, то натуральные поступления в 2020 г. были еще меньше (производство картофеля с 1995 по 2020 гг. в хозяйствах населения сократилось с 35,8 до 12,8 млн т). Только в 2021 г. Росстат и

Рис. 7. Структура валового сбора картофеля в 1990–2020 гг., в %

Источник: Росстат.

Рис. 8. Структура посевных площадей под картофелем в 1990–2020 гг., в %

Источник: Росстат.

мониторинговые опросы РАНХиГС по продовольственной безопасности зафиксировали разворот в тренде сокращения производства картофеля в хозяйствах населения — оно стало расти. Однако его расширение имеет очевидные ограничительные факторы: старение населения, отсутствие соответствующего трудового навыка у молодых, сокращение номинально и реально проживающих на селе сельских жителей, проблемы с реализацией выращенного картофеля.

Рост производства картофеля в сельскохозяйственных организациях сдерживается тем, что они обладают большими возможностями в изменении структуры производства в зависимости от уровня рентабельности продукции. Сравнение рентабельности основных культур показывает, что по картофелю и овощам она меньше, чем по масличным, зерну и даже свекле. (См. таблицу.) В среднем за период 2014–2018 гг. рентабельность производства картофеля составила 75% от рентабельности производства зерна, 37% — подсолнечника, 50% — сахарной свеклы, превысив лишь рентабельность производства овощей открытого грунта — 155%. Фермеры располагают меньшей свободой в выборе культур, у них меньше техни-

ки и возможностей ее сменить. Если они получили грант или субсидию и сформировали картофельные или овощеводческие хозяйства, то будут производить картофель даже тогда, когда выгоднее производить зерно.

При этом картофель российского производства является конкурентным по цене — это видно по номинальному коэффициенту защиты NPC (соотношение цен на мировом рынке и на пороге российской фермы): с момента девальвации рубля в 2014–2015 гг. он неизменен и равен 1. Таким образом, отсутствуют возможности как для снижения внутренних цен за счет расширения импорта, так и повышения рентабельности производства за счет экспорта по более высоким ценам.

Можно сформулировать следующие выводы:

1. Рост потребительских цен на картофель в 2020–2021 гг. связан со структурными изменениями в данном сегменте сельхозпроизводства — сокращением производства картофеля в хозяйствах населения, слабо реагирующих на конъюнктуру рынка, и увеличением роли рыночно ориентированных производителей.

2. Сельскохозяйственные организации и крестьянские (фермерские) хозяйства не за-

Рентабельность производства основных культур в сельскохозяйственных организациях в 2014–2018 гг., в %

Год	Зерно (включая кукурузу)	Семена подсолнечника	Сахарная свекла	Картофель	Овощи открытого грунта
Без учета субсидий из бюджета					
2014	24,3	48,6	38,6	34,9	17,8
2015	39,5	90,9	78,9	23,9	26,6
2016	32,8	70,5	56,2	4,7	7,4
2017	18,6	42,0	13,2	19,8	4,1
2018	25,6	33,2	27,6	22,9	12,6
С учетом субсидий из бюджета					
2014	30,5	52,8	40,5	38,2	19,5
2015	44,9	94,1	80,9	26,9	29,1
2016	37,0	73,1	58,1	5,8	9,0
2017	21,4	42,2	13,4	22,3	7,5
2018	29,0	33,3	27,8	26,9	16,6

Источник: Росстат.

мешают сокращение производства картофеля в хозяйствах населения.

3. При текущем высоком уровне мировых цен на сельскохозяйственную продукцию, которые стимулируют производство в первую очередь экспортно ориентированных (зерновых, масличных) и импортозамещающих (сахарная свекла) культур, рост производства картофеля возможен за счет увеличения посевных площадей в фермерских хозяйствах, где ограничен выбор культур для производства, конкурирующих за землю с картофелем. Рост производства картофеля в хозяйствах населения возможен (при продолжении падения доходов в домохозяйствах), но ограничен (ввиду старения населения, утраты навыков

производства новыми поколениями сельского населения).

4. Чтобы простимулировать развитие картофелеводческих хозяйств, необходимо сместить фокус государственных субсидий на производителей продуктов, которые конкурентны по цене на мировом рынке, но пока ориентированы на внутренний. В первую очередь — на специализированные фермерские хозяйства; поддержку строительства овощехранилищ для малых производителей; снижение административного бремени для облегчения ведения микро- и малого предпринимательства; содействие разработкам в области селекции и семеноводства в целях удешевления современных сортовых семян для картофеле- и овощеводства. ■

Potato Price: Growth Factors and Ways to Reduce

Denis S. Ternovskiy – Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia). E-mail: ternovskiy-ds@ranepa.ru

Natalia I. Shagaida – Director of Center for Agro-Food Policy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of Agricultural Policy Department of the Gaidar Institute for Economic Policy, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia). E-mail: shagaida@iep.ru

Since the end of 2020, the price of potatoes has sharply increased in Russia. The growth is associated with structural changes in production and a high level of world prices for crop products competing with potatoes for acreage. The increase in the cost in late winter and early summer is associated with the import of new potatoes, the price of which always differs from the prices of the last harvest and depends, among other things, on the ruble exchange rate.

Key words: potatoes, price for potatoes, potatoes output, potato acreage, profitability of potato production.

JEL-codes: Q18, Q11, D12, D13.

Финансовый сектор

ДЕПОЗИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В ЯНВАРЕ-АВГУСТЕ 2021 г.

С. А. ЗУБОВ

Замедление темпов прироста объемов депозитов физических лиц в рассматриваемый период было обусловлено политикой низких ставок Банка России в 2020 г. и введением налога с процентов по вкладам физических лиц, вступившего силу в 2021 г. Повышение ключевой ставки Банка России способствовало увеличению банковских ставок по депозитам и позволило снизить темпы оттока средств со срочных депозитных счетов. Невысокий уровень процентных ставок по вкладам будет способствовать постепенному перераспределению ресурсов клиентов — физических лиц, что выразится в росте популярности накопительных счетов и в дальнейшем продвижении банковских продуктов, связанных с инвестициями на фондовом рынке.

Ключевые слова: российский банковский сектор, депозиты физических лиц, счета эскроу физических лиц, Агентство по страхованию вкладов, Банк России.

JEL: D81, E58, G21.

Средства физических лиц¹ по-прежнему остаются одним из наиболее значимых для банков ресурсов: на 1 сентября 2021 г. они составили 28,8% от объема банковских пассивов (для сравнения: средства корпоративных клиентов — 31,5%, средства банков — 9,8%, государственные средства — 7,9%, кредиты от Банка России — 2,3%). Доля собственного капитала составила 10,1%.

Общий объем депозитов физических лиц на 1 сентября 2021 г. достиг 32,7 трлн руб., практически не изменившись с начала года; падение показателя за первые восемь месяцев года в абсолютном выражении составило 159,4 млрд руб., или 0,5% (на 1 сентября 2020 г. за аналогичный период зафиксирован его прирост на 1,7 трлн руб., или на 5,5%).

Средства в рублях за исследуемый период составили 25,9 трлн руб. — за январь-август текущего года зафиксировано их сокращение на 0,7% (за аналогичный период предыдущего года — прирост на 4%). Валютные депозиты

составили 6,8 трлн руб. (прирост на 0,3% с начала 2021 г., год назад — прирост на 11,4%, обусловленный падением курса рубля). Несмотря на крайне низкие процентные ставки по валютным вкладам, уровень долларизации² остается прежним — на 1 сентября 2021 г. доля валютных вкладов в общем объеме средств физических лиц составила 20,9% (на соответствующую дату прошлого года — 20,6%). Стабильность валютных вкладов объясняется двумя основными факторами: относительной стабильностью курса рубля и, как следствие, нулевой валютной переоценкой³ остатков на депозитных счетах физических лиц, а также ростом инфляционных ожиданий населения, сдерживающим переток валютных вкладов на рублевые счета.

Существенный прирост зафиксирован по показателю счетов эскроу физических лиц по договорам участия в долевом строительстве: за первые восемь месяцев 2021 г. прирост здесь составил 1323,6 млрд руб., или 112,8%. Увели-

Зубов Сергей Александрович, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук, доцент (Москва), e-mail: zubov@ier.ru

¹ Включая вклады и средства на счетах.

² Учитываются все вклады в иностранных валютах.

³ Пересчет остатков на депозитных счетах физических лиц в валюте в рублевый эквивалент при составлении бухгалтерской отчетности.

чение данного показателя в значительной степени связано с растущей популярностью ипотеки и продлением государственной поддержки льготного ипотечного кредитования.

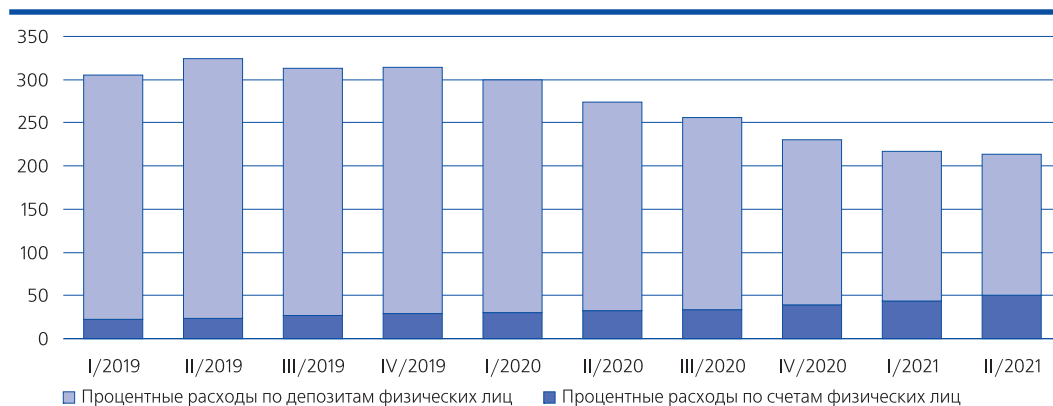
По данным Агентства по страхованию вкладов⁴, средний размер вклада, размещенного в одном банке, составил, по состоянию на 1 апреля текущего года, 283 тыс. руб. (без учета вкладов менее 1 тыс. руб.). Средний размер средств вкладчиков на счетах эскроу составил 5,2 млн руб.

Привлеченные средства физических лиц – нерезидентов на 1 сентября текущего года составили 522,3 млрд руб., сократившись с начала года на 6,4%. При этом средства на счетах (счета, используемые для расчетов) выросли за тот же период на 6,3%, в то время как депозиты (сберегательные счета, приносящие процентную прибыль) уменьшились на 20,6%.

Сокращается и число сберегательных сертификатов: с начала года их стоимостной объем упал на 52,9% – до уровня 5,7 млрд руб. Данный финансовый инструмент практически потерял какую-либо привлекательность из-за введенных ограничений по оборотоспособности⁵.

Временная структура вкладов не претерпела за исследуемый период серьезных изменений: как и годом ранее, наибольшим спросом пользовались средства на счетах (38,5% от общего объема вкладов), прирост которых за восемь месяцев текущего года составил 8,2%. К данной категории относятся накопительные счета, преимущества которых состоят в относительно высоких процентных ставках (соответствующих срочным депозитам) и возможности гибкого управления счетом (количество транзакций в виде пополнения и снятий при отсутствии или невысоком уровне неснижаемого остатка практически не ограничено). На долю долгосрочных вкладов сроком свыше 1 года пришлось 34,4%; их сокращение за период с начала года составило 4,8%. По этим вкладам банки иногда предлагали относительно привлекательные процентные ставки, тем самым обеспечивая стабильность ресурсной базы при невысокой стоимости фондирования. (На рисунке видно, как в течение последних лет уменьшались процентные расходы банков и вместе с тем росла доля процентных расходов по счетам физических лиц.)

Динамика процентных расходов банков по счетам и депозитам населения в 2019–2021 гг., млрд руб.

Источник: Отчет о финансовых результатах (форма № 102) за период с 1 апреля 2019 г. по 1 июля 2021 г. / Банк России.
URL: http://www.cbr.ru/banking_sector/otchetnost-kreditnykh-organizacij/; расчеты автора.

⁴ URL: <https://www.asv.org.ru/news/448165>

⁵ Поправки в Гражданский кодекс (Федеральный закон № 212-ФЗ от 26.07.2017 г.) запрещают продажу ценных бумаг на предъявителя с 01.06.2018 г.

Сокращение общего числа кредитных организаций приводит к наступлению страховых случаев на рынке банковских депозитов – Агентство по страхованию вкладов (АСВ) за первые девять месяцев 2021 г. выплатило страховое возмещение 150,4 тыс. вкладчиков на общую сумму 51,6 млрд руб. Страховые случаи за этот же период наступили в отношении 21 банка – участника системы страхования вкладов. Выплаты возмещения Агентством начинались на шестой-седьмой рабочий день после страхового случая. Действующие лимиты страхового возмещения обеспечили 98% вкладчиков банков возможность полностью вернуть свои средства за счет Фонда обязательного страхования вкладов⁶.

В соответствии с решением Совета директоров АСВ от 27.04.2021 г. начиная с третьего квартала 2021 г. базовая ставка страховых взносов банков в Фонд обязательного страхования вкладов (ФОСВ) повышается с 0,1 до 0,12% расчетной базы⁷. Размер дополнительной и повышенной дополнительной ставок страховых взносов сохраняется на прежнем уровне – 25 и 300% базовой ставки соответственно. Весной 2020 г. по решению Совета директоров АСВ ставки страховых взносов банков в ФОСВ, начиная с первого квартала 2020 г., были снижены для увеличения возможности банковской системы по реструктуризации кредитов населению и поддержке кредитования экономики (базовая ставка – с 0,15 до 0,1% расчетной базы, дополнительная ставка – с 50 до 25% базовой ставки, повышенная дополнительная ставка – с 500 до 300% базовой ставки). Учитывая незначительное повышение базовой ставки, данное решение кардинально не повлияет на уровень банковских ставок по депозитам.

Существенного изменения ситуации на рынке вкладов при отсутствии внешних шоков не предвидится. По итогам августа 2021 г. средневзвешенная ставка банков по вкладам

граждан срочностью до 1 года составила 3,86% годовых, что на 0,48 п.п. выше, чем в конце 2020 г. Средняя ставка по депозитам на сроки больше года повысилась до 5,8% годовых (плюс 1,63 п.п. к декабрю 2020 г.). Наметившийся рост банковских процентных ставок, связанный с повышением ключевой ставки, возможно, приостановит отток средств с депозитных счетов физлиц, однако в ближайшее время их реальная доходность с учетом ожидаемой инфляции⁸ будет близка к нулю или останется в отрицательной зоне.

В краткосрочной перспективе возможен небольшой рост номинальной доходности по вкладам, который позволит сбалансировать переток средств со срочных депозитов на накопительные счета. В этих условиях кредитные организации получают возможность стабилизировать структуру своей ресурсной базы, а также снизить процентные риски и риски ликвидности.

В целом банковская политика в отношении вкладов населения останется неизменной: невысокие процентные ставки по депозитам физических лиц будут совмещаться с активным продвижением инвестиционных сервисов, таких как: доверительное управление средствами клиента (например, вложения в паевые инвестиционные фонды); брокерское обслуживание (самостоятельное совершение клиентами операций купли-продажи различных финансовых инструментов на российском фондовом рынке и на зарубежных площадках); а также различные структурные (комплексные) продукты, состоящие из комбинации разных финансовых инструментов (например, сочетание депозита, страхования и инвестиций в ценные бумаги).

С одной стороны, консерватизм населения в форме приверженности традиционным продуктам будет способствовать поддержанию высоких объемов средств на банковских депозитах и счетах, что позволит банкам про-

⁶ URL: <https://www.asv.org.ru/news/493284>

⁷ URL: <https://www.asv.org.ru/news/422669>

⁸ URL: <https://www.interfax.ru/business/796591>

должить оптимизацию процентных расходов и увеличивать прибыль. С другой стороны, постепенный переход к инвестиционным банковским продуктам (ПИФы, индивидуальные инвестиционные счета, брокерские счета и др.) предоставит банкам возможность диверсифицировать рыночные риски и вместе с тем наращивать комиссионные доходы по торговым посредническим операциям.

Еще одной задачей банковского менеджмента станет восстановление доверия клиентов к структурным продуктам, разработанным в предыдущие годы: при повышении уровня их прозрачности банки смогут возобновить предложения по инвестиционному (ИСЖ)⁹ и накопительному (НСЖ)¹⁰ страхованию жизни, способствуя повышению долгосрочности своей ресурсной базы. ■

Retail Deposits in January-August 2021

Sergey A. Zubov – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia). E-mail: zubov@iep.ru

The slowdown in the growth rate of retail deposits is due to the policy of low rates of the Central Bank of the Russian Federation in 2020 and the introduction of a tax on interest on retail deposits, which came into force in 2021. The increase in the key rate of the Bank of Russia contributed to an increase in bank deposit rates and allowed to reduce the rate of outflow of funds from fixed deposit accounts. The low level of interest rates on deposits will contribute to the gradual redistribution of retail resources, which will result in an increase in popularity of savings accounts and further promotion of banking products related to investments in the stock market.

Key words: Russian banking sector, retail deposits, retail escrow accounts, Deposits Insurance Agency, Bank of Russia.

JEL-codes: D81, E58, G21.

⁹ Смешанный инвестиционно-страховой продукт – сочетание страхования жизни клиента и вложений в акции и облигации российских эмитентов.

¹⁰ Долгосрочная программа вложений, которая совмещает в себе два инструмента: страховую защиту и накопление денег.

ПРИБЫЛЬНОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ РОССИЙСКИХ БАНКОВ ПОСЛЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

К. Д. ШИЛОВ
А. В. ЗУБАРЕВ

Пандемия COVID-19 значительным образом повлияла на деятельность российского банковского сектора. Крупные банки смогли не только избежать серьезных финансовых потерь в 2020 г., но и выйти на докризисные уровни рентабельности собственного капитала по итогу за первое полугодие 2021 г. В основном это произошло за счет увеличения операционной эффективности и активного розничного кредитования. Показатели более мелких банков (за пределами первой двадцатки по размеру активов) восстанавливаются сравнительно медленнее, а выручка и прибыль таких банков демонстрируют тенденцию к стагнации или снижению. Все это является свидетельством усугубления проблемы концентрации российского банковского сектора.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Ключевые слова: российская банковская система, рентабельность, эффективность.

JEL: G21, G28, E58, M41.

Введение

Глобальная пандемия и падение спроса и доходов привели к тому, что банки были вынуждены действовать в новых условиях – удаленной работы, шаткой экономической ситуации, роста кредитных и рыночных рисков. Банковский сектор в целом оказался довольно устойчивым к последним и смог продемонстрировать лишь незначительное падение прибыли по сравнению с 2019 г., составившее всего 5% [1], однако это совокупный результат по всей банковской системе, тогда как ситуация на уровне конкретных банков значительно от него отличается.

В настоящей работе мы анализируем, какие результаты демонстрировали различные группы банков сквозь призму показателя рентабельности собственного капитала (*Return on Equity – ROE*), отражающего эффективность использования собственного капитала и являющегося одним из основных показателей прибыльности банка. Мы используем метод Дюпона для декомпозиции *ROE* на составляющие компоненты: показатель финансового левериджа (*Equity Multiplier – EM*) и рентабель-

ность активов (*Return on Assets – ROA*). Последний также можно представить как произведение показателей рентабельности по чистой прибыли (*Profit Margin – PM*) и использования (оборачиваемости) активов (*Asset Utilization – AU*). Для оценки общей прибыльности банков относительно некоторого бенчмарка мы также проводим сравнение *ROE* российских кредитных организаций и доходности портфеля коротких ОФЗ.

Из результатов нашего анализа следует ряд тенденций, наметившихся в российском банковском секторе в последние годы. В совокупности банки показывают уверенные темпы роста активов, прибыли на капитал и рентабельности, однако все это происходит лишь за счет крупнейших банков, которые в наибольшей степени смогли воспользоваться мерами поддержки регулятора. Средние и мелкие банки в своем большинстве до сих пор не вышли на докризисные уровни по данным показателям, а их активы и выручка стагнируют. Таким образом, наблюдается усугубление проблемы концентрации банковского сектора.

Шилов Кирилл Дмитриевич, научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: shilov-ka@ranepa.ru; Зубарев Андрей Витальевич, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: zubarev@ranepa.ru

Метод и данные

Модель Дюпона (по названию американской компании DuPont, в которой была разработана данная модель) является дескриптивным методом анализа финансового состояния и операционной эффективности компании. Модель применяется для оценки как нефинансовых компаний [5], так и кредитных организаций [2].

Суть модели, согласно приведенной ниже формуле, заключается в декомпозиции показателя рентабельности капитала (*ROE*) на компоненты, совместный анализ которых помогает лучше понять текущую ситуацию в банке:

$$ROE = ROA \times EM = PM \times AU \times EM = \frac{net\_profit}{revenue} \times \frac{revenue}{assets} \times \frac{assets}{equity} = \frac{net\_profit}{equity}$$

ROE рассчитывается как отношение чистой прибыли (*net_profit*) к капиталу (*equity*) и характеризует, насколько банк прибылен в размещении собственных средств. *ROE* является основным показателем деятельности банка как с точки зрения акционеров (в отличие от прибыли на акцию — *EPS*, являющейся основным показателем для инвесторов в нефинансовые организации), так и с точки зрения менеджеров, у которых к выполнению целевых показателей по *ROE* привязаны премии [4].

Рентабельность капитала в первом приближении можно разложить на два других показателя: рентабельность активов (*Return on Assets* — *ROA*) и финансовый рычаг, левверидж (*Equity Multiplier* — *EM*). *ROA* определяется как отношение чистой прибыли к активам (*assets*), демонстрирует, какой процент прибыли генерируется на 1 рубль активов, и в целом отражает эффективность размещения средств в активах. *EM* рассчитывается как отношение активов к капиталу и показывает, сколько активов приходится на 1 рубль собственного капитала, т.е. уровень кредитного плеча банка. Следовательно, даже при не самых высоких уровнях рентабельности активов банк может генерировать высокий уровень прибыли относи-

тельно акционерного капитала благодаря увеличению объема заемных средств. Декомпозиция *ROE* на *ROA* и *EM* помогает ответить на вопрос, за счет чего на самом деле банк оказывается прибыльным — за счет общей эффективности использования активов или за счет высокого леввериджа. Если же основным источником доходности собственного капитала выступает именно финансовый рычаг, то, при прочих равных, такой банк является более рискованным, поскольку его «подушка безопасности», т.е. собственный капитал, может оказаться «недостаточной» в случае, например, роста кредитных рисков и необходимости выделять под них резервы.

Показатель *ROA* также можно разложить на два показателя: коэффициент прибыльности, или рентабельность продаж (*Profit Margin* — *PM*), и коэффициент использования/оборотности активов (*Asset Utilization* — *AU*). *PM* рассчитывается как отношение прибыли к операционным доходам банка (выручке), показывает, сколько прибыли приходится на 1 рубль выручки, и характеризует эффективность банка с точки зрения расходов: чем выше *PM*, тем меньшая доля выручки идет на оплату расходов и тем большая — в прибыль. Показатель *AU* представляет собой отношение выручки к активам и демонстрирует, сколько выручки банк генерирует на 1 рубль активов. Таким образом, декомпозиция *ROA* на *PM* и *AU* позволяет оценить, за счет чего в большей степени достигается тот или иной уровень рентабельности активов — оптимальной структуры расходов (высокий *PM*) или экстенсивного использования активов (высокий *AU*).

В соответствии с данной методикой анализа сравнительно более эффективными банками являются те, у которых более высокие значения *ROA* и *PM*.

Для расчета всех необходимых коэффициентов требуются четыре показателя из отчетности банков: два из баланса — активы и капитал и два из отчета о финансовых результатах — операционные доходы (выручка) и прибыль. Мы сконструировали данные показатели на ос-

нове официальных данных Банка России по формам 101 и 102¹ за период с 2014-го по июль 2021 г. Счета второго порядка из формы 101 (баланс) были агрегированы по методике сайта КУАП.РУ², после чего были взяты показатели совокупной суммы активов за вычетом резервов и балансового капитала. В качестве показателя чистой прибыли используется прибыль/убыток после налогообложения (коды 61101 и 61102 из формы 102). Для определения показателя операционных доходов, в соответствии с методикой группировки кодов формы 102 (отчет о финансовых результатах) того же сайта КУАП.РУ³, были рассчитаны показатели процентных и комиссионных доходов, чистых доходов по операциям с ценными бумагами (в том числе с деривативами), иностранными валютами и драгоценными металлами, доходы от инвестиций в другие компании, прочие доходы. Сумма данных показателей используется как мера операционного дохода (выручки) банка.

Показатели из баланса (активы и капитал) в каждый момент времени по каждому банку взяты как среднее за предшествующий год (за 12 месяцев, так как данные формы 101 приведены в месячном выражении). Данные в форме 102 приводятся по состоянию на конец квартала нарастающим итогом с начала каждого календарного года. Мы перевели эти данные в квартальное выражение⁴ и в каждый момент времени для каждого банка берем сумму за предшествующий год (четыре предыдущих квартала). Таким образом, все рассчитываемые коэффициенты имеют годовое выражение.

Из выборки были исключены все небанковские кредитные организации, а также банки, не раскрывающие в полном объеме информацию по формам 101 и 102 в соответствии со статьей 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»⁵. Более того, в каждый момент времени исключались банки, находившиеся в процессе финансового оздоровления, санирования или прямой подотчетности Банку России⁶.

Мы рассматриваем банки в сгруппированном виде по размеру активов в каждый момент времени⁷. Группировка осуществляется в соответствии с типовой классификацией банков по размеру активов, используемой Банком России в своих аналитических и статистических материалах⁸, — первые 5 банков по размеру активов, с 6-го по 10-й, с 11-го по 20-й, с 21-го по 50-й, с 51-го по 100-й и со 101-го.

В контексте эффективности банков интересным также представляется оценить, насколько высока доходность собственного капитала российских банков относительно некоторого бенчмарка. В работе Бегено и Стаффорда [3] авторы анализируют эффективность американских банков посредством сравнения доходности банков с рыночным портфелем ценных бумаг, реплицирующих временную структуру активов банков с учетом и без возможностей финансового рычага. Иными словами, авторы составляют рыночные портфели, которые, некоторым образом, «похожи» на балансы банков, и приходят к выводу, что у таких портфелей — более высокие уровни доходности и низкие риски, чем у самих американских коммерческих банков.

¹ URL: https://www.cbr.ru/banking_sector/otchetnost-kreditnykh-organizacij

² URL: <https://kuap.ru/methodics/>

³ URL: <http://kuap.ru/methodics/income/>

⁴ Когда каждому показателю соответствует его результат по итогу за прошедший квартал, а не нарастающим итогом с начала года.

⁵ Среди таких банков, например, Промсвязьбанк и Тимер банк.

⁶ Например, «ФК "Открытие"» после вывода из банка временной администрации.

⁷ Ввиду исключения из выборки кредитных организаций, находящихся на санации, некоторые банки окажутся в более высокой группе по размеру активов, так как сортировка по размеру активов производится без учета saniруемых организаций.

⁸ Например, в «Статистических показателях банковского сектора Российской Федерации». URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/review/

В настоящей работе мы не будем реплицировать временную структуру активов и пассивов российских банков, а просто сравним доходности их собственного капитала (*ROE*) с доходностью некоторого ориентира (бенчмарка). В качестве такого бенчмарка в данной работе мы используем индекс (портфель) «коротких» государственных облигаций (ОФЗ) с дюрацией менее 1 года⁹. Доходность государственных облигаций представляет собой национальную безрисковую ставку – а значит, любой вновь открывшийся банк, имеющий на своем балансе в пассивах лишь собственный капитал, может разместить его в ОФЗ и гарантированно получать соответствующую доходность. Любые действия, связанные с привлечением депозитов и размещением их в любые другие активы, сопряжены с рядом рисков (кредитных, ликвидности и проч.), за принятие которых, соответственно, банки должны получать премию. Однако если банк принимает риски и получает *ROE* ниже, чем доходность ОФЗ, то возникает вопрос о целесообразности принятия таких рисков и эффективности выбранной банком бизнес-модели.

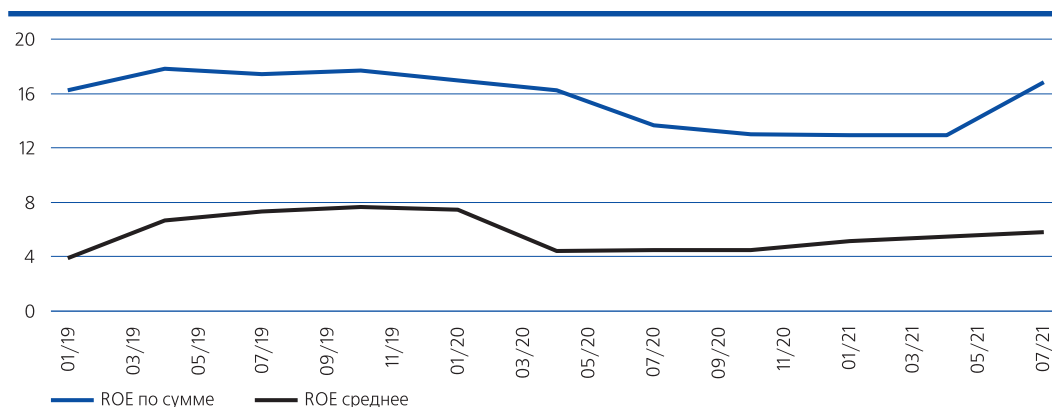
Для сопоставления *ROE*, рассчитываемого в каждый квартал как отношение совокупной прибыли за предшествующие четыре квартала

к среднему размеру балансового капитала за предшествующий год, доходность индекса облигаций мы берем с лагом в один год. Таким образом, мы сравниваем *ROE* по итогу за год с тем, какую доходность получил бы банк, если бы год назад купил портфель «коротких» ОФЗ.

Результаты

Совокупный *ROE* банковского сектора по итогу за первое полугодие 2021 г. составил 16,8%, что практически соответствует уровню конца 2019 г. (16,9%). (См. рис. 1.) В период глобального экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, *ROE* всего сектора упал до 13%. Если же судить о среднем значении *ROE* у всех банков, то к июлю 2021 г. банки продемонстрировали рентабельность капитала в 5,8%, что ниже среднего показателя 2019 г. в размере 7,5%. (См. табл. 1.) В 2020 г. средний *ROE* банковского сектора опускался до минимальной отметки в 4,39%. Восстановление совокупной прибыльности банковского сектора наблюдается в основном за счет крупнейших 20 банков по размеру активов – *ROE* почти всех таких банков к середине 2021 г. достиг уровня середины 2019 г. как в совокупном, так и в среднем выражении.

Рис. 1. Динамика *ROE* – в сумме по всем банкам и в среднем (на начало месяца), в %

Источник: расчеты авторов по данным Банка России.

⁹ Доходности индекса RUGBITRIY взяты с сайта Московской биржи. URL: <https://www.moex.com/ru/index/RUGBITRIY>

Коэффициент *ROE*, как мы отмечали ранее, представляет собой произведение финансового левериджа *EM* и рентабельности *ROA*. И уровень левериджа всей банковской системы в рассматриваемый период был довольно стабильным — отношение активов к балансовому капиталу находилось в районе отметки 8 на всем рассматриваемом горизонте. (См. табл. 2.) В 2020 г. банки первой сотни преимущественно сократили леверидж (кроме банков из второй пятерки) за счет увеличения капитала в ответ на рост риска в связи с пандемией коронавируса. Это оказалось возможным, в том числе, и благодаря стабилизационным мерам Банка России, которые позволили банкам не применять надбавки к коэффициентам риска по кредитам ряду групп заемщиков, — в противном случае пе-

реоценка риска по таким кредитам вызвала бы доначисление резервов, что могло бы нивелировать весь прирост капитала банков или даже сократить его.

Показатель рентабельности активов *ROA* всего банковского сектора к середине 2021 г. составил 2,08% и практически восстановился до уровня конца 2019 г. (2,15%). (См. рис. 2.) Если же рассматривать показатель в среднем по банкам, то к 1 июля 2021 г. средняя рентабельность активов составляла лишь 1,13% против 1,52% по итогу за 2019 г. Показатель *ROA* по сравнению с 2019 г. вырос только среди банков первой пятерки, в то время как *ROA* прочих банков в среднем упал. (См. табл. 3.) Таким образом, рентабельность активов банков в среднем не восстановилась до предкризисного уровня.

Таблица 1
Средний *ROE* по группам банков, в %

Группа банков по размеру активов	1-е полугодие 2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.
Первые 5	14,9	12,0	12,1	16,1
6–10-й	18,0	13,0	20,5	11,9
11–20-й	16,5	15,7	20,2	15,3
21–50-й	8,1	8,5	13,0	7,1
51–100-й	11,1	9,2	12,6	8,1
101+	3,3	3,1	5,1	2,2
<i>В среднем по всем банкам в рамках каждого периода</i>	<i>5,8</i>	<i>5,1</i>	<i>7,5</i>	<i>3,9</i>
Совокупный <i>ROE</i> всех банков	16,8	12,9	16,9	16,3

Источник: расчеты авторов по данным Банка России.

Таблица 2
Средний коэффициент левериджа *EM* по группам банков

Группа банков по размеру активов	1-е полугодие 2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.
Первые 5	10,87	10,51	11,02	9,19
6–10-й	9,56	9,49	9,05	11,14
11–20-й	9,40	9,20	9,95	8,85
21–50-й	7,06	7,85	8,15	8,87
51–100-й	7,02	6,67	6,82	7,08
101+	5,06	5,13	4,80	5,21
<i>В среднем по всем банкам в рамках каждого периода</i>	<i>5,8</i>	<i>5,9</i>	<i>5,6</i>	<i>5,9</i>
Совокупный <i>EM</i> всех банков	8,1	7,8	7,9	7,8

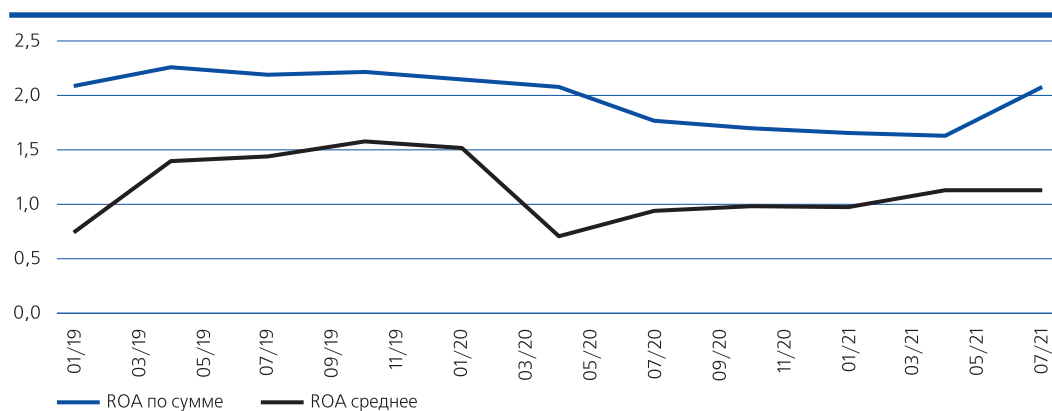
Источник: расчеты авторов по данным Банка России.

В контексте рассмотрения динамики *ROA* также следует обратить внимание на динамику активов банковского сектора. Совокупные активы в 2020 г. не переставали расти (в выражении год к году), однако весь данный рост также приходился по большей части лишь на пять крупнейших банков. (См. рис. 3.) У банков второй пятерки наблюдался значительный рост в первом квартале 2020 г., после чего уровень их активов в целом оставался неизменным. Уверенный рост активов продемонстрировали банки второй десятки, в число которых входят популярные розничные банки, а также кредитные организации, значительно нарастившие свои кредитные портфели за счет

увеличения спроса на ипотечные продукты. По остальным банкам в целом наблюдалось некоторое сокращение объема активов по сравнению с первым кварталом 2020 г.

Далее рассмотрим показатели *PM* и *AU*, произведение которых и дает *ROA*. Во время кризиса рентабельность выручки (*PM*) упала, главным образом вследствие сокращения прибыли банков, однако этот показатель в целом по банковской системе к середине 2021 г. восстановился до предкризисных уровней. И вновь данное восстановление произошло за счет крупнейших 20 банков. (См. табл. 4.) Больше всего выросла средняя маржинальность крупнейших пяти банков – на более чем 30%

Рис. 2. Динамика *ROA* – в сумме по всем банкам и в среднем (на начало месяца), в %

Источник: расчеты авторов по данным Банка России.

**Таблица 3
Средний *ROA* по группам банков, в %**

Группа банков по размеру активов	1-е полугодие 2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.
Первые 5	1,8	1,6	1,4	2,0
6–10-й	2,0	1,4	2,2	1,3
11–20-й	2,0	1,8	2,3	1,9
21–50-й	1,3	1,2	1,9	1,1
51–101-й	1,8	1,5	2,3	1,4
101+	0,9	0,8	1,3	0,5
В среднем по всем банкам в рамках каждого периода	1,1	1,0	1,5	0,7
Совокупный <i>ROA</i> всех банков	2,08	1,7	2,15	2,09

Источник: расчеты авторов по данным Банка России.

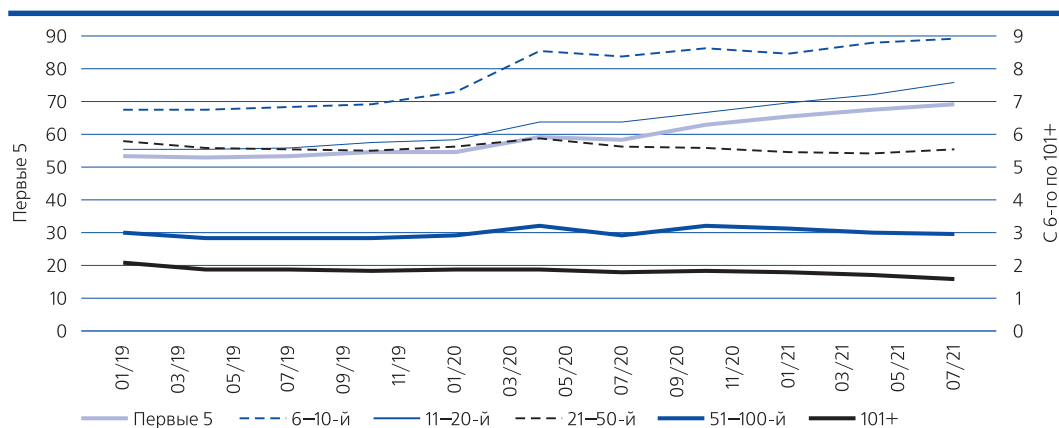
с конца 2019 г. к середине 2021 г. Примечательно, что за аналогичный период почти на столько же (чуть более чем на 30%) упала маржинальность банков – с 21-го по 50-е место по размеру активов, а их средняя маржинальность за пределами первой сотни сократилась вдвое.

Это означает, что крупнейшие банки смогли оптимизировать свою структуру расходов в период пандемии, что положительно сказалось на общей маржинальности сейчас, когда прибыли восстанавливаются. Этот результат ожидаем, так как за счет эффекта масштаба крупнейшие банки легче могут найти финансовые и кадровые ресурсы для антикризисного менеджмента. При этом совокупная выручка

банковского сектора растет, однако лишь за счет увеличения выручки крупнейших банков. (См. рис. 4.) По динамике выручки средних банков (с 21-го по 50-е место по размеру активов) наблюдалась негативная тенденция, но скорее стагнирующая, в то время как выручка остальных банков неуклонно снижалась. Интересно также отметить, что банки второй десятки в совокупности стали зарабатывать столько же, сколько и следующие за ними 30 банков, что свидетельствует о дальнейшей концентрации банковской системы уже на уровне средних банков.

Принимая во внимание рост активов банковского сектора и динамику выручки, пока-

Рис. 3. Совокупные активы групп банков (на начало месяца), трлн руб.

Источник: расчеты авторов по данным Банка России.

Таблица 4
Средний коэффициент рентабельности выручки РМ

Группа банков по размеру активов	1-е полугодие 2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.
Первые 5	20,6	15,2	15,8	17,2
6–10-й	23,5	17,0	21,6	13,9
11–20-й	18,8	15,5	16,6	14,5
21–50-й	10,4	10,4	14,9	6,9
51–100-й	18,4	15,1	18,8	10,9
101+	6,7	5,0	13,9	1,0
<i>В среднем по всем банкам в рамках каждого периода</i>	9,7	7,6	14,8	3,3
Совокупный РМ всех банков	23,1	17,5	21,6	19,4

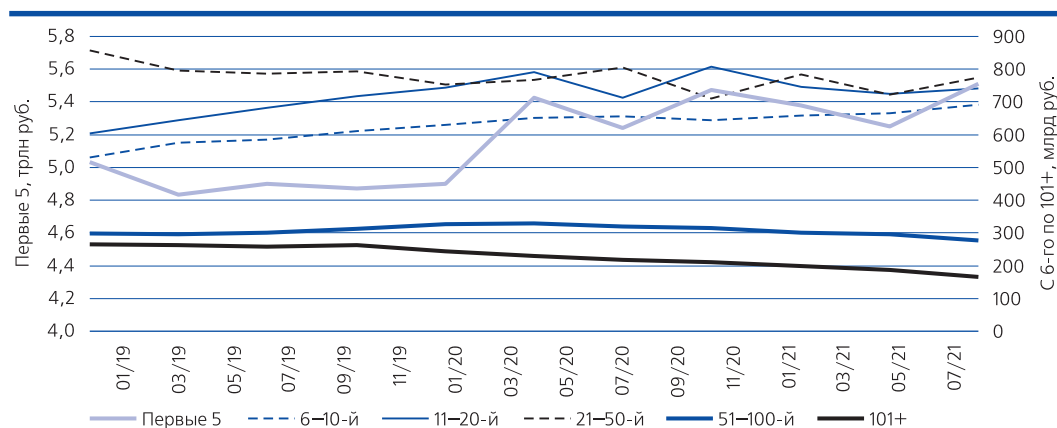
Источник: расчеты авторов по данным Банка России.

затель использования активов (*AU*) также снижается — как в совокупности по всем банкам, так и в среднем внутри каждой группы по размеру. (См. табл. 5.) Меньше всего данный показатель относительно конца 2019 г. снизился у средних банков (группа с 21-го по 50-й) и у пяти крупнейших — на 5 и 6% соответственно. Самое большое падение данного показателя наблюдалось у банков второй десятки и банков за пределами первой сотни (около 27%).

Падение значения *AU* свидетельствует в пользу того факта, что на балансах кредитных организаций происходит аккумуляция

активов, генерирующих сравнительно малый объем выручки. Особенно явно это наблюдается в банках первой двадцатки, у которых на фоне значительного роста активов выручка в среднем растет более медленными темпами. Это происходит, в том числе, за счет осуществляемых Банком России мер финансовой стабилизации: по кредитам, качество которых снизилось из-за глобального кризиса, вызванного пандемией, банки имели право не доначислять резервы. Следовательно, объем чистых соответствующих активов (за вычетом резервов на возможные потери по ссудам) не уменьшился, а только

Рис. 4. Динамика выручки банковского сектора (на начало месяца)

Примечание. Приведены данные скользящей выручки за год.
Источник: расчеты авторов до данным Банка России.

Таблица 5
Средний коэффициент использования активов *AU*, в %

Группа банков по размеру активов	1-е полугодие 2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.
Первые 5	8,3	9,0	8,8	10,2
6-10-й	8,3	8,3	9,8	9,1
11-20-й	10,5	11,9	14,4	13,1
21-50-й	13,3	13,5	13,9	15,2
51-100-й	9,9	10,3	11,5	11,5
101+	11,1	12,4	15,2	14,9
<i>В среднем по всем банкам в рамках каждого периода</i>	<i>11,0</i>	<i>12,1</i>	<i>14,4</i>	<i>14,3</i>
Совокупный <i>AU</i> всех банков	9,0	9,5	9,9	10,8

Источник: расчеты авторов по данным Банка России.

вырос за счет новых корпоративных и розничных (в том числе ипотечных) кредитов. Однако доходы по «плохим» и реструктурированным активам сократились, что и нашло отражение в медленном росте выручки и снижении показателя *AU*.

Рассмотрим теперь результаты сравнения доходности собственного капитала банков с доходностью альтернативной формы инвестиций, в качестве которой мы выбрали доходность краткосрочных ОФЗ. На рис. 5 представлена динамика доли банков с *ROE* ниже, чем доходность краткосрочных ОФЗ, среди крупнейших 20 банков и всех остальных. Из него видно, что по сравнению с 2015–2016 гг. текущий кризис российские банки переносят намного лучше, особенно крупнейшие 20. Тем не менее во время разгара пандемии *ROE* банков упал довольно значительно, что привело к тому, что порядка 60% банков демонстрировали доходность на капитал ниже, чем ОФЗ с дюрацией менее 1 года, против 50% в 2019 г. К началу третьего квартала 2021 г. ситуация улучшилась даже относительно докризисных периодов, однако порядка 45% банков вне первой двадцатки до сих пор зарабатывают меньше по сравнению с доходностью значительно менее рискованных ОФЗ.

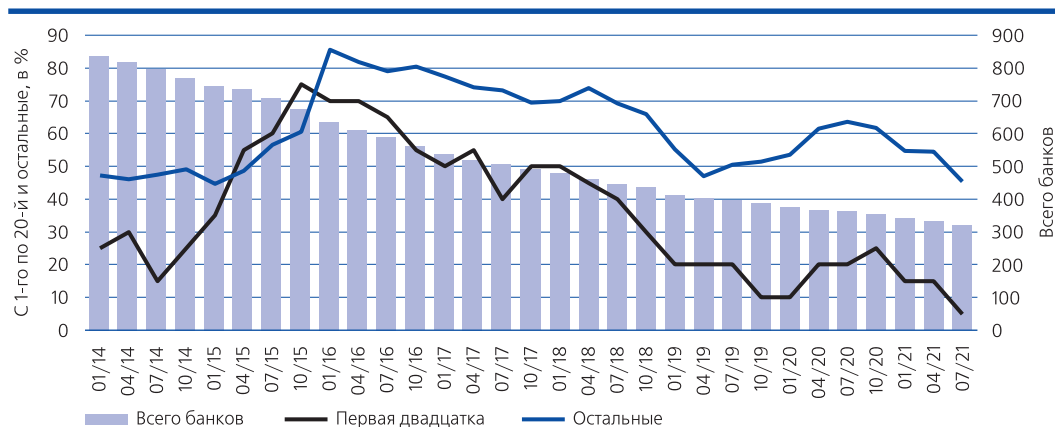
Выводы

Рост маржинальности выручки, т.е. оптимизации совокупных расходов, в целом позволяет ведущим банкам показывать рентабельность активов на докризисном уровне, несмотря на замедление темпов роста выручки и значительный рост активов. Леверидж таких банков также находится на сравнительно высоком уровне, что в совокупности с уровнем *ROA* позволяет генерировать ведущим банкам хорошую доходность на капитал. Количество банков, демонстрирующих *ROE* ниже, чем доходность ОФЗ, постепенно сокращалось на протяжении последних шести лет, причем кратковременное увеличение числа таких банков в 2020 г. не переломило данный тренд. Это указывает на рост эффективности банков, деятельность которых сопряжена с большим риском и, следовательно, требует большей доходности на капитал, нежели риск и доходность суверенного долга.

Можно сказать, что крупным российским банкам в известном смысле повезло, насколько это было возможно, сразу по нескольким направлениям.

С одной стороны, ввод ограничений в связи с пандемией COVID-19 вынудил банки перевести значительную часть сотрудников на

Рис. 5. Доля банков с *ROE* ниже, чем доходность краткосрочных ОФЗ (на начало месяца)

Источник: расчеты авторов по данным Банка России и Московской биржи.

удаленный режим работы и ускорить внедрение соответствующих цифровых решений для обеспечения полноценной работы в новых условиях. В итоге для многих банков, стремящихся к цифровизации, это оказалось успешным опытом, благодаря которому была повышена операционная эффективность, что нашло отражение в росте маржинальности выручки (PM).

С другой стороны, меры поддержки, оказанные регулятором, позволили банкам снизить негативное влияние от повышения кредитных рисков на капитал. Наконец, программа льгот-

ной ипотеки обеспечила рост активов банковского сектора для ведущих банков темпами даже выше докризисных, а также поддержала уровень выручки на фоне кредитных каникул и реструктуризации проблемных займов.

Банки же вне первой двадцатки, в то же самое время, испытывают значительные трудности — их активы стагнируют или падают, растет леверидж, сокращается выручка, рентабельность заметно снижается. Таким образом, можно заключить, что кризис усугубил проблему концентрации российского банковского сектора. ■

Литература

1. Аналитический обзор «Банковский сектор». IV квартал 2020 г. / Банк России, 2021.
2. Синки-мл. Д. Бухгалтерские и экономические модели анализа банковской эффективности и оценки банков // В кн.: Финансовый менеджмент в коммерческом банке и в индустрии финансовых услуг. М.: Альпина Паблишер, 2007. С. 207–250.
3. Begenau J., Stafford E. Do banks have an edge? // SSRN. 2019. No. 3095550.
4. Pennacchi G.G., Santos J.C. Why do banks target ROE? // Journal of Financial Stability. 2021. Vol. 54. No. 100856.
5. Soliman M.T. The Use of DuPont Analysis by Market Participants // The Accounting Review. 2008. Vol. 83. No. 3. Pp. 823–853.

References

1. Analytical report «Banking sector». IV quarter 2020 / Bank of Russia, 2021.
2. Sinkey J.F. Accounting and Economic Models of Bank Value and Performance. // In: Commercial Bank Financial Management. Moscow: Alpina Publisher, 2007. Pp. 207–250.
3. Begenau J., Stafford E. Do banks have an edge? // SSRN. 2019. No. 3095550.
4. Pennacchi G.G., Santos J.C. Why do banks target ROE? // Journal of Financial Stability. 2021. Vol. 54. No. 100856.
5. Soliman M.T. The Use of DuPont Analysis by Market Participants // The Accounting Review. 2008. Vol. 83. No. 3. Pp. 823–853.

Profitability and Efficiency of Russian Banks after Global Crisis

Kirill D. Shilov – Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: shilov-kd@ranepa.ru

Andrey V. Zubarev – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: zubarev@ranepa.ru

The COVID-19 pandemic has significantly affected the performance of the Russian banking sector. Large banks have not only avoided serious financial losses in 2020, but also reached pre-crisis levels of return on equity by the end of 1st half of 2021. This was mainly due to operational efficiency increase and active retail lending. Smaller banks (outside the top twenty in terms of assets size) have been recovering relatively more slowly, and the revenue and profit of such banks shows a tendency of stagnation or even decline. All this speaks in favour of the worsening of the Russian banking sector concentration problem.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Key words: Russian banking system, profitability, efficiency, performance.

JEL-codes: G21, G28, E58, M41.

Рынок труда

РЫНОК ТРУДА И СИСТЕМА ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ДОЛГОСРОЧНЫЕ РИСКИ

Ю. М. ГОРЛИН
В. Ю. ЛЯШОК

Проблема долгосрочной устойчивости системы обязательного пенсионного страхования (ОПС) Российской Федерации находится в высокой степени зависимости от тенденций на рынке труда. Их анализ, а также построенные на их основе сценарные прогнозы свидетельствуют о наличии рисков, способных в будущем привести к снижению объема страховых взносов относительно ВВП.

Ключевые слова: рынок труда, пенсионная система, обязательное пенсионное страхование, страховые взносы.

JEL: E25, H55, J26.

Двумя основными источниками финансирования системы ОПС являются страховые взносы и трансферты из федерального бюджета. В 2020 г. на эти два источника приходилось около 99% всех доходов системы.

Несмотря на зависимость системы обязательного пенсионного страхования от бюджетных трансфертов (за их счет обеспечивается около 1/4 всех расходов на выплату страховых пенсий), риск ее финансового обеспечения достаточно ограничен. Сам же риск в основном связан с тем, что до сих пор отсутствует закрепленный в нормативных документах порядок расчета трансфертов. В настоящее время большая часть трансфертов определяется исходя из планируемой величины индексации пенсий, размер которой устанавливается путем согласования между различными органами государственной власти, а затем утверждается законом.

Поэтому основной риск в части финансирования системы ОПС обусловлен изменчивостью доходов, получаемых от страховых взносов, на которые влияют следующие факторы:

1. Эффективная ставка страховых взносов.
2. Величина базы страховых взносов, которая зависит от:

- темпов роста экономики;
- совокупной доли оплаты труда наемных работников в ВВП, включая и доходы от неформальной занятости¹;
- доли скрытых доходов в общей структуре доходов от трудовой деятельности наемных работников.

Обратим внимание на динамику двух последних факторов и оценим, какие долгосрочные экономические тренды могут повлиять на них в будущем. В нашем анализе не рассматривается фактор экономического роста, так как он напрямую не связан с влиянием рынка труда на систему ОПС.

Зачастую к одному из наиболее значимых рисков для пенсионной системы относят новые технологии – в той мере, в какой они определяют изменения предельной производительности работников и могут вести к снижению доли оплаты труда наемных работников в ВВП. Однако, как показывает статистика, доля

Горлин Юрий Михайлович, заместитель директора ИНСАП РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: gorlin-ym@ranepa.ru; *Ляшок Виктор Юрьевич*, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: victorlyashok@gmail.com

¹ В данном случае под такой занятостью понимается трудовая деятельность, приносящая доход (далее – скрытый доход), с которого частично или полностью не выплачиваются страховые взносы. Помимо этого, в неформальную занятость включается также деятельность, приносящая профессиональный доход (самозанятость).

оплаты труда в российском ВВП за последние десятилетия хотя и менялась, но без очевидного восходящего или нисходящего тренда. (См. рис. 1.)

Можно ли ожидать в долгосрочной перспективе роста или уменьшения доли оплаты труда в ВВП? Если обратиться к опыту развитых стран, то следует отметить, что во многих из них наблюдается снижение данного показателя. За период 1975–2012 гг. из 59 стран с официальной статистикой, позволяющей оценить эту динамику, в 42-х отмечалось падение доли оплаты труда [4]. Например, в США доля фонда оплаты труда (ФОТ) начала снижаться с 1960-х годов, а за период 2000–2015 гг. она сократилась с 63,3 до 56,7% [5]. Тем не менее снижение рассматриваемого показателя не является стабильным и наблюдается далеко не во всех странах. Современные исследования связывают данный тренд с разными причинами:

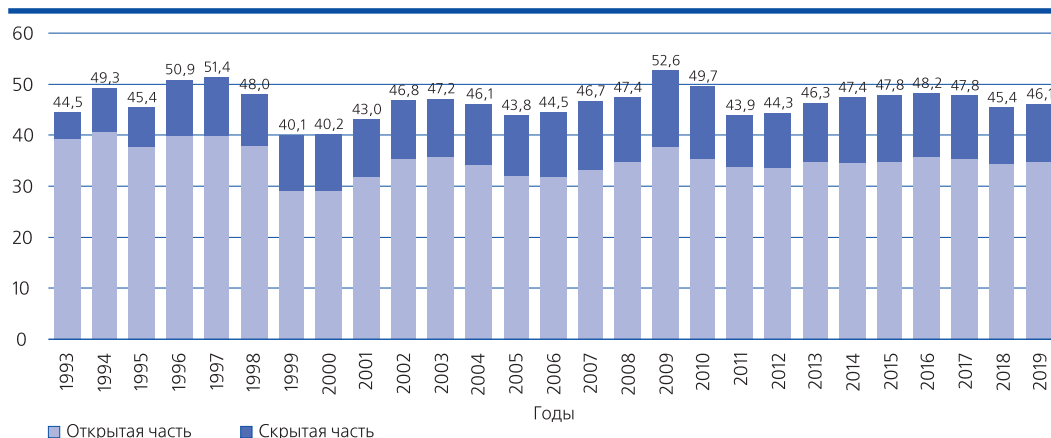
- развитием капиталоемких технологий, частично или полностью автоматизирующих низкоквалифицированный труд. Исследователи сходятся в том, что современный технологический прогресс, как и в прошлом, ведет к уменьшению доли труда в национальном доходе [1; 4; 6];

- увеличением доли транснациональных компаний в мировой экономике, что приводит к снижению конкуренции. Благодаря монопольному положению у таких компаний — высокая норма прибыли и, соответственно, низкая доля издержек на оплату труда в совокупных расходах [2; 3];
- глобализацией, в результате которой в развивающихся странах с низкой ценой труда концентрируется все большая часть мирового трудоемкого производства. В результате изменения производственных цепочек доля трудовых доходов в экономике развитых стран снижается [6].

Все эти факторы действуют уже продолжительное время, однако они не привели к снижению доли ФОТ в российском ВВП в последние десятилетия. Скорее наоборот: период 2000-х годов характеризовался активным внедрением в России новых технологий и ростом значимости капиталоемких компаний добывающего сектора, что не нашло отражения в динамике доли трудовых доходов в совокупном доходе.

Существенным риском для системы ОПС является потенциальный рост численности самозанятых в экономике. Введение режима самозанятости в настоящее время может оце-

Рис. 1. Доля оплаты труда в ВВП России, в %

Источник: Российский статистический ежегодник-2020. Приложение.

ниваться как рациональная мера для «обеления» российского рынка труда. По оценкам Счетной палаты РФ для четырех пилотных регионов, по итогам 2019 г. введение нового налогового режима привело к снижению доли скрытых от Федеральной налоговой службы (ФНС) трудовых доходов: отчасти из-за легализации занятости тех лиц, которые в прошлом оставались в тени, отчасти по причине легализации теневых подработок официально занятых. По оценкам, основанным на отчете Счетной палаты, примерно 40% новых самозанятых пришли из полностью теневого сектора, еще около 50–55% легализовали свои теневые подработки. Таким образом, лишь 5–10% могли воспользоваться новым налоговым режимом для уменьшения отчислений в ФНС, причем это значение следует считать верхней границей – скорее всего, их было несколько меньше.

Однако есть ряд факторов, которые могут привести к росту самозанятых в будущем за счет снижения численности занятых в режиме стандартных трудовых отношений. Во-первых, такой режим является привлекательным как для работодателей, так и для многих работников. При этом существует риск использования различных «схем» перевода наемных сотрудников на такой режим работы. Во-вторых, распространение удаленной занятости и новых

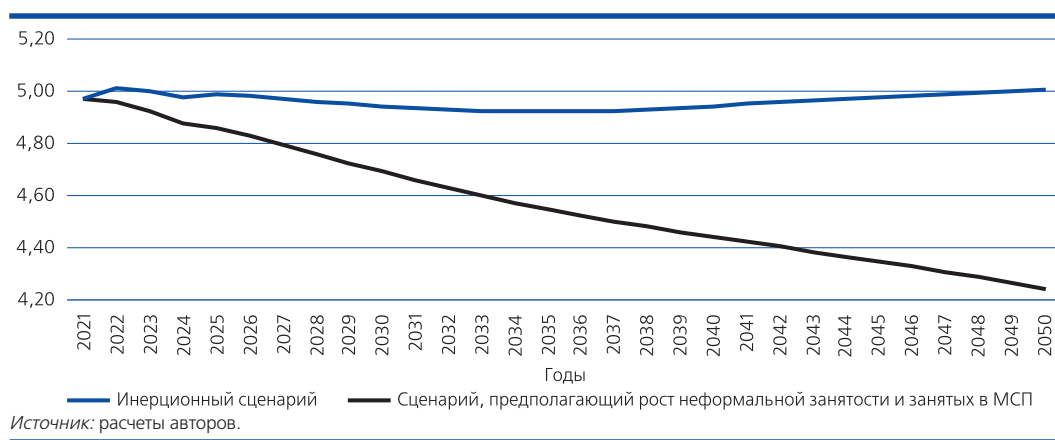
форматов услуг с использованием интернет-платформ также приведет к увеличению численности самозанятых.

Хотя прогноз численности неформально занятых проблематичен, по имеющимся оценкам, численность занятых в теневом секторе может снизиться с 9,8 млн человек в 2020 г. до 3,5 млн в 2030 г., тогда как официально самозанятых – вырасти с 1,5 до 12,5 млн человек. Соответственно, численность неформально занятых, согласно используемому нами определению, может увеличиться с 11,3 до 16 млн человек при сохранении общей численности занятых.

Дополнительным риском для системы ОПС может являться рост доли малого и среднего предпринимательства (МСП). Такой рост заложен как одна из целей в национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство». В 2020 г., в рамках поддержки МСП, пострадавшего от COVID-локдауна, была существенно снижена ставка страховых взносов. В период кризиса это было необходимо, но предоставление такой льготы на бессрочный период вряд ли может быть признано оправданным, так как оно серьезно снижает устойчивость системы ОПС и увеличивает нагрузку на федеральный бюджет.

О чем говорят результаты моделирования влияния роста доли занятых в малом и сред-

Рис. 2. Объем страховых взносов на выплату пенсий в ПФР, в % ВВП

нем бизнесе и доли неформально занятых на доходы системы ОПС? Для прогноза взносооблагаемой базы страховых взносов рассматривались два сценария.

В инерционном сценарии предполагается, что доля оплаты труда в ВВП, включая доходы от неформальной занятости, сохраняется на уровне средней за 1993–2019 гг. Это соответствует тренду последних трех десятилетий, когда доля трудовых доходов в ВВП колебалась вокруг средней величины 46,5% и со стандартным отклонением в 2,9%.

В рамках сценария, моделирующего риски со стороны рынка труда (предполагает рост неформальной занятости и занятых в МСП), прогнозируется, что объем страховых взносов существенно сократится к 2050 г. – с 5 до 4,2% ВВП. (См. рис. 2.) Это изменение связано с прогнозируемым уменьшением численности работающих в формальном секторе за счет их перехода в сферу самозанятости (0,6 п.п.), а также с ростом доли работников МСП в условиях снижения для малого и среднего бизнеса ставки страховых взносов (0,2 п.п.).

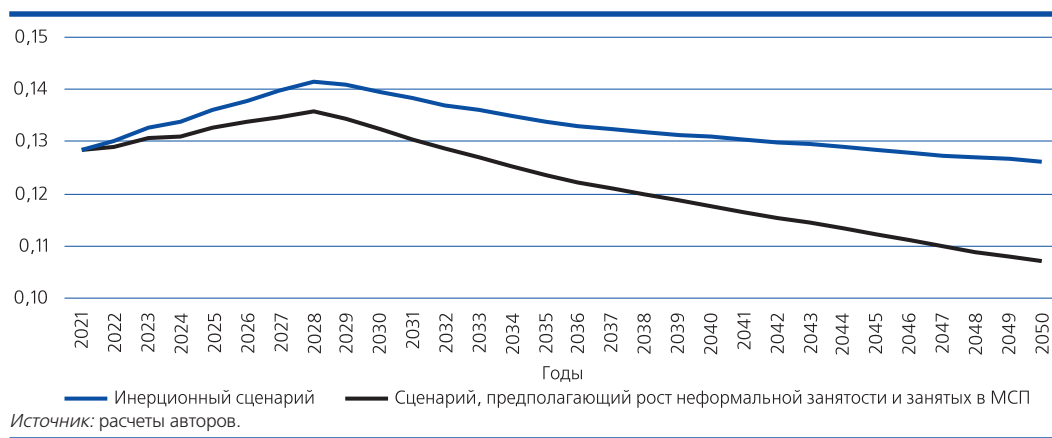
Если рассчитывать объем страховых взносов относительно численности пенсионеров, то становится очевидным, что важным фактором при этом является демографический: старение населения и связанное с этим ухуд-

шение соотношения численности пенсионеров и лиц в трудоспособном возрасте. В период повышения пенсионного возраста данный параметр стабильно растет (до 2028 г.), однако затем прогнозируется его снижение. (См. рис. 3.)

Таким образом, тренды на рынке труда, в первую очередь связанные с ростом доли малого и среднего бизнеса и неформальной занятости, будут вести к сокращению взносооблагаемой базы и доходов системы ОПС от страховых взносов в долгосрочной перспективе. В период 2021–2028 гг. эффект от повышения пенсионного возраста будет компенсировать сокращение доходов от страховых взносов. Однако в дальнейшем указанная проблема снова может начать усугубляться, если не будут приняты меры как в части параметрической настройки системы ОПС, так и в части совершенствования механизмов ее финансирования, в том числе постепенный отказ от практики поддержки бизнеса и, в частности, МСП через предоставление льгот по ставкам взносов по ОПС.

Установление ставок налога на профессиональный доход, в два-три раза меньших ставки НДФЛ, и освобождение от уплаты взносов на ОПС могут считаться целесообразными временными мерами, способствующими выводу

Рис. 3. Объем страховых взносов по ОПС на 1 млн пенсионеров, в % ВВП

такого рода лиц из «тени». Однако исключение миллионов трудоспособных лиц из солидарной пенсионной системы, с одной стороны, подрывает ее финансовую основу, а с другой — ведет к тому, что эти лица, достигнув

пенсионного возраста, не смогут начать получать страховую пенсию. Поэтому считаем необходимым в отношении всех трудоспособных лиц, в том числе самозанятых, выработать стратегию включения их в систему ОПС. ■

Литература / References

1. Acemoglu D., Restrepo P. Robots and jobs: Evidence from US labor markets // Journal of Political Economy. 2020. Vol. 128. No. 6. Pp. 2188–2244.
2. Decoupling of wages from productivity: What implications for public policies? // OECD Economic Outlook. 2018. Vol. 2012. Issue 2.
3. Dorn D., Katz L.F., Patterson C., Van Reenen J. Concentrating on the Fall of the Labor Share // American Economic Review. 2017. No. 107(5). Pp. 180–185.
4. Karabarbounis L., Neiman B. The global decline of the labor share // The Quarterly Journal of Economics. 2014. Vol. 129. No. 1. Pp. 61–103.
5. Manyika J., Mischke J., Bughin J., Woetzel J., Krishnan M., Cudre S. A new look at the declining labor share of income in the United States / McKinsey Global Institute Discussion paper. 2019.
6. Understanding the downward trend in labor income shares // IMF World Economic Outlook. Chapter 3. April 2017.

Labor Market and Mandatory Pension Insurance System: Current Trends and Long-term Risks

Yury M. Gorlin – Deputy Director of Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: gorlin-ym@ranepa.ru

Victor Yu. Lyashok – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: victorlyashok@gmail.com

The problem of long-term sustainability of the mandatory pension insurance system (MPS) of the Russian Federation is highly dependent on trends in the labor market. Their analysis, as well as scenario forecasts based on it, indicate the presence of risks that could lead to a decrease in the volume of insurance contributions relative to GDP in the future.

Key words: labor market, pension system, mandatory pension insurance, insurance contributions.

JEL-codes: E25, H55, J26.

РЕДАКЦИЯ

Ответственный секретарь: Ирина Дементьева

Редактор: Ирина Карясова

Компьютерная верстка: Ольга Белобородова

Адрес в Интернете: <http://www.edrussia.ru>

Электронный адрес: EDR-journal@iep.ru

Учредитель: Фонд «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-46259 от 17.08.11

Редакционно-издательский отдел: начальник отдела – Нина Главацкая, тел.: +7 (495) 629-43-21

EDITORIAL TEAM

Executive Secretary: Irina Dementieva

Editor: Irina Karyasova

Typesetting: Olga Beloborodova

Website: <http://www.edrussia.ru>

E-mail address: EDR-journal@iep.ru

Founder: Gaidar Institute for Economic Policy Foundation

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor). Registration Certificate PI № FS77-46259 from 17.08.11

Publishing Department: Head of Department – Nina Glavatskaya, phone: +7 (495) 629-43-21